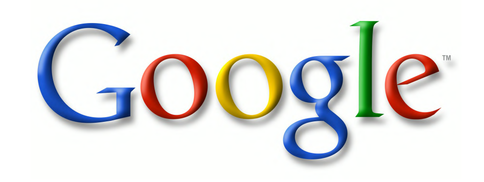


ЖУРНАЛЪ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

МАРТЪ 1874.

ЧЕТВЕРТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ CLXXII.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева, Большая Садовая, д. № 49—2.
1874.

СОДЕРЖАНІЕ.

ДРЕВНЕ-РУССКІЯ ОТРЕЧЕННЫЯ ВѢРОВАНІЯ И КАЛЕНДАРЬ БРЮСА.

I.

Область отреченныхъ вѣрованій древне-русскаго человѣка обширна. Въ ея предѣлы входятъ всѣ вѣрованія языческой старины, отринутыя христіанствомъ, и всѣ ученія ложно-христіанскія или апокрифы. Обличенія языческихъ вѣрованій появляются въ самыхъ раннихъ памятникахъ русской христіанской проповѣди и проходятъ чрезъ всю древне-русскую письменность, первою задачею которой было ввести въ жизнь русскаго народа вѣрованія христіанскія вмѣсто языческихъ. Тверды и закоснѣлы были преданія языческой старины, и христіанское ученіе лишь медленно входило въ жизнь крещенаго русскаго человѣка; между тѣмъ какъ лучшіе люди всѣмъ существомъ своимъ отдавались интересамъ новаго ученія, для массы народной, напротивъ того, всѣ запретныя вѣрованія дѣлались еще болѣе заманчивыми и дорогими. Отрекаясь отъ нихъ въявь, въ глазахъ церковныхъ учителей, народъ въ тайнѣ цѣпко держался за свои вѣрованія, или по христіанскому понятію, суевѣрія. Въ эту область устремилась потомъ вся народная фантазія; изъ преданій родной старины черпала она всѣ мотивы поэтическаго творчества, строго осужденнаго и запрещеннаго христіанствомъ. Неудержимая сила поэтической фантазіи народа переступала даже за границы языческихъ преданій, незамѣтно вторгаясь въ область христіанства и по-своему поэтизируя его высокое ученіе. Произведенія этой поэзіи быстро расходились въ народѣ, тѣсно сливаясь съ его практическою жизнію. Въ этой работѣ народной фантазіи для насъ важна одна сторона — живучесть древнихъ языческихъ вѣрованій, крѣпость и сила, съ какими вѣрованія эти являются въ жизни народа. Во многихъ памятникахъ отреченной литературы вѣрованія языческія выступаютъ на мѣсто болѣе видное,

чѣмъ вѣрованія христіанскія. А если послѣднія и прививались къ понятіямъ Русскаго народа, то далеко не въ чистомъ видѣ, но съ значительною примѣсью вѣрованій старины.

Имѣя въ виду эти обстоятельства, трудно согласиться съ мнѣніемъ, будто языческая религія Русскихъ стояла на самой низшей степени развитія, будто вѣрованія и обряды ея были слишкомъ слабы и неопредѣленны въ ту пору, когда застигло ихъ христіанство. Мнѣніе это служитъ исходнымъ пунктомъ для объясненія причинъ безотпорнаго и быстраго распространенія христіанства на Руси. Дѣйствительно, русское язычество не богато было внѣшнею обстановкой: у него не было ни богатыхъ капищъ, ни вполнѣ опредѣленныхъ и художественныхъ кумировъ, не было строго сословной жреческой іерархіи и опредѣленнаго кодекса религіозныхъ ученій. Но при всемъ томъ, вѣрованія русскихъ язычниковъ могли быть и были зрѣлы, тверды и разнообразны безъ внѣшней религіозной обстановки. Подобною обстановкой мало отличалась религія и другихъ Славянскихъ народовъ; только о храмахъ этихъ народовъ имѣются болѣе подробныя и разнообразныя извѣстія, чѣмъ о храмахъ русскихъ [1]). Съ другой стороны, и о послѣднихъ есть ясныя, хотя краткія, напоминанія. О русскихъ требищахъ говоритъ Новгородская лѣтопись, о капищахъ — митрополитъ Иларіонъ въ Словѣ о законѣ Моисеомъ даннѣмъ, о капищахъ въ Ростовской области, разрушенныхъ чудотворцемъ Исаіей, — Кіевскій Патерикъ и т. д. Самое подробное извѣстіе о русскихъ языческихъ храмахъ находится въ сагѣ объ Олавѣ Тригвесонѣ. Олавъ, сказано тамъ, ѣздилъ всегда къ храму съ княземъ Владиміромъ, но никогда не входилъ въ русскій храмъ, а стоялъ за дверьми, пока Владиміръ приносилъ богамъ жертвы [2]). Намъ кажется, что при самой строгой организаціи языческой религіи, при всей видной обстановкѣ ея, нельзя было ждать со стороны Русскихъ упорной борьбы за прадѣдную вѣру. Подобная борьба была не въ характерѣ народа, много лѣтъ прожившаго въ условіяхъ родоваго быта, основнымъ принципомъ котораго было полное подчиненіе младшихъ членовъ главѣ семьи и общины. Главныя черты родоваго быта хранили свою силу и въ періодъ первыхъ князей. Князю Владиміру, рѣшившему окрестить русскій народъ, пришлось только воспользоваться народною уступчивостію княжеской волѣ. Въ слезахъ и рыданіяхъ по старой вѣрѣ, но безотла-

---

[1]) *Срезневскаго,* Святилища и обряды древнихъ Славянъ, стр. 42.

[2]) *Срезневскій,* Святилища и обряды, 42.

гательно, Кіевляне шли креститься, ибо всѣмъ были извѣстны слова князя: „Аще не обрящется кто рѣцѣ, противенъ мнѣ да будетъ" [1]). Но не то было въ областяхъ, вдали отъ княжескаго глаза. Тамъ и послѣдующіе ревнители по вѣрѣ христіанской нерѣдко кровію обагряли языческія кумирницы, прежде чѣмъ обращали ихъ въ христіанскіе храмы. На проповѣдниковъ христіанства народъ смотрѣлъ косо, всячески старался выпроводить ихъ изъ земли своей, какъ враговъ старой вѣры, не боясь даже при случаѣ поднимать на нихъ насильственную руку. Такая непріязнь къ христіанскимъ проповѣдникамъ вытекала единственно изъ желанія народа отстоять свои старыя вѣрованія.

При этихъ условіяхъ, даже въ болѣе позднюю пору русской жизни, тѣ произведенія христіанской литературы, въ которыхъ крылись древне-языческія воззрѣнія, легче усвоялись въ Русскомъ народѣ, чѣмъ памятники чистаго христіанскаго ученія. Такъ-называемые апокрифы ближе всего подходили къ понятіямъ древне-русскаго человѣка; они нравились ему именно потому, что напоминали старыя, не-христіанскія вѣрованія. Сильная распространенность апокрифическихъ произведеній, ихъ авторитетность въ глазахъ русскихъ грамотниковъ доказываютъ, въ свою очередь, крѣпость и живучесть отреченныхъ вѣрованій. Эти-то вѣрованія, и именно тѣ изъ нихъ, которыя выросли на чисто мірской языческой почвѣ, мы намѣрены разсмотрѣть въ настоящемъ трудѣ, при чемъ не ограничимся извѣстными индексами отреченныхъ вѣрованій, но обратимъ вниманіе и на вѣрованія, указанныя древне-русскою проповѣдію.

До сихъ поръ древняя русская жизнь представляется многимъ совершенно безличною, по всецѣлой зависимости своей отъ вліянія византійскаго. Всѣ народныя воззрѣнія на міръ физическій и нравственный, всѣ отреченныя христіанскія вѣрованія, народныя примѣты или суевѣрія, все это предполагается цѣликомъ перешедшимъ изъ Византіи, такъ что во всей грудѣ чужихъ духовныхъ продуктовъ не оказывается ничего почти своего, русскаго. Такія мнѣнія заявляются преимущественно въ тѣхъ видахъ, чтобы возвысить западъ, гдѣ иные изслѣдователи видятъ самыя лучшія, чистыя и разумныя начала жизни. Они желали бы, чтобъ и въ древнее время Россія ближе встала подъ этотъ чистый западный горизонтъ, который озарилъ бы ее истиннымъ свѣтомъ разума. Но они не видятъ или не хотятъ видѣть, что и въ

[1]) П. С. Р. Л., I, стр. 82.

западной жизни, современной древней Россіи, было много такихъ же грубыхъ суевѣрій, какія были въ жизни Русскаго народа.

Но если принять въ разчетъ, что разнаго рода суевѣрія существовали какъ въ Византіи, куда перешли изъ древне-языческаго міра, такъ и на западѣ, гдѣ также были остатками древняго язычества, то необходимо признать, что древняя Россія ни въ какомъ случаѣ не миновала бы тѣхъ суевѣрныхъ ученій, которыми, думаютъ, обогатила ее Византія, — не миновала-бъ и въ томъ случаѣ, еслибы ранѣе вошла въ тѣсныя связи съ западомъ. Но сущность вопроса не въ этомъ, а въ томъ — можно ли вообще допустить, что суевѣрія русскія имѣютъ не русское происхожденіе, иначе — что они заимствованы Русскими у тѣхъ народовъ, съ которыми Русскіе приходили въ соприкосновеніе въ теченіе своей исторической жизни?

Еще Сахаровъ въ Словѣ къ Русскимъ людямъ, которымъ открывается первый томъ „Сказаній Русскаго народа", замѣтилъ, что въ повѣріяхъ нашего народа отражается общая міровая жизнь. Эти слова почтеннаго археолога потеряютъ всякій смыслъ, если мы будемъ смотрѣть на народныя повѣрья, какъ на рабски заимствованныя изъ Греціи или съ запада. Въ такомъ случаѣ мы должны будемъ отнять у Русскаго народа всякую гарантію на самостоятельное развитіе, даже и въ ту отдаленную пору, когда Русскій народъ жилъ безъ всякаго столкновенія съ Греціей и западною Европой. Достовѣрнѣе то, что древне-русскій человѣкъ въ своихъ воззрѣніяхъ на міръ внѣшній и внутренній также самобытенъ, какъ Грекъ, Римлянинъ и всякій Европеецъ, и если суевѣрія русскія представляютъ много общаго съ суевѣріями другихъ народовъ, то это объясняется кореннымъ сродствомъ племенъ, раскрытымъ въ новѣйшее время сравнительнымъ языкознаніемъ, сравнительною миѳологіей и сравнительною этнографіей. Эти науки указали славянству, и въ томъ числѣ Русскому народу, законное мѣсто въ индо-европейской семьѣ; а вмѣстѣ съ тѣмъ объяснилось и то, какъ должно понимать сходство русскихъ суевѣрій съ суевѣріями другихъ индо-европейскихъ народовъ.

Это обстоятельство, впрочемъ, не исключаетъ возможности появленія въ русской жизни и такихъ суевѣрій, которыя были бы занесены къ намъ изъ другихъ странъ. Таковы преимущественно тѣ изъ нихъ, которыя шли въ Россію путемъ литературнымъ, и въ особенности — съ запада. Многія изъ нихъ долгое время не дѣлались достояніемъ всего народа и оставались только въ рукахъ книжниковъ и начетчиковъ. Были въ числѣ этихъ повѣрій и такія, которыя, прійдя къ намъ

книжнымъ путемъ, нашли себѣ близкую аналогію въ самостоятельно развившихся вѣрованіяхъ Русскаго народа.

Теперь подробнѣе прослѣдимъ судьбы древне-русскихъ отреченныхъ вѣрованій, въ ихъ связи съ русскими отреченными книгами. Древне-русскихъ письменныхъ памятниковъ, съ указаніями на отреченныя вѣрованія, не слишкомъ много. Наша христіанская письменность, какъ извѣстно, была исключительно посвящена интересамъ религіознымъ, которые въ жизни нашихъ предковъ оставляли за собою всѣ другіе. Христіанскіе учители нашихъ предковъ смотрѣли на себя, какъ на провозвѣстниковъ ученія Христова, и особо говорить о чемъ-либо другомъ—значило для нихъ унижать себя и свою высокую профессію. Съ другой стороны, и апологетовъ языческой религіи у насъ почти не было; первобытныя религіозныя вѣрованія старины хранились и защищались самою жизнію. Совсѣмъ не то мы видимъ въ первые вѣка христіанства. Отцы и учители церкви вселенской облекались во всеоружіе языческой философіи и риторскаго краснорѣчія, чтобъ успѣшнѣе побороть неменѣе ихъ вооруженныхъ враговъ христіанства. Обладая всѣми средствами своихъ противниковъ, защитники христіанства мало боялись ихъ: они умѣли смѣло отражать заблужденія Эллиновъ эллинскою же мудростію. Поэтому у отцовъ и учителей церкви часто приводятся длинныя тирады изъ сочиненій языческихъ философовъ, поэтовъ и ораторовъ, съ цѣлію указать въ этихъ сочиненіяхъ слабыя стороны всего языческаго ученія. Такой характеръ первыхъ христіанскихъ писателей чрезвычайно важенъ въ томъ отношеніи, что знакомитъ изучающаго отцевъ и учителей церкви съ ученіемъ языческихъ мудрецовъ, даже такихъ, цѣльныя сочиненія которыхъ въ послѣдствіи утратились. Въ сочиненіяхъ отцовъ церкви выводилась, кромѣ того, наружу вся обрядовая сторона древней и современной начальному христіанству языческой жизни, о которой притомъ имѣлось довольно и прямыхъ сочиненій у языческихъ писателей. На основаніи такихъ данныхъ вся до-христіанская жизнь древнихъ народовъ воспроизведена теперь съ возможною полнотой и ясностью. Напротивъ того, до сихъ поръ мы плохо знаемъ до-христіанскую жизнь Русскаго народа и именно потому, что наши источники очень ограничены и бѣдны. Пришлось набожному лѣтописцу, церковному проповѣднику или простому христолюбцу вымолвить два-три слова о погански живущихъ современникахъ, и мы ищемъ въ этихъ словахъ ту или другую черту мало знакомой намъ физіономіи русскаго язычника. Какъ ни много успѣла собрать

наша литература подобныхъ чертъ, все-таки ихъ недостаточно для яснаго представленія духовнаго облика древне-русскаго человѣка. Гораздо живѣе и ярче, чѣмъ въ духовной письменности, рисуются черты древне-русскаго человѣка въ единственномъ почти свѣтскомъ памятникѣ нашей древней литературы—въ Словѣ о полку Игоревѣ. Но и здѣсь пѣвецъ коснулся религіозныхъ сторонъ и обрядовъ жизни только вскользь, отдавъ все вниманіе свое судьбѣ князей и ихъ войска, ихъ отчаянной борьбѣ за отчизну. Указанія Слова важны для насъ въ томъ отношеніи, что подтверждаютъ дѣйствительное существованіе въ русской жизни XII вѣка тѣхъ суевѣрій, которыя обличала духовная письменность,—что, стало быть, письменность эта держалась на русской почвѣ, а не повторяла только заимствованное изъ письменности византійской или какой-либо другой. Византійская проповѣдь давала только общій тонъ проповѣди русской, направляя обличенія послѣдней противъ того, что не подходило подъ аскетическій характеръ христіанства. Частное же содержаніе для своихъ поученій русскіе проповѣдники черпали изъ русской жизни. Само собою понятно, что замѣчаніе это касается только проповѣдей нравственныхъ; ибо догматическія, по самому характеру своему, не могли ничего имѣть собственно русскаго. Въ первый разъ встрѣчаемъ мы обличенія языческихъ вѣрованій Русскаго народа въ поученіяхъ преподобнаго Ѳеодосія Печерскаго. Онъ обличаетъ вѣру въ чехъ, во встрѣчу, воронограй и пр. Эти же суевѣрія указаны потомъ въ словѣ о мытарствахъ Кирилла Туровскаго, который причислилъ ихъ къ ересямъ или къ 15-му мытарству. Угрожающее направленіе древней русской проповѣди, обличавшей языческія повѣрья, проходитъ чрезъ всю дальнѣйшую нашу письменность. Всѣ общественныя невзгоды и политическія бѣдствія понимались ими, какъ попущенія Божіи за грѣхи двоевѣрно живущихъ. Даже на кровавую бурю злой татарщины проповѣдники и лѣтописцы смотрѣли, какъ на Божію немилость за поганскіе обычаи.

Но не смотря на всѣ строгія обличенія языческихъ вѣрованій, послѣднія жили въ Русскомъ народѣ, многія живутъ и до сихъ поръ. Они не только не поддавались вліянію духовнаго слова, но даже втягивали самую проповѣдь въ свою запретную область. Люди книжные, но несильные въ пониманіи книгъ, часто сбивались съ праваго пути и незамѣтно заходили сами въ отреченный міръ народныхъ суевѣрій. Люди эти, въ понятіяхъ массы, брали верхъ надъ проповѣдниками христіанскаго ученія во всей чистотѣ его. Ученіе послѣднихъ мало прививалось къ понятіямъ русскаго человѣка; отреченная же

литература быстро охватывала весь духовный міръ его, давая обильную пищу его уму и воображенію. Оказывалось, что чѣмъ больше появлялось на Руси запрещенныхъ ученій, тѣмъ глубже укоренялись въ духѣ древне-русскаго человѣка отреченныя вѣрованія, тѣмъ упорнѣе потомъ онъ долженъ былъ отстаивать ихъ отъ преслѣдованій церкви и правительства. Въ этой упругости старыхъ убѣжденій и въ необходимости борьбы изъ-за нихъ заключается причина односторонняго направленія нашей древней письменности. Она не могла, еслибъ и пожелала, входить въ разсмотрѣніе другихъ сторонъ жизни, когда самая важнѣйшая сторона—религіозная, требовала отъ нея самой сильной и дѣятельной помощи. Исключительность духовной письменности древней Руси обусловливается поэтому не однимъ вліяніемъ Византіи, но и условіями русской жизни, гдѣ грамотные люди не знали и не могли знать никакихъ другихъ интересовъ, кромѣ религіозныхъ. Но при всей исключительности христіанской письменности, христіанскія вѣрованія туго входили въ русскую жизнь. На усиленіе отреченныхъ вѣрованій въ Русскомъ народѣ много вліяла потомъ религіозная рознь, отторгавшая народъ отъ православныхъ учителей и сближавшая его съ тѣми невѣждами, которые своимъ авторитетомъ поддерживали суевѣрныя ученія.

Напрасно нѣкоторые изъ нашихъ историковъ выражаютъ сожалѣніе, что скудно, даже во многихъ отношеніяхъ нелѣпо было христіанское умственное развитіе нашего простаго народа въ древней Руси, и что при всемъ томъ много онъ усвоилъ понятій ложныхъ, превратныхъ. Дѣйствительно, христіанское развитіе древняго русскаго человѣка было бѣдно, и съ этою бѣдностью онъ не въ состояніи былъ выйдти изъ первобытнаго, дѣтски-невѣжественнаго состоянія, не могъ самъ собою домыслиться до свѣтлыхъ и разумныхъ воззрѣній на природу и на самого себя. Но съ другой стороны, не въ этой бѣдности христіанскаго развитія лежитъ причина живучести суевѣрій Русскаго народа. Народъ ни откуда не усвоялъ ихъ, у него не было даже средствъ къ такому усвоенію; онъ ростилъ только искони присущее ему, свои древнія вѣрованія, которыя одновременны, можно сказать, съ его жизнію. Сами грамотники наши, которыхъ почему-то считаютъ изобрѣтателями и пропагандистами суевѣрныхъ ученій, были первыми суевѣрами, а грамота ихъ только систематизировала, вводила въ литературную форму то, что̀ давно было извѣстно всѣмъ и каждому. Само собою разумѣется, что древнія русскія вѣрованія во многомъ измѣнялись, подновлялись и слоялись при-

мѣсью извращеннаго христіанскаго ученія, но основа для нихъ была доморощенная. Присматриваясь ближе къ древней отреченной литературѣ, не трудно замѣтить, что не книжники христіанскіе распространяли народныя суевѣрія, а наоборотъ, господство въ народѣ этихъ суевѣрій расплождало книжниковъ. Люди эти такъ глубоко проникались своими воззрѣніями на міръ внѣшній и на человѣка, что у нихъ естественно рождалась потребность выражать свои воззрѣнія литературнымъ путемъ, потребность обмѣна съ другими тѣми завѣтными взглядами, которые присущи были имъ самимъ и толпѣ. Такимъ образомъ, произведенія нашихъ суевѣрныхъ книжниковъ не содержали въ себѣ ничего совершенно новаго; чисто христіанское ученіе мало интересовало невѣжественную массу. Мы увидимъ въ дальнѣйшемъ развитіи этой мысли, что въ циклѣ отреченныхъ вѣрованій, помѣченныхъ письменными памятниками XVI и XVII вѣковъ, нѣтъ ничего такого, чему не было бы задатковъ въ древнѣйшихъ языческихъ суевѣріяхъ не только у Русскихъ, но и у другихъ родственныхъ имъ народовъ.

Еще менѣе основаній думать, что русскія суевѣрія проявились преимущественно, развились и окрѣпли въ расколѣ, дали пищу и силу этому явленію—именно тогда, когда началъ озарять Россію первый лучъ просвѣщенія. Между расколомъ и суевѣріями не было и не могло быть ничего общаго. Суевѣрія были вѣковѣчнымъ достояніемъ всего Русскаго народа, а расколъ, въ началѣ своемъ, былъ дѣломъ горсти людей, а потомъ вербовалъ подъ знамена свои только извѣстную часть Русскаго народа, имѣвшую побужденія преимущественно личныя и общественно-экономическія не уживаться съ православнымъ обществомъ и особенно съ правительствомъ. Притомъ, если бы дѣйствительно въ основѣ раскола лежала суевѣрная мгла, то безъ всякаго сомнѣнія, дальнѣйшая дѣятельность расколоучителей развила-бъ еще больше эту мглу, даже, можетъ-быть, возвела бы нѣкоторыя изъ суевѣрій въ ученіе сектантовъ. Ничего подобнаго не случилось. Если и имѣются въ раскольническихъ сборникахъ статьи отреченнаго характера, то тамъ ихъ не больше, если даже не меньше, чѣмъ въ сборникахъ не раскольничьихъ. А нелѣпыя бредни нѣкоторыхъ раскольническихъ сектъ относительно вѣры и нравственности не имѣютъ ни малѣйшей связи съ древне-отреченными вѣрованіями; онѣ явились или какъ отраженіе древнихъ христіанскихъ ересей, или какъ самобытныя выдумки тѣхъ невѣждъ, мужиковъ и бабъ, которыя въ расколѣ были большими охотниками и охотницами побогословствовать. Изъ всего сказаннаго видно, что древне-русскія отреченныя вѣрованія крѣпко дер-

жались въ жизни народа, и что на крѣпость и разрастаніе ихъ мало вліяли литературныя сношенія съ другими народами и даже религіозно-общественныя волненія Русскаго народа.

Наплывъ западныхъ книгъ суевѣрнаго содержанія въ XVI и XVII вѣкахъ только придалъ разнообразіе и уяснилъ прежде извѣстныя суевѣрія. Этого было довольно для того, чтобы вызвать противъ отреченныхъ книгъ обличенія русской проповѣди. Но помимо своего содержанія, книги тѣ, какъ продуктъ народовъ еретическихъ, поганыхъ, вызвали отпоръ съ другой стороны: церковная и правительственная власть воздвигла на нихъ гоненія. Читающіе и держащіе эти книги причислялись къ еретикамъ, даже ко врагамъ частнаго и общественнаго благополучія. На древнія вѣрованія стали смотрѣть, какъ на бѣсовскія коби, разсѣеваемыя еретиками на пагубу вѣрныхъ. Въ этомъ обобщеніи отреченныхъ книгъ съ ихъ западными редакторами была главная причина строгаго преслѣдованія ихъ въ XVI и XVII вѣкахъ. Русская церковь и правительство преслѣдовали здѣсь не столько самыя вѣрованія, сколько связи, поддерживавшія ихъ, связи запада съ Русью. Это видно изъ того именно, что отреченныя книги и вѣрованія существовали у насъ гораздо раньше знакомства съ западомъ, и между тѣмъ прежде смотрѣли на нихъ только какъ на душевную тлю, гибельную для христіанина. Въ русскомъ словѣ св. Ефрема, по Паисіевскому сборнику XIV вѣка, идетъ длинный перечень отреченныхъ книгъ и вѣрованій. „А отреченныя книги", говоритъ проповѣдникъ, „не приникати отинудь; отреченныя же книги суть: острономѣя, звѣздочетья, сонникъ волховникъ, птичіи чаровѣ, землемѣрье, чаромѣрье, стѣнемъ знаменье, лунное и солничныя,.... зелейникъ, колядникъ, громникъ и прочая книги, ими же бѣси привабливаютъ и бесѣдуютъ съ ними, суть же и въ святихъ книгахъ вписана лжива, на соблазну неразумнымъ человѣкомъ" [1]). Предлагая этотъ перечень, проповѣдникъ хочетъ только, чтобы чада его разумѣли, како есть добро вѣровати. Отреченныхъ книгъ, которыя въ первый разъ являются въ XVI вѣкѣ, очень немного; онѣ указаны въ Стоглавѣ; это—рафли, шестокрылъ, зодіи, альманахъ, Аристотелевы врата и пр. И эти книги были новостью для русскаго человѣка только по заморскимъ названіямъ; сущность же содержанія ихъ была въ извѣстной степени знакома русскому человѣку и прежде. То же слѣдуетъ сказать о козняхъ бѣсовскихъ, которыя запрещаетъ Домострой. Между другими

[1]) Историч. Христоматія *Буслаева*, 533.

кознями, онъ указываетъ на стрѣлки громныя, топорки, усовники, два каменіе, кости волшебныя. Не имѣя данныхъ для уясненія того, что такое усовники и два каменіе, о прочихъ указанныхъ повѣрьяхъ знаемъ, что они были извѣстны гораздо раньше Домостроя. Напрасно издатель Луцидаріуса, г. Тихонравовъ, замѣчаетъ, что выраженіемъ *стрѣлки громныя и топорки*—этимъ не вполнѣ яснымъ наставленіемъ, въ которомъ названія книгъ смѣшаны съ названіями суевѣрій,—указывается на Луцидаріусъ, потому что именно въ этомъ памятникѣ находится осуждаемое Домостроемъ толкованіе о стрѣлкахъ громныхъ и топоркахъ [1]). Подобное указаніе едва-ли можетъ имѣть значеніе, если мы вспомнимъ, что тѣ же суевѣрія указаны уже въ болѣе древнемъ памятникѣ русской письменности; именно, въ Кормчей, конца XV или начала XVI вѣка, читаемъ написаніе Аѳанасія мниха о наузѣхъ и о стрѣлѣ громнѣй: „стрѣлки и топори громніи нечестивая и богомерская вещь, аще недугы и подсыванія и огненныя болѣсти лѣчить" [2]). Послѣ этихъ словъ трудно положительно утверждать, что Домострой Сильвестра, упоминая о топоркахъ и стрѣлкѣ громней, указываетъ непремѣнно на Луцидаріусъ, и что послѣдній въ XVI вѣкѣ былъ ужь извѣстенъ въ русскомъ переводѣ [3]). Въ этомъ случаѣ можно считать болѣе вѣрнымъ указаніе Востокова, который нашелъ Луцидаріусъ на русскомъ языкѣ въ Румянцевскомъ сборникѣ половины XVIII вѣка, подъ заглавіемъ: Книга именуемая Лусидаріосъ, сирѣчь златый бисеръ. Книга эта—переводъ съ латинской: Elucidarius dialogicus theologiae tripartitus [4]). Въ доказательство поздняго появленія Луцидаріуса въ русскомъ переводѣ можно еще указать на свидѣтельство извѣстнаго западнаго писателя конца XV и начала XVI вѣка Пики Мирандолы. Онъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ о Луцидаріи, какъ книгѣ новой для современныхъ ему читателей, которые, какъ видно, различно думали о томъ, кто—авторъ этой книги. Мирандола называетъ его Алліацензомъ (Alliacensis auctor Elucidarii) [5]). Едва-ли подобная книга могла бы уже попасть въ руки Сильвестра.

---

[1]) *Лѣтописи русской литературы и древности*, издан. *Тихонравовымъ*. Т. I, 34.

[2]) *Востоковъ*, Описаніе Рум. Муз., стр. 283.

[3]) *Лѣтописи*, изд. *Тихонравова* т. I, 34.

[4]) Описаніе Рум. Муз., стр. 550.

[5]) Joannis Pici Mirandoli opera. Disputationum adversus astrologos libri duodecimi, liber quintus, cap. VII.

И другія отреченныя вѣрованія, начало которыхъ многіе видятъ въ книгахъ XVI и XVII вѣковъ, восходятъ къ болѣе отдаленному времени,—только ими до указанной эпохи мало занимались наши древніе грамотники. XVI и особенно XVII вѣка представляютъ, сравнительно съ временемъ предшествующимъ, кипучую дѣятельность въ списываніи и редактированіи отреченныхъ тетрадей на Руси. Въ извѣстной мѣрѣ, это даже дѣлало честь тогдашнимъ грамотникамъ, которыхъ интересовала книжная работа, хотя, разумѣется, работа эта брала фальшивое направленіе, не согласное съ видами церкви и правительства; грамотные люди, особенно члены церковныхъ причтовъ съ ихъ дѣтьми, наскучивъ однообразнымъ и мало для нихъ понятнымъ ученіемъ церкви, искали разумной самодѣятельности; будучи неспособны, по невѣжеству своему, къ толковой самодѣятельности, они усердствовали въ списываніи прежнихъ и въ составленіи новыхъ отреченныхъ тетрадей; на такомъ поприщѣ представлялось полное раздолье русскому суевѣрному уму, свыкшемуся съ исконными вѣрованіями, близкими къ народной массѣ, — и наши умники-грамотѣи, „мнящіеся учители", по словамъ князя Курбскаго, „болше и въ болгарскія басни, або паче въ бабскіе бредни упражняются, прочитаютъ и похваляютъ ихъ, нежели въ великихъ учителяхъ разумехъ наслаждаются" [1]). Усердіе къ отреченной письменности еще болѣе усиливалось потому, что произведенія этого рода скоро и прибыльно сбывались съ рукъ; наше нищенствовавшее приходское духовенство не пренебрегало поэтому издательскимъ промысломъ, когда онъ былъ легче и прибыльнѣе всякаго другаго. Произведенія отреченной литературы вошли, въ XVI и XVII вѣка, въ большое употребленіе. Но это не даетъ права заключить, что съ этой поры оживленной письменной дѣятельности усиливаются, или точнѣе сказать, возникаютъ многія изъ отреченныхъ вѣрованій. Отреченныя вѣрованія росли не потому, что росла литература ихъ, а наоборотъ—литература усиливалась отъ того, что наступила пора высказать давнія и созрѣлыя вѣрованія, чувствовалась потребность дать имъ книжную форму. Литература только уясняла то, чего слишкомъ было много въ темной области народнаго невѣжества. Все заносное, не отвѣчавшее русскому взгляду на извѣстный суевѣрный предметъ, не находило сочувствія и въ отреченной литературѣ. Наши древніе книжники отличались такимъ же консерватизмомъ въ своемъ дѣлѣ, какимъ отличалось все русское об-

[1]) Описаніе Рум. Музея, стр. 212.

щество въ другихъ условіяхъ жизни. Въ своихъ книжныхъ занятіяхъ они строго и раболѣпно сдерживали книгой то, что изстари держалось въ народномъ быту. Этимъ и объясняются всѣ симпатіи древнерусскаго человѣка къ запрещенной грамотѣ,—тѣ симпатіи, которыхъ не было и нѣтъ до сихъ поръ въ народѣ къ письменнымъ произведеніямъ иного рода.

Необходимо и здѣсь замѣтить, что сказанное не касается отреченной литературы христіанскаго характера или апокрифовъ. Эта литература принималась народомъ вслѣдствіе увлеченія его ложно-христіанскими понятіями, которыя однакожь сами стояли въ тѣсной зависимости отъ произведеній той литературы, которую разбираемъ здѣсь. Между тѣмъ какъ литература апокрифическая, тѣсно связанная съ христіанствомъ, свободно проходила въ народъ, не преслѣдуемая много церковною властью, между тѣмъ какъ сами представители этой власти нерѣдко принимали памятники апокрифическіе за чисто-христіанскіе,—литература отреченная, стоявшая на древне-языческой почвѣ, всегда и всѣми была строго осуждаема. Явившіеся потомъ индексы ложныхъ книгъ ясно различали книги апокрифическія отъ другихъ, которыя Кириллова Книга называетъ прямо еретическими. Относительно первыхъ въ индексахъ имѣется замѣтка, что „между божественными писаніи ложная писанія написана отъ еретикъ на пакость невѣжамъ попомъ и дьякомъ тольстивыи изборники, сельскіи худые мапаканунцы, по молитвенникомъ сельскихъ поповъ лживии молитвы о трясавицахъ и о нежитѣхъ и о недузѣхъ, имиже еретицы исказили церковная преданія и апостольская правила, пишуще ложная словеса“ [1]). Послѣ такого предостереженія относительно книгъ, которыми искажены церковныя правила, индексъ перечисляетъ мірскія еретическія книги, „ихъ же не подобаетъ чести православнымъ“. Сюда входятъ всѣ тѣ книги и вѣрованія, начала которыхъ коренились въ языческой жизни нашихъ предковъ; только немногія изъ нихъ касаются библейскаго содержанія, и тѣ въ отличіе отъ чисто народныхъ названы болгарскими баснями. Во всѣ эти отреченныя еретическія книги заповѣдано „не приницати, еже есть врази Божіи“.

По различію запрещенныхъ книгъ различно относились къ нимъ и ихъ читателямъ церковная и свѣтская власть въ древней Руси. Имѣется нѣсколько данныхъ въ подтвержденіе того, что отреченныя вѣрованія языческой старины были преслѣдуемы строже, чѣмъ апокрифы. Между

---

[1]) *Православ. Собесѣдникъ* 1858 г., часть II, 457.

тѣмъ, какъ послѣдніе нерѣдко были принимаемы и читаемы людьми, призванными учить другихъ, и заносились даже въ церкви,—вѣрованія языческія были ясно понимаемы и отвергаемы, какъ дьявольское наважденіе. Тетради, хранившія эти вѣрованія, составляли въ древности родъ подпольной литературы; за списываніе и держаніе ихъ грозили всякому кандалы, пытки и ссылка на черныя монастырскія работы. Вотъ какъ, напримѣръ, относился къ запретнымъ тетрадямъ нѣкій дьячекъ Семейка Григорьевъ, потерпѣвшій за нихъ горькую участь. Онъ „тѣ тетради, рафли, въ нынѣшнемъ во 136 году марта въ 4-й день, поднялъ на Печерской дорогѣ, въ Дмитровской въ каменной башнѣ, перешедъ Каменной мостъ, въ каменному щиту, въ завортѣ, связаны и оберчены бумагою, и про тѣ де онъ тетради сказывалъ головщику, старцу Исихѣю, да тому Кіевленину старцу Варсунофью, а память де полсемы строки писана въ борбѣ, и далъ ему каргопольскій стрѣлецъ, Ѳедкою звали, прозвище Молодой, и того де стрѣльца убили литовскіе люди..." [1]). Какъ ни бережно скрывались гадальныя тетради въ каменной башнѣ, въ каменномъ щиту, въ завортѣ, связанныя и обернутыя бумагой, какъ ни хитрилъ потомъ съ ними Семейка-дьячекъ,—онъ не ускользнулъ отъ преслѣдованій власти и былъ строго наказанъ за свое вольнодумство. Патріаршая грамота приказывала взять дьячка и сковать въ ножныя желѣза и быть ему въ монастырскихъ черныхъ службахъ годъ. Къ вящшей бѣдѣ дьячка, велѣно сжечь всѣ дорогія для него тетради.

Трудно, однако, предположить, чтобы судьи Семейки, эти строгіе пуристы древне-русской письменности, эти русскіе инквизиторы анти-религіозныхъ ученій, дѣйствовали съ сознательнымъ пониманіемъ вреднаго содержанія такихъ невинныхъ вещей, каковы Рафли. Всѣ напасти на отреченныя тетради дѣлались, намъ кажется, вслѣдствіе укоренившагося предубѣжденія противъ чужеземнаго вліянія, и потомъ, вслѣдствіе естественнаго желанія духовной власти вырывать изъ русской жизни все, что̀ напоминало языческую старину. Подобнаго стремленія нельзя объяснять однимъ вліяніемъ Византіи. Конечно, силенъ былъ примѣръ Византіи, но и безъ него въ русскомъ обществѣ должны были образоваться непріязненные взгляды на отреченныя тетради, свои и заносныя. Такая непріязнь естественна въ каждомъ обществѣ, рано замкнувшемся въ тѣсномъ кругу національности. Подъ вліяніемъ ея, передовые люди XVI и XVII вѣковъ,

---

[1]) Акты Археограѳ. Эксп., III, № 176.

люди властные, не переставали обличать всѣ преданія старины, какъ ересь. Не поддалась эта старина уликамъ древней проповѣди,—и теперь противъ нея заговорили устроители домашняго и общественнаго благочинія; заговорилъ церковный соборъ въ лицѣ самаго царя, требовавшаго радикальныхъ мѣръ къ исправленію общества; заговорили противъ старины патріаршія и воеводскія грамоты XVII вѣка: „Въ городѣхъ и уѣздѣхъ", гласитъ одна изъ нихъ, „отъ прелестниковъ и отъ малоумныхъ дѣлается бѣсовское сонмище, сходятся многіе люди мужскаго и женскаго полу по зорямъ и въ ночи чародѣйствуютъ, съ солнычного схода перваго дни луны смотрятъ и въ громное громленіе на рѣкахъ и въ озерахъ купаются, чаютъ себѣ отъ того здравія, съ серебра умываются, и медвѣди водятъ, и съ собачками пляшутъ, и зернью, и карты, и шахматы, и лодыгами играютъ...... И многіе человѣцы неразумьемъ вѣруютъ въ сонъ, и въ стрѣчу, и въ полазъ, и въ птичей грай, и загадки загадываютъ и сказки сказываютъ не былыя..." [1]).

При всѣхъ строгихъ преслѣдованіяхъ старины, Русскіе XVI и XVII вѣковъ не могли, однако, выйдти изъ чарующаго круга языческихъ воззрѣній па природу. Она сильно манила ихъ къ себѣ своимъ могучимъ вліяніемъ на человѣческую жизнь. Только строгіе аскеты мѣняли магическую силу природы на силу мнимо-христіанскихъ молитвъ и обрядовъ. Но и изъ нихъ многіе, отрѣшившись отъ вѣры въ чудесное природы, легко вѣрили въ чудесные вымыслы мнимо-христіанской мистификаціи. Этими вымыслами кстати богата была наша мнимо-литература XVI и XVII вѣковъ. Рядомъ же съ подобными произведеніями продолжали существовать толстые сборники — травники, зелейники и т. п., въ коихъ трактовалось о чудесныхъ предметахъ, обладавшихъ сверхъестественными силами. Такіе сборники были любимымъ чтеніемъ въ нашей древности. Желающій находилъ въ нихъ цѣлительное слово или чудное зеліе, на пользу себѣ и другимъ. Знахари и знахарки черпали изъ нихъ свои кудесническія знанія, или по крайней мѣрѣ, оправдывали книгою давно ходячія шарлатанства. Нужна ли была помощь страшливому воину,—ему давалась былинка, которая „въ непріятельскаго войска строй ввержена, боязнь и трепетъ на воиновъ всѣхъ наводитъ". Нужно ли было придать смѣлости охотнику-звѣробойцу,—для него пріискивалась другая былинка, „о ней же вси дивіе звѣріе трепещутъ, когда предъ ними повержена бываетъ".

[1]) Акты Историческіе, т. IV, № 55.

Страдалъ ли человѣкъ трясавицей, — ему стоило взять злое зеліе, щепотка коего или „привязанія къ лѣвому плечу недугующихъ трясавицей во здравіе приводятъ". Подозрѣвалъ ли ревнивецъ-мужъ въ вѣрности жену свою,—ему стоило только найдти чудесную траву, и тайна открыта: „Аще хощешь вѣрность жены своей извѣдати, привяжи ей у горла въ маломъ пузырькѣ скляннонъ кафра; аще кафръ счезнетъ, тогда нѣтъ отъ ней вѣрности, аще же цѣлъ будетъ, то есть, вѣрпость". Наступала ли болѣзненная и опасная пора женскихъ родовъ,—спѣшили запастись такою травой, которая „скорое и легкое невѣстамъ тяжелымъ порожденіе творитъ". Въ травникахъ и зелейникахъ были указываемы даже такія травы и коренья, цѣлительная сила которыхъ простиралась на многіе недуги и на природные недостатки, ничѣмъ другимъ не излѣчимые. Такъ, каламулътрава, между множествомъ другихъ болѣзней, „тяжесть языка легчитъ и рѣчь тяжелую исправляетъ, и остростъ подаетъ и тѣлесну похоть возбуждаетъ". На счетъ тѣлесной похоти и виннаго хмѣлю особенно много въ старинныхъ сборникахъ разныхъ притокъ и зелій. Здѣсь фантазія русскаго человѣка разыгрывалась иногда до болѣзненнаго изступленія. Между другими быліями, имѣвшими отношеніе къ плотской похоти, было нѣкое быліе, „кое вкусившему человѣку можно семьдесятъ кратъ со женою совокупитися". Были, съ другой стороны, и такія травы и коренья, которыми можно было усмирить грѣховную страсть. Такъ, одно быліе (спинная вошь) „огнь въ удахъ слитіемъ па нихъ охлаждало, въ глазахъ огонь укрощало" [1]).

Большинство древне-русскихъ грамотниковъ и народъ больше вѣрили и сочувствовали подобнымъ ученіямъ, нежели наставленіямъ чисто-христіанскимъ. Послѣднія, въ свою очередь, были иногда до нелѣпости искажаемы образами живой и грубой фантазіи, и это привлекало къ нимъ вниманіе невѣжественныхъ грамотниковъ, падкихъ на все чудесное. Между тѣмъ чудесные разказы, съ примѣсью христіанскаго содержанія, мало или совсѣмъ не были преслѣдуемы ни церковію, ни правительствомъ. Въ народѣ ходили толстые сборники, полные чудовищныхъ разказовъ о чудесныхъ явленіяхъ, исцѣленіяхъ и проч. Были терпимы, и вѣроятно, даже уважаемы большинствомъ грамотѣевъ разказы въ родѣ повѣсти о нѣкоемъ попѣ, „иже крещая жены соблазняшеся". При крещеніи дѣвицы-Персіянки попъ такъ соблазнился, что не могъ помазать ногу ея святымъ масломъ и убѣ-

[1]) Травникъ Соловецкой библіотеки, № 44 (1562 г.).

жалъ; но на дорогѣ схватилъ грѣшнаго бѣглеца св. Іоаннъ и оградилъ его крестнымъ знаменіемъ. На другой день послѣ того попъ крестилъ Персіянку, „никако разумѣвъ, яко жена есть естествомъ“ [1]). Такимъ образомъ, чудесная вѣра въ христіанскую помощь замѣнила вѣру въ помощь отъ чудесныхъ силъ природы. И тамъ, и здѣсь человѣкъ одинаково былъ суевѣренъ. Въ первомъ случаѣ суевѣріе его брало себѣ пищу изъ понятій религіозныхъ, во второмъ — изъ воззрѣній языческой старины. На сторонѣ послѣдней было большинство грамотныхъ и особенно неграмотныхъ.

Церковная власть, сообща съ гражданскою, должна была обращаться къ сильнымъ мѣрамъ для подавленія въ Русскомъ народѣ его вѣрованій въ чарующія силы природы. Она смотрѣла на всѣ вѣрованія этого рода, какъ на волшебство и чародѣйство и виновныхъ предавала суду и наказанію. Любители цѣлительныхъ травъ, подобно любителямъ подпольныхъ тетрадей, прятали свои сокровища далеко отъ зоркихъ глазъ властныхъ людей, а люди эти не упускали случая подвести подъ арестъ и судъ всякаго, у кого находили подозрительное зелье. Достаточно здѣсь указать на слѣдующій случай, одинъ изъ многихъ: Верхотурскій воевода доносилъ князю Пожарскому, что онъ нашелъ у проѣзжаго протопопа Якова въ коробьѣ „траву багрову, да три корени, да комокъ пухчеватъ бѣлъ, и того протопопа распрашивали: какая трава и корень, и у кого взялъ, и какое угодье“. Оказалось, что далъ протопопу подозрительныя вещи Тобольскій казакъ Степанко Козьи Ноги. Воевода приказалъ „того протопопа Якова и коробью, что̀ у него вынято съ воровскимъ кореньемъ, прислать къ Москвѣ съ приставомъ“ [2]). Дальнѣйшая судьба протопопа Якова съ его коробьей не извѣстна. Для насъ важенъ этотъ фактъ, какъ доказательство сильнаго преслѣдованія не на словахъ только, какъ дѣлали прежніе проповѣдники, а на самомъ дѣлѣ, преслѣдованія приверженцевъ старины, тѣхъ людей, которымъ тяжело было отрѣшаться отъ всякихъ связей съ природою, манившею ихъ къ себѣ своими завѣтными чарами.

Мы уже сказали выше, что какъ среди русскихъ людей XVI и XVII вѣковъ, такъ и среди современныхъ имъ народовъ запада, суевѣрныя воззрѣнія на природу были въ большомъ ходу. Не меньше,

---

[1]) Цвѣтникъ, сборникъ Солов. библ., № 1139, л. 200.

[2]) Акты Историч., III, № 137.

чѣмъ у насъ, было и тамъ письменности, которая занималась описаніемъ чудесныхъ травъ, звѣрей, камней и т. п. Западная церковь не меньше, если не больше нашей, усиливалась искоренить запретныя писанія. Какой преукрашенной фантастичности достигали западныя сказанія о чудесахъ, напримѣръ, травахъ, можно ясно видѣть изъ ходячаго между западными книжниками разказа о чудесной травѣ Агнусѣ. Мы приводимъ его здѣсь, какъ наиболѣе интересный. Трудно сказать, какъ сложилась въ западной литературѣ чудная сказка объ Агнусѣ или баранцѣ-травѣ; еще труднѣе согласиться съ словами г. Костомарова [1]), будто Русскіе, въ XVI вѣкѣ, увѣряли иностранцевъ, что на низовьяхъ Волги растетъ животно-растеніе баранецъ,— такъ какъ на западѣ носились слухи о чудесной травѣ гораздо раньше XVI вѣка. Западный писатель Сурій (Surius) говоритъ о ней въ сочиненіи своемъ 1504 года, пользуясь при этомъ свидѣтельствомъ тѣхъ, которые раньше его знали о баранцѣ (qui id noverant). Одерикъ Виталій еще раньше Сурія говорилъ о томъ, что баранецъ растетъ на Каспійскихъ горахъ (?). Намъ кажется, что западные разказы объ этой травѣ, извѣстные въ XV, а можетъ-быть, и въ XIV вѣкѣ, сложились инымъ путемъ, а не по разказамъ самихъ Русскихъ; скорѣе — иностранцы, пріѣзжавшіе въ Россію, распрашивали о подробностяхъ про чудный Агнусъ, о которомъ слышали они дома. Одинъ изъ западныхъ книжниковъ держитъ такую повѣсть о баранцѣ: не далеко отъ Казанскихъ Татаръ (a Casanensibus Tartaris), на одномъ островѣ, найдено сѣмя, похожее на сѣмя дынь, только немного больше и покруглѣе послѣдняго; изъ него выростаетъ что-то весьма похожее на ягненка, поставленнаго на землю, пяти ладоней въ вышину; растеніе это имѣетъ и голову, и глаза, и уши, и все прочее въ формѣ недавно рожденнаго ягненка; даже имѣетъ оно тончайшую шерсть, которую многіе въ тѣхъ мѣстахъ употребляютъ для головныхъ шляпъ. При этомъ растеніе то, если только его можно такъ назвать, мяса не имѣетъ, но за то имѣетъ кровь, вмѣсто же мяса на немъ есть какая-то матерія, очень похожая на мясо раковъ (persimilem cancrorum carni); копыта же у него мясныя, а не какъ у барана. Корни у баранца—у пупка или на серединѣ живота. Живетъ то растеніе не долго; корень его, пожравши травы вокругъ себя, за неимѣніемъ пищи, засыхаетъ. Имѣетъ тотъ баранецъ удивительную сладость, которая приманиваетъ къ растенію волковъ и другихъ хищныхъ четве-

[1]) Очеркъ жизни Великорусскаго народа, гл. XXI.

роногихъ. Все это, заключаетъ разказчикъ, могло бы казаться вымышленнымъ, еслибы не подтверждалось благонадежными людьми. Да и можетъ ли быть что-либо невозможное для всемогущаго Бога? Его и должны мы прославлять и удивляться дѣламъ его... [1]). Съ такою наивностію говорили о дивахъ природы лучшіе люди запада, и въ словахъ ихъ не меньше сусвѣрной лжи, чѣмъ въ словахъ любаго изъ нашихъ авторовъ отреченныхъ тетрадей.

Благодаря извѣстнымъ неблагопріятнымъ условіямъ, въ которыя поставлена была наша древняя письменность вообще, вліяніе собственно письменности отреченной на народъ едва-ли было велико. Письменность эта долго была достояніемъ незначительнаго кружка грамотниковъ, и суевѣрныя понятія держались жизнію народа и получали различныя варіяціи, благодаря традиціи устной, а не письменной. Поэтому ни церковная, ни свѣтская власть не могли легко и скоро истребить незначительнаго сперва количества отреченныхъ книгъ. Книги эти отстаивала народная вѣра въ ихъ ученіе, знакомое народу раньше всякихъ книгъ, вѣра въ кудесниковъ и знахарей, часто на практикѣ примѣнявшихъ отреченныя знанія. Всѣ репрессивныя мѣры правительства достигли только одного: русскій человѣкъ мало по малу начиналъ смотрѣть на свои вѣковыя вѣрованія, какъ на что-то темное, бѣсовское, за что̀ грозили ему кандалами и пытками при жизни и злыми муками ада по смерти. Поэтому, любители старины начинаютъ глубоко скрывать опасныя, но дорогія для нихъ вѣрованія и тетради и ни за что не хотятъ разстаться съ ними.

Еще живучѣе и крѣпче были древне-русскія астрологическія вѣрованія. Причина этой живучести заключалась въ близости ихъ къ жизни человѣка. Происхожденіе и этихъ вѣрованій нельзя объяснять единственно вліяніемъ византійскихъ и западныхъ книгъ. Если и являлись на Руси такія книги, то не въ большомъ количествѣ, только для записныхъ книжниковъ, и притомъ въ довольно позднюю пору, въ XVI и въ XVII вѣкѣ по преимуществу. Въ иноземныхъ книгахъ русскіе грамотники получали одни литературныя, систематическія изложенія тѣхъ астрологическихъ вѣрованій, которыя, въ извѣстной мѣрѣ, были уже знакомы Русскому народу издавна. Одна часть ихъ возникла въ періодъ язычества, другая же, и самая большая, есть естественный результатъ народныхъ наблюденій надъ звѣзднымъ небомъ и надъ вліяніями его на землю и на самого человѣка. Астро-

---

[1]) Разказъ Одерика, записанный у *Симона Маіона*, т. I, 343.

логическія вѣрованія вполнѣ естественны въ ранней жизни каждаго народа. Начало ихъ, говоритъ Байли, заключается въ свойственной каждому человѣку наклонности связывать со всѣмъ существующимъ то, что касается жизни и участи человѣческой, въ желаніи поднять завѣсу, которая скрываетъ нашу будущность [1]). При одинаково сильномъ у всѣхъ народовъ желаніи поднять заманчивую завѣсу, самые способы поднимать ее у разныхъ народовъ различны, то-есть, различны ученія и обычаи, цѣль которыхъ—проповѣдать будущее. Первоначальною причиной такого различія служитъ разность климатическихъ и топографическихъ условій страны, потомъ — условія общественной жизни народа и его нравственный характеръ. Эту черту замѣтилъ еще Цицеронъ; „Мнѣ кажется", говоритъ онъ, „что отъ самыхъ мѣстностей, заселенныхъ народомъ, произошло различіе въ предсказаніяхъ; Египтяне и Вавилоняне, обитавшіе на открытыхъ равнинахъ, все усердіе свое приложили къ распознанію звѣздъ, когда на землѣ не выдавалось ни что такое, что могло бы мѣшать наблюденію неба; Этруски же всецѣло отдались изученію внутренностей животныхъ, ибо, наученные религіи, они часто и рачительно закалали животныхъ; Арабы, Фригійцы и Киликійцы, переходя лѣтомъ и зимою съ своими стадами горы и поля, всего больше наблюдали за пѣніемъ и полетомъ птицъ; то же было въ Писидіи и Умбріи. Вся же Карія и особенно Телмессы искусно наблюдали за разными предзнаменованіями, ибо они заселили самыя тучныя и плодоносныя поля, на которыхъ вдоволь родилось всего"... [2]). Ясно, что астрологическія вѣрованія составляютъ, подобно другимъ, необходимое явленіе въ жизни каждаго народа, вызываемое физическими условіями странъ и образомъ жизни ихъ обитателей. Они необходимо должны были возникнуть рано и въ жизни Русскаго народа, будучи вызваны открытыми равнинами его родины, на которыхъ не было помѣхъ для наблюденій звѣзднаго неба; притомъ, эти вѣрованія возникли въ русской жизни самостоятельно, и безъ сомнѣнія, задолго до внесенія ихъ въ памятники древней письменности. Впрочемъ, и письменныя указанія по этому дѣлу восходятъ къ очень древней порѣ. Еще черноризецъ Кирикъ въ XII в. коснулся повѣрья, связаннаго съ астрологіей: онъ осудилъ вѣрившихъ въ счастливые и несчастливые дни по отреченнымъ книгамъ.

---

[1]) Статья Astrologie въ *Johann Samuel Fraugott Gehler's* Physikalische Wörterbuch.

[2]) Ciceronis Opera Philosophica. De divinatione liber I, 571—572.

„Прочтохъ", говоритъ Кирикъ, „изъ нѣкоторой заповѣди: оже въ недѣлю и въ субботу и въ пятокъ лежитъ человѣкъ, а зачнетъ дитя,— будетъ либо тать, либо разбойникъ, либо блудникъ, либо трепетивъ; а родителма опитемья два лѣта. А ты книгы годяться съжечи" [1]). Что за книги здѣсь разумѣются—свои или занесенныя изчужа, рѣшить трудно. Извѣстно, что ученіе о днѣ и часѣ, въ который зачинается человѣкъ, было усердно разработываемо западными астрологами. Такъ-называемый фатальный часъ, hora fatalis, считался необходимымъ условіемъ для всякаго дѣла; но особенно важенъ онъ былъ своимъ вліяніемъ на зачатіе человѣка. Западные схоласты вели жаркіе споры о томъ даже, къ какому времени отнести тотъ моментъ изъ жизни человѣка, который называется hora fatalis. Одни относили его къ тому времени, когда мужчина въ первый разъ соединяется съ женщиной; другіе же принимали за hora fatalis весь періодъ времени, въ которое мужескій плодъ ростетъ во чревѣ матери, и проч. [2]). Кирикъ, какъ видно, указываетъ на мнѣніе мыслителей перваго рода; но дѣло въ томъ, что въ XII вѣкѣ едва ли были извѣстны указанныя ученія западныхъ книжниковъ, а тѣмъ болѣе едва ли могли они перейдти въ ту пору къ намъ. Такимъ образомъ, если мнѣніе о русскомъ происхожденіи книгъ, которыя, по словамъ Кирика, годятся сожечи, покажется слишкомъ смѣлымъ, то позволительно думать съ полною вѣроятностью, что онѣ были греческаго или южно-славянскаго происхожденія. Въ отреченныхъ книгахъ позднѣйшаго времени не видно указаній на дни добрые и недобрые по вліянію ихъ на зачатіе и рожденіе человѣка; но что вѣра въ различіе этихъ дней существовала, на это указываетъ извѣстная поговорка: „Такъ на роду написано".

Потому ли, что астрологическія вѣрованія Русскихъ не высказывались слишкомъ рельефно, или потому, что имъ не придавали особенно важности и грѣховности,—только наши обличители языческихъ суевѣрій въ XII, XIII и XIV вѣкахъ мало говорятъ противъ астрологическихъ примѣтъ и наблюденій. Между другими обличеніями древнѣйшихъ календарныхъ вѣрованій можно указать на слова Серапіона. Онъ говоритъ въ своемъ словѣ о маловѣріи слѣдующее: „Егда кая на насъ казнь отъ Бога пріидетъ, то болѣ прогнѣваемъ, извѣты кладуче, того ради ведро, сего дѣля дождь, того дѣля жито

---

[1]) Памятники Русской Словесности XII вѣка, 188.

[2]) P. Miranduli, lib. sextus, cap. II.

не родиться,—и бываете строители Божіей твари, а о безумьи своемъ почто не скорбите.." [1]). Два-три голословныя указанія древнерусскихъ проповѣдниковъ могутъ все-таки служить сильнымъ доказательствомъ того, что астрологическія вѣрованія существовали не только въ практическомъ быту Русскаго народа, въ его примѣтахъ и гаданіяхъ, но и въ письменныхъ памятникахъ древней Руси. Русское Слово св. Ефрема о книжномъ ученіи, между прочимъ, говоритъ: „Отреченныя же книги суть: остроноумѣя, звѣздочетья, стѣнемъ знамянье, лунное и солничная, яко 3 бываютъ солнца, или волосы простирая, или ногарая, колядникъ, громникъ" и пр. [2]). Расходясь по Русской землѣ, астрологическія вѣрованія обсложнялись потомъ сродными имъ вѣрованіями чужеземнаго свойства, изъ чужеземныхъ книгъ. Въ нашихъ древнихъ сборникахъ много разнообразныхъ статей астрологическаго содержанія. Таковъ между прочимъ, по указанію г. Буслаева, одинъ синодальный сборникъ XVI в., въ коемъ помѣщены статьи: Премудраго Георгія Писида о широтѣ и о долготѣ, о земномъ устроеніи, о мланіи, о грому сказаніе, о трехъ крузѣхъ—о солничномъ и луннѣмъ, и земномъ, о солнечныхъ знаменіихъ, о лунныхъ знаменіихъ, о двоюнадесять зодіахъ и т. п. [3]). Въ XVII вѣкѣ книжныхъ статей такого рода являлось еще больше — уже съ запада. Была извѣстна, напримѣръ, нашимъ предкамъ „Великая и предивная наука" Раймунда Луллія (Raymundus Lullus), по рукописи XVII вѣка [4]).

Съ XVI же вѣка начинаются, однако, и литературныя обличенія астрологическихъ вѣрованій Русскаго народа. Самое почетное мѣсто въ ряду другихъ обличителей принадлежитъ Максиму Греку. Обличенія Максима были вызваны не изученіемъ нашей народной жизни, которой онъ, какъ пришлецъ, не зналъ, а знакомствомъ съ книжнымъ ученіемъ западныхъ ерстиковъ, сочиненія которыхъ проникли въ Россію. Какъ сочиненія эти, такъ и обличенія ихъ ученымъ Грекомъ не могутъ вѣрно знакомить насъ съ тѣми дѣйствительными повѣрьями Русскаго народа, съ которыми была связана вся жизнь нашихъ предковъ, и которыя вошли потомъ въ русскій народный календарь. Отличаясь книжнымъ характеромъ, сочиненія Максима не проникали въ народъ. Ихъ мало почтили своимъ вниманіемъ

---

[1]) Слово Серапіона о маловѣріи.
[2]) *Буслаевъ*, Историч. Христоматія, стр. 533.
[3]) Тамъ же, 693.
[4]) Тамъ же, 694.

и наши древніе книжники, вопервыхъ, потому, что многіе изъ нихъ, по степени умственнаго развитія своего, не въ состояніи были понимать автора обличительныхъ сочиненій, и поэтому, не могли соглашаться съ нимъ; а вовторыхъ, потому, что Максимъ Грекъ не пользовался довѣріемъ не только у современниковъ своихъ, но и въ ближайшемъ потомствѣ, „аки хульникъ и святыхъ писаній тлитель". Немного имѣли значенія и другія литературныя обличенія древнерусскихъ астрологическихъ примѣтъ и суевѣрій. Поэтому, въ письменности XVII вѣка мы видимъ множество неизвѣстныхъ прежде тетрадей, со всевозможными толками о звѣздныхъ и атмосферныхъ явленіяхъ. Въ этой письменности оказались „астрономіа солнечному и лунному и звѣздному теченію и вся небесная двизанія по зодіамъ планетъ". Здѣсь были предсказанія о погодѣ, о плодородіи земномъ, объ удачѣ или неудачѣ въ предпріятіяхъ по положенію планетъ, и проч. [1]). Явилась сказка о Соломоновой печати, на которой якобы изображены были разныя астрономическія выкладки; тутъ сказано, что въ суткахъ считается 24 большихъ часовъ, а въ большомъ часу по 66 дробныхъ часовъ, а во всякой дроби по 72 точки [2]). Въ одномъ сборникѣ XVII вѣка въ первый разъ оказалось извѣстіе о чудесной звѣздѣ Чигирь [3]). О ней писали, что „есть великая мудрость, аще кто добрѣ гораздъ и разумѣетъ мѣсячному нарожденію той, и кій кругъ водитъ сія звѣзда Чигирь". Астрологическія наблюденія вошли въ народную медицину. Ими опредѣлялось, напримѣръ, время кровопусканія, или какъ выражались въ старину, „сисканіе искусныхъ врачевское время кровь пускати". [4]). Въ XVII вѣкѣ редактируются разнаго рода колядники, наблюденія „о Рождествѣ Христовѣ—въ который день прилучится". [5]). Досужіе грамотники XVII вѣка уносились въ такую высь астрономическихъ изчисленій, что старались высчитать, во сколько лѣтъ обновляется небо, земля, море, воды, солнце, луна, звѣзды и вѣтры. [6]). Въ области чисто народныхъ воззрѣній XVII вѣка мы видимъ также не убыль, а прибыль отреченныхъ вѣрованій. Въ длинномъ перечнѣ народныхъ суевѣрій,

[1]) Описаніе Рум. Музея, стр. 14.
[2]) Тамъ же, 15.
[3]) Тамъ же.
[4]) Тамъ же, 365.
[5]) Тамъ же, 539.
[6]) Тамъ же, 553.

по списку Румянцевскаго музея, указаны небывалыя прежде примѣты: „Громъ слыша валяются, мышь въ жнивѣ высоко гнѣздо совіетъ — снѣгъ великъ будетъ и погода будетъ". Много было и другихъ примѣтъ къ погодію: "И берегъ подымается, и море дичится, и вѣтры сухіе и мокрые тянутъ, и облаки дождевныя, и снѣжныя, и вѣтреныя, и громъ гремитъ, и буря вѣетъ.... и плодовъ въ лѣтѣ коемъ не будетъ, и зори смотрятъ, небо дряхлуетъ—ведро будетъ, платья моютъ до солнца и моются сами" и проч. [1]).

Не имѣя большаго количества данныхъ, чтобы заключать, что XVII вѣкъ благопріятствовалъ размноженію отреченныхъ вѣрованій въ Русскомъ народѣ, мы естественно приходимъ къ иному взгляду на это дѣло. Письменныя произведенія и житейская наблюдательность дѣйствительно могли способствовать росту вѣрованій астрологическихъ, но на дѣлѣ выходило не то: запреты и гоненія, направленныя церковною и свѣтскою властью противъ отреченныхъ тетрадей, сильно парализировали астрологическія вѣрованія древней Руси. Церковь русская считала ихъ, по обыкновенію, бѣсовскою ересью, грозила за нихъ отлученіемъ отъ церковнаго общенія и вѣчными муками ада. Но страшнѣе всего были угрозы правительства. На этомъ пунктѣ особенно ясно сказалась вся смутность понятій древне-русскаго человѣка, вся его умственная малорослость и неразвитость. Съ одной стороны, онъ искренно вѣрилъ самымъ нелѣпымъ примѣтамъ и ученіямъ, съ другой—сильно боялся ихъ, особенно когда видѣлъ, что ученія и примѣты эти есть у западныхъ еретиковъ. Сами Русскіе цари, окружая себя звѣздознатцами и различными кудесниками, довѣряя ихъ шарлатанскимъ бреднямъ, были неумолимыми карателями безбожныхъ читателей заморскихъ тетрадей, съ суевѣрными гаданіями. Іоаннъ Васильевичъ Грозный, болѣзнуя о заблужденіяхъ своихъ подданныхъ, жалуется отцамъ Стоглаваго собора, что де „волхвы и чародѣйники во Аристотелевы врата и въ рафли смотрятъ, и по звѣздамъ и по планитамъ глядаютъ, и смотрятъ дне и часовъ"; и этотъ самый царь трепещетъ при небывалой прежде звѣздѣ, чая въ ней предвѣстницу близкой кончины своей. Положительно можно сказать, что не только простой народъ того времени, но и люди высшихъ сословій, вмѣстѣ съ царственными особами, мало подвинулись впередъ на пути умственнаго развитія: они по прежнему вѣрили во вліяніе на человѣка луны и прочихъ планетъ, наблюдали за небесными знаменіями и дома, и на войнѣ; по-

[1]) Описаніе Рум. Музея, 550.

добно героямъ Слова о полку Игоревѣ и сказанія о Мамаевомъ побоищѣ, они опредѣляли этими знаменіями успѣхъ или неуспѣхъ своихъ предпріятій, однимъ словомъ, были суевѣрны съ ногъ-до головы. Но разница между Русскими XVI и XVII вѣковъ и ихъ предками заключалась въ двойственности понятій первыхъ. Предки въ вѣрованіяхъ своихъ не двоедушничали, прямо и безбоязненно смотрѣли на явленія природы, не видя въ томъ никакой грѣховности; а потомки этихъ людей осуждали, гнали и проклинали то, чему въ то же время вѣрили. Дома, въ тихомолку, въ кругу людей близкихъ, они слушали гадателей и чародѣевъ, сами гадали, держались различныхъ суевѣрныхъ обычаевъ, а въ обществѣ, на глазахъ у другихъ, серьезно толковали о злотворности всѣхъ сатанинскихъ обычаевъ. Желанные результаты такой дѣятельности лучшихъ людей русскаго общества не замедлили сказаться. Народъ сталъ смотрѣть на свои вѣрованія, какъ на бѣсовское навожденіе, навѣянное яко-бы извнѣ, отъ поганыхъ еретиковъ; сталъ бояться и отвращаться того, что̀ взростила и взлелѣяла вся прошлая его жизнь, что̀ издавна сопутствовало всей народной дѣятельности, что̀ сродно каждому человѣку, по самой природѣ своей близко поставленному подъ вліяніе небесной тверди, что̀ разумный человѣкъ долженъ только осмыслить, а не отвергать, какъ бѣсовщину и заморскую погань. Простяки совсѣмъ отступились отъ связей съ литературой запада, боясь подвергнуться за нее гнѣву высшихъ властей; но люди болѣе смѣлые и дѣльные не покидали заманчивыхъ толковъ о явленіяхъ природы и не боялись заручаться западными тетрадями отреченнаго характера. Многое изъ этихъ тетрадей вошло въ календари новаго времени. Литвинъ Маскѣвичъ сообщилъ весьма интересную замѣтку о судьбѣ западныхъ календарей въ Россіи въ началѣ XVII вѣка. „Науками въ Москвѣ", говоритъ онъ, „не занимаются; онѣ даже запрещены. Бояринъ Головинъ разказывалъ мнѣ, что въ правленіе извѣстнаго тирана (Ивана IV) одинъ изъ нашихъ купцовъ, пользовавшихся правомъ пріѣзжать въ Россію съ товарами, привезъ съ собою въ Москву кипу календарей. Царь, узнавъ о томъ, велѣлъ часть этихъ книгъ принесть къ себѣ. Русскимъ онѣ казались очень мудреными; самъ царь не понималъ въ нихъ ни слова; почему опасаясь, чтобы народъ не научился такой премудрости, приказалъ всѣ календари забрать во дворецъ, купцу заплатить сколько потребовалъ, а книги сжечь" [1]). Замѣтка Маскѣ-

---

[1]) Сказанія современниковъ о Димитріѣ Самозванцѣ, ч. V, стр. 67.

вича, какъ намъ кажется, показываетъ не то, что содержаніе чужихъ книгъ было совершенно ново для Русскихъ и ихъ царя, а то, что книги эти были писаны, вѣроятно, на латинскомъ языкѣ, знаніе котораго въ ту пору было у насъ необыкновенною рѣдкостію. Дѣло въ томъ, что царь одинаково сталъ бы преслѣдовать чужеземные календари и въ томъ случаѣ, еслибъ они были писаны на языкѣ, для него понятномъ. Переводомъ иностранныхъ книгъ на русскій языкъ занимались у насъ любители интересныхъ книгъ, эти древніе литературные смѣльчаки. Однимъ изъ такихъ, по замѣчанію Маскѣвича, былъ бояринъ Головинъ, у котораго онъ видѣлъ потомъ одну изъ тѣхъ книгъ, которыя царь велѣлъ сжечь за ихъ нерусское происхожденіе.

Въ XVII столѣтіи еще болѣе усилилось преслѣдованіе нечестивыхъ астрономейныхъ и другихъ знахарствъ; но и это опять не доказываетъ того, чтобы русскіе люди, даже сами охранители русской нравственности, по понятіямъ своимъ стали выше своихъ предковъ. Мы знаемъ, что сами монархи этого времени часто любили понавѣдаться о разныхъ хитростныхъ мудростяхъ не только отъ людей русскихъ, но и отъ иностранцевъ. Благочестивый Михаилъ Ѳеодоровичъ не боялся пускаться въ алхимическія бредни иноземныхъ шарлатановъ; онъ читалъ, и вѣроятно, вѣрилъ изъясненіямъ голландскаго Нѣмчина фонъ-деръ-Гейдена объ алхимической мудрости или о философскомъ камнѣ, врачующемъ всѣ болѣзни. Въ распросѣ, сдѣланномъ Гейдену отъ царскаго лица, заѣзжій Нѣмчинъ сказалъ даже о томъ, какъ ему философскую мудрость сдѣлать изъ свинцу, олова и желѣза, а изъ мѣди и ртути — серебро и золото. При таковой мудрости, по увѣренію алхимика и астролога, принимали дѣятельное участіе семь главныхъ планидъ. „А сперва“, говоритъ фонъ-деръ-Гейденъ, „объявится изъ того дѣла, яки камень цвѣтомъ бѣлъ и красенъ, и имянуютъ тотъ камень философы камень премудрый; потому что тѣ прежденмянованныя скудѣли (здѣсь безсмыслица отъ какого-то пропуска) .... дѣлѣ къ семи планидамъ: Кронъ, Севесъ, Арисъ, Афродитъ, Ерминъ, луна и солнце. Изъ того камня выдетъ потомъ масло, и то масло изцѣляетъ отъ всякихъ немощей, какія ни буди, и соблюдаетъ человѣка въ добромъ здоровьѣ“ [1]). Тотъ же царь приглашалъ Адама Олеарія къ себѣ на службу придворнымъ астрологомъ.

Еще болѣе высказывалось со стороны русскаго правительства до-

---

[1]) *Рихтеръ*, Исторія медицины въ Россіи, II, приложенія, стр. 20.

вѣрія къ астрологическимъ вѣрованіямъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Въ 1654 году разнеслась по Москвѣ молва объ имѣющемъ скоро быть моровомъ повѣтріи; оробѣвшій царь, этотъ строгій хранитель православія и благочестія, не замедлилъ дать приказъ распросить заморскаго доктора Энгелгардта о перемѣнахъ, имѣющихъ быть въ предбудущемъ году [1]). Энгелгардтъ отвѣчалъ на вопросы письменно, по-латини, и предсказывалъ ужасный моръ, котораго не минуетъ и Россія. На страхъ Русскихъ людей и самого царя, предсказаніе сбылось. Въ 1655 году грѣхъ ради на Москвѣ начался моръ, „измраху мнози люди, ихъ же число Богъ вѣсть“, и т. д. Докторъ, мѣткій угадчикъ будущаго, заинтересовалъ царя, и онъ предложилъ Энгелгардту нѣсколько вопросовъ о кометахъ и о предсказываніяхъ въ разсужденіи будущихъ въ свѣтѣ перемѣнъ и о будущемъ подъ осень моровомъ повѣтріи. Въ длинномъ письмѣ къ царю Энгелгардтъ постарался изложить все ученіе тогдашнихъ астрологовъ о занимавшихъ царя вопросахъ. Сначала онъ сказалъ о самой важности астрологическихъ наблюденій словами Корнелія Геммы (Cornelius Gemma): „Значеніе планетъ обширнѣйшее, смыслъ неудобопонятенъ, наблюденіе же не только полезно, но и необходимо“. Между предвѣстіями, которыя указываются кометами, перечислены слѣдующія: кометы указываютъ на три главнѣйшія бѣдствія: на войну, моръ и голодъ; указываютъ потомъ на смерть царей, вельможъ и другихъ высокихъ особъ; кометы предвѣщаютъ великія перемѣны въ дѣлахъ церковныхъ и гражданскихъ, опустошенія и гибель великихъ государствъ; предвѣщаютъ далѣе неслыханныя землетрясенія и наводненія; наконецъ, подъ вліяніемъ планетъ родятся цари и другіе великіе дѣятели, отъ которыхъ зависятъ великія дѣянія и славныя реформы [2]). Всѣ эти тезисы развиты потомъ въ подробностяхъ. Подробности уяснены примѣрами изъ жизни самого автора и другихъ извѣстныхъ личностей. Особенно подробно развивалъ Энгелгардтъ тѣ стороны вопроса, о которыхъ толковали отреченныя книги, и которыя вошли потомъ, какъ увидимъ, въ календарь Брюса. Хитрый астрологъ объяснялъ царю, что знатоки астрологіи очень часто указываютъ не только особамъ знатнымъ, но и каждому человѣку мѣсто и время его рожденія; они могутъ предвидѣть счастливыя и несчастныя обстоятельства изъ жизни человѣка—его женидьбу, болѣзни и самую смерть.

[1]) Тамъ же, 137.

[2]) Исторія медицины, II, приложенія стр. 96.

Не знаемъ, какъ отнесся Алексѣй Михайловичъ къ мудрованію заморскаго звѣздознатца, но несомнѣнно то, что царь увлекался тѣми астрологическими вѣрованіями и гаданіями, которыя царскими же указами были строго запрещаемы.

Милостивыя, но только домашнія, отношенія благочестиваго царя къ звѣздочетцамъ особенно не правились старовѣрамъ. Они упрекали Алексѣя Михайловича въ томъ, что онъ любилъ альманашниковъ. А попъ Лазарь безъ церемоніи взывалъ къ царю такъ: „Царю благородный! Како время сего не испытуешь: имѣеши у себя мудрыхъ философовъ, разсуждающихъ лица небесе и земли, и звѣздъ хвосты аршиномъ измѣряющихъ: сихъ Спасъ глаголетъ лицемѣры быти, яко времени не изгадаютъ. Государь! Таковыхъ ли въ чести имаши и различными брашны питаеши, и хощеши внѣшними ихъ плеухами власть свою мирну управити. Ни, ни...!“.

Это личное увлеченіе суевѣрнаго Русскаго царя западными альманашниками не прекращало однако строгихъ правительственныхъ мѣръ противъ отреченныхъ вѣрованій народа и особенно противъ иноземныхъ астрологическихъ тетрадей. Разумѣется, мѣры эти не достигали вполнѣ своихъ цѣлей. Если не было на Руси до XVIII вѣка ходячихъ, не запрещенныхъ календарей, то во всей силѣ были изстари вѣковъ жившія въ практической жизни народа, календарныя знанія. Только всѣ эти астрологическія вѣрованія, всѣ эти гаданія по звѣздному небу, по атмосфернымъ явленіямъ, по вліянію луны и другихъ планетъ, съ теченіемъ времени, сдѣлались для русскихъ людей чѣмъ-то темнымъ, связующимъ человѣка съ невидимою, нечистою силою, которая способна морочить грѣшнаго человѣка на всѣхъ пунктахъ жизни его. Въ силу такой запуганности оказалось, что между небомъ и землею, между человѣкомъ и свѣтлымъ міромъ небожителей, живетъ несмѣтное населеніе духовъ тьмы; они царятъ въ воздушномъ пространствѣ и оттуда строятъ козни земнороднымъ. Для разъясненія этого воззрѣнія достаточно указать здѣсь слѣдующее мѣсто изъ Луцидаріуса, близкое къ понятіямъ древняго русскаго человѣка: Ученикъ вопроси: „есть ли на двухъ небесѣхъ что сотворено?“ Учитель рече: „отъ земля даже до луны лукавіи души, идѣже именуются и демони, и тѣ суть тамо поставлены, даже человѣки отъ юностныхъ дней отъ воздуха прельщающе души, а отъ луны даже до звѣздъ, воздухъ есть, огнянъ вельми: тамо пребываютъ святіи ангели; сіи суть поставлени, да человѣки хранятъ отъ лукавихъ бѣсовъ...“ [1]). Во мно-

[1]) Луцидаріусъ въ *Памятн. Русск. Лит.*, изд. *Тихонравова*, т. I.

гихъ руководительныхъ книгахъ древней Руси, подобныхъ Домострою, звѣздочетье приравнивалось, какъ тяжкій грѣхъ, къ блуду, къ скаканію и гудѣнію, конскому уристанію, чарованію и волхвованію [1]). Такимъ образомъ, упреки звѣздочетью хотя и не уничтожили въ Русскомъ народѣ стремленія провѣдывать въ явленіяхъ природы извѣстные знаки въ пользу или во вредъ себѣ, и не могли разорвать крѣпкой, вѣковой связи между природой и человѣкомъ, но за то посѣяли недовѣріе къ книжнымъ ученіямъ этого рода. Знанія природы и ея явленій по прежнему были заманчивы, но взяться за книжную обработку ихъ, особенно съ помощію западныхъ книгъ, едва-ли бы кто осмѣлился изъ самыхъ умныхъ русскихъ людей XVII вѣка.

Таковъ дѣйствительно былъ результатъ долгой, замкнутой жизни древне-русскаго человѣка, и съ такимъ складомъ понятій застигла русскаго человѣка реформа Петра. Самъ Петръ, если судить строго, былъ грубымъ суевѣромъ, пока мощный духъ его не вышелъ на настоящую дорогу разумныхъ знаній. Даже и эти знанія не могли совсѣмъ отрѣшить великаго человѣка отъ увлеченій звѣздочетствомъ. Гороскопъ Петра служитъ въ томъ уликою. Но въ суевѣріи этомъ не было фарисейства. Петръ не боялся астрологическихъ бредней, не пугалъ за нихъ и другихъ, не боялся называть эти бредни русскими и не чернилъ ими иностранцевъ. При немъ вольно было всякому высказывать свою вѣру въ звѣзды и мѣсяцы и разчитывать гаданья, „потребныхъ ради и миролюбивыхъ дѣлъ, роженіе мѣсяцу, рекше, молоду, усматривать полнаго мѣсяца и въ то время потребная своя сотворять, изжидать ветхаго мѣсяца, или ущерба, сиричь, перекрая, наблюдать звѣздное хоженіе, считать добрые часы и злые“ [2]). Вообще при Петрѣ не запрещалось читать и писать календарныя тетради, вѣрить и учить тому, за что̀ до него грозили всѣми муками ада. Этимъ и объясняется составленіе въ Петровскую эпоху особой русской книжки суевѣрнаго и гадательнаго содержанія, подъ заглавіемъ „Брюсова календаря“.

Ѳ. Керенскій.

---

[1]) Сборникъ Солов. библіотеки (см. у *Щапова* въ Очеркахъ народнаго міросозерцанія, 65).

[2]) Поученіе къ вѣрующимъ отъ прелестнаго разума въ роженіе мѣсяца и т. д. *Лѣтописи Тихонравова*, т. V.

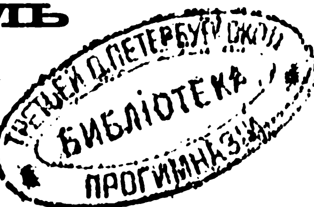
ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

АПРѢЛЬ

1874.



ЧЕТВЕРТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ CLXXII.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева, Большая Садовая, д. № 49—2.
1874.

СОДЕРЖАНІЕ.

ДРЕВНЕ-РУССКІЯ ОТРЕЧЕННЫЯ ВѢРОВАНІЯ И КАЛЕНДАРЬ БРЮСА[1].

II.

Крутая и спѣшная реформа Петра, потрясая умственную жизнь Русскаго народа, внесла оживленіе и въ міръ отреченныхъ его вѣрованій. Всѣ эти вѣрованія стянуло и сгрупировало вокругъ себя имя Я. В. Брюса, или вѣрнѣе, это сдѣлалъ календарь, названный его именемъ. Долго жило и будетъ жить чудное имя ученаго Нѣмца не только въ русской исторіи, но и въ памяти Русскаго народа среди котораго царскій любимецъ до сихъ поръ не утратилъ репутаціи величайшаго знахаря и колдуна. Такая репутація ни мало, однако, не отвращаетъ народъ отъ загадочнаго Нѣмца; народъ считаетъ его знахаремъ и колдуномъ или кудесникомъ въ томъ почтенномъ смыслѣ, какой придавался древнимъ русскимъ вѣдунамъ, которые пользовались, вмѣстѣ съ удивленіемъ, высокимъ почетомъ, какъ люди знанія, стоявшіе выше толпы по своему кудесничеству, — люди, которыхъ, пожалуй, всѣ боялись, но къ которымъ и стремились всѣ за совѣтомъ.

Гдѣ-жь, однако, причина таинственной связи всего Русскаго народа съ именемъ хитраго басурмана? Гдѣ источникъ того обаятельнаго вліянія, которое произвелъ и до сихъ поръ производитъ въ народѣ извѣстный календарь съ именемъ Брюса? Брюсъ былъ умный и образованный Нѣмецъ, но народъ ничего не зналъ объ его умѣ и образованіи. Съ этой стороны зналъ своего любимца одинъ Петръ. Для него былъ дорогъ Брюсъ, какъ человѣкъ, приносившій на пользу Русской земли свои знанія и труды, искренно уважавшій государя и

[1]) См. *Журн. Мин. Нар. Просв.* мартъ 1874 года.

его дѣло, весь отдавшійся интересамъ и волѣ Петра. „За симъ вручаю тебя, моего милостивѣйшаго государя, въ сохраненіе Божіе, а я остаюсь твой всѣмъ сердцемъ холопъ Якушко Брюсъ", писалъ Петру Яковъ Вилимовичъ [1]). Такая преданность Брюса государевой волѣ не могла не нравиться Петру. Петръ, съ своей стороны, умѣлъ цѣнить преданность и при случаѣ постоять за своего вѣрнаго холопа. Онъ не смѣнялъ его однажды на князя Ѳ. Ю. Ромодановскаго, когда послѣдній сильно обидѣлъ маломощнаго Нѣмца. Петръ сдѣлалъ обидчику бранный выговоръ. „Звѣрь", писалъ онъ князю,—„долго ли тебѣ людей жечь: и сюда (въ Голландію) раненые отъ васъ пріѣхали: перестань знаться съ Ивашкой, быть отъ него рожѣ драной!" [2]) Петръ не одинъ разъ дѣлилъ съ Брюсомъ труды астрологическихъ и математическихъ занятій; они вмѣстѣ наблюдали, измѣряли, вычисляли. Занятія эти наводили простяковъ на недобрыя думы о хитромъ Нѣмцѣ и онѣмечившемся царѣ; Сухарева башня заняла поэтому видное мѣсто въ ряду другихъ диковинъ Петровскаго времени. Но и не здѣсь, не въ таинственныхъ занятіяхъ Петра съ Брюсомъ — источникъ чудесныхъ толковъ о послѣднемъ. Брюсъ славенъ въ народѣ по своему календарю. Мы не можемъ ничего сказать о томъ, какъ велико было участіе его въ созданіи календаря, который, какъ извѣстно, былъ главнымъ трудомъ библіотекаря Кипріанова. Но дѣло не въ этомъ, а въ томъ, что народная молва приписала календарь одному Брюсу, усвоивъ чудесной книгѣ имя чудеснаго знахаря. Весь интересъ для насъ въ самомъ календарѣ. Какъ увидимъ ниже, календарь этотъ сообщилъ мало новаго или даже не сообщилъ ничего, чего не было бы, въ извѣстной мѣрѣ, если не въ письменныхъ древне-русскихъ памятникахъ, то въ ходячихъ вѣрованіяхъ и въ практической жизни народа. Но въ этомъ отожествленіи давнихъ запретныхъ вѣрованій съ календаремъ и кроется вся сила послѣдняго.

Брюсовъ календарь есть итогъ многовѣковыхъ вѣрованій, гаданій и примѣтъ русскаго человѣка, подведенный рукою знатока, не того только Русскаго, который цѣлые вѣка прожилъ жизнію разрозненною отъ родственныхъ народовъ запада, а такого, который жилъ когда-то въ одинаковыхъ условіяхъ съ этими народами, подъ одинаковымъ вліяніемъ природы внѣшней и внутренней. Въ итогѣ оказалось и то, что̀ ростилъ Русскій народъ у себя дома, и то, что̀ выростили народы

[1]) *Пекарскій,* Наука и литература при Петрѣ Великомъ, I, 290.

[2]) *Устряловъ,* Исторія Петра Великаго III, 95.

запада; въ томъ и другомъ—много общаго. Русскій народъ отнесся къ Брюсову календарю, не какъ къ выдумкѣ хитраго Нѣмца,—тогда календарь Брюса изчезъ бы скоро и безслѣдно; народъ принялъ эту книгу какъ что-то родное, какъ исповѣдь души своей, пережившей такъ много и начавшей бояться того, что̀ пережито, что̀ тѣсно слилось съ самою жизнію. Разомъ поднять предъ глазами всѣхъ панораму потаенной жизни, открыть застилавшее ее покрывало, смѣло заговорить со всѣмъ Русскимъ народомъ о вещахъ хитрыхъ и животрепещущихъ,—все это могъ сдѣлать не простой умный человѣкъ, а величайшій знахарь, чудодѣй. Между Русскими, православными найдти такого знахаря было нельзя; давно перевелись они въ Русской землѣ. Носились въ народѣ однѣ воспоминанія о томъ, что были-де когда-то и на Руси люди вѣщіе, обладавшіе силою вліять не только на предметы земные—на огонь, воду, коренья и на самого человѣка, но даже и на небесныя свѣтила—на солнце, мѣсяцъ и звѣзды. Теперь же, когда древнее знахарство стало бѣсовскимъ чаромутьемъ, когда оно сильно преслѣдовалось и Божескимъ писаніемъ, и государевымъ указомъ, когда первое мѣсто въ обществѣ заняли люди новые, нищіе духомъ и смиренные сердцемъ,—теперь не было между Русскими такого человѣка, который рѣшился бы въ слухъ всѣхъ говорить или писать о стародавнихъ вѣдунствахъ. Слова его и писанія могли показаться для всѣхъ дѣломъ бѣсовскимъ, проклятымъ, чернокнижіемъ. Теперь у Русскаго человѣка была новая сила, сильнѣе всякаго чарующаго слова, произносимаго хитрыми знатцами. Онъ отмаливался отъ нихъ, знатцевъ, Богу христіанскому, просилъ, чтобы завязалъ Господи колдуну и колдуньѣ, вѣдуну и вѣдуньѣ уста и языкъ на раба Божія зла не мыслить [1]). Вмѣсто этихъ людей, отверженныхъ и проклятыхъ, древне-русскій человѣкъ давно призывалъ въ моленіяхъ своихъ святыхъ заступниковъ христіанскихъ. „Михайло архангелъ", говорилъ онъ въ одномъ заговорѣ,—„Гавріилъ архангелъ, Никола Милостивъ, снидите съ небесъ и снесите ключи и замкните колдуну и колдуньѣ, вѣдуну и вѣдуньѣ и упирцу на крѣпко и твердо" [2]). Не подъ силу было старымъ вѣдунамъ спорить со всемощными словами и дѣлами святыхъ угодниковъ, особенно Николы Милостиваго. „И сойдетъ Никола Милостивый", заключаетъ заговоръ, — „и снесетъ желѣза, и поставитъ отъ земли до небесъ и запретъ тремя ключами позолоченными, и тѣ

---

[1]) *Архивъ*, изд. *Калачова*, 1854 г., кн. II.

[2]) Тамъ же.

ключи бросить въ окіянъ-море"... Глубоко погрузившись въ умственно-религіозное невѣжество, наши предки считали страшнымъ грѣхомъ пускаться въ великія тайны звѣзднаго неба, въ смотрѣніе луны и прочихъ планетъ; они давно привыкли вѣрить, что все, что̀ ни дѣлается въ той высшей сферѣ, все это—отъ Бога: Богъ, а не планеты, управляетъ судьбою міра и человѣка. А кому хотѣлось прозрѣть поглубже въ міровые вопросы, добраться до начала и значенія вещей, тотъ на всѣ вопросы свои могъ найдти готовые отвѣты въ народной ѳеогоніи. Отвѣты эти мирили человѣка съ его безпокойною пытливостію, ни мало не смущая его совѣсти, какъ изреченія, согласныя съ божескимъ ученіемъ. Нелѣпой стороны отвѣтовъ простой человѣкъ не замѣчалъ и искренно вѣрилъ, что

У насъ бѣлый вольный свѣтъ зачался отъ суда Божія;
Солнце красное отъ лица Божьяго,
Самого Христа Царя Небеснаго,
Младъ свѣтелъ мѣсяцъ отъ грудей его,
Звѣзды частыя отъ ризъ Божіихъ,
Ночи темныя отъ думъ Господнихъ,
Зори утренни отъ очей Господнихъ,
Вѣтры буйные отъ Свята́ Духа;
У насъ умъ-разумъ Самаго Христа,
Самаго Христа, Царя Небеснаго, и проч.

И вотъ, при полной созрѣлости и ходячести истинныхъ и ложныхъ христіанскихъ взглядовъ на природу вообще и на твердь небесную въ частности, является, въ первые годы XVIII вѣка, новая книга, на удивленіе всѣмъ начетчикамъ и ихъ слушателямъ. Она напоминаетъ имъ старые, заглохшіе и забытые взгляды на міръ и на человѣка. Она мѣтко ударяетъ въ самыя живыя струны человѣческаго духа, пытливаго и склоннаго къ чудесному. Она разомъ заслоняетъ собою всю прежнюю отреченную литературу, отражая въ себѣ одной множество завѣтныхъ вѣрованій древне-русскаго человѣка, а вмѣстѣ съ тѣмъ показывая ему и новыя ученія, добытыя на западѣ. Естественно, что эта удивительная книга должна была представиться русскому человѣку плодомъ ума самаго умнаго человѣка, и притомъ не русскаго,—иноземца. И дѣйствительно, вскорѣ настоящій составитель книги былъ забытъ современниками, и они приписали трудъ его тому, о комъ давно носились самые чудовищные слухи, какъ о необыкновенномъ чернокнижникѣ и самомъ хитромъ астрологѣ. Только этотъ человѣкъ, умѣвшій, по народной молвѣ, добывать живую и мертвую воду, долго

жившій въ самой могилѣ своей, гдѣ, черезъ нѣсколько лѣтъ, нашли его живымъ, съ отросшими волосами на головѣ и бородѣ, съ длинными ногтями на рукахъ [1]),—только этотъ заморскій чародѣй, околдовавшій Русскаго царя при жизни своей и напугавшій его по смерти, только онъ могъ быть авторомъ чудной тетради—календаря, названнаго именемъ Брюса. Русскіе не могли надивиться, какъ заморской новинкѣ, тому, что̀ изстари вѣковъ было предметомъ ихъ вѣрованій, что̀ наполняло ихъ практическую жизнь, что̀ по частямъ писано было во многихъ запретныхъ тетрадяхъ и сборникахъ,—только въ послѣднихъ все то ученіе не было такъ хитро и занимательно, какъ въ нѣмецкомъ календарѣ. Въ настоящее время самый календарь Брюса—рѣдкость, но ученіе его продолжаетъ служить до сихъ поръ богатымъ матеріаломъ для календарей народныхъ, полныхъ интереса для современныхъ грамотниковъ.

Составляя одно изъ явленій, современныхъ реформѣ Петра, календарь Брюса, съ своей стороны, кладетъ рѣзкую черту на характеръ ея. Онъ указываетъ, что дѣло Петра не сходило съ родной почвы и цѣпко вязалось съ предшествовавшею жизнью Русскаго народа. Поворотъ этотъ какъ ни былъ силенъ, все-таки былъ въ порядкѣ вещей; ибо величайшимъ безпорядкомъ было то, что Русскіе впали въ отчужденіе отъ другихъ Европейцевъ, и что вслѣдствіе того, чрезъ нѣсколько вѣковъ, условія жизни тѣхъ и другихъ сдѣлались совершенно различными. Петръ поставилъ себѣ цѣлью уничтожить эту рознь. Успѣшное начало Петровскаго дѣла лежитъ, между прочимъ, въ родствѣ Русскихъ съ другими Европейцами, въ тожествѣ коренныхъ началъ ихъ народностей. Длинную нить, связующую народы запада съ Русскими, представляютъ, между прочимъ, и наши древнія отреченныя вѣрованія. Нося теперь имя отреченныхъ, они на самомъ дѣлѣ больше, чѣмъ что-нибудь другое, составляютъ прирожденную и цѣльную собственность народа. Даже дальнѣйшее развитіе отреченной русской литературы, подъ вліяніемъ христіанства, имѣетъ много общаго съ литературою другихъ народовъ Европы. Народамъ тѣмъ, опередившимъ насъ книжнымъ образованіемъ, принадлежитъ починъ въ составленіи многихъ изъ отреченныхъ книгъ, которыя были переносимы и въ Россію, давая готовую литературную форму для книжныхъ работъ нашихъ книжниковъ, падкихъ на всякую отреченную

[1]) *Пекарскій*, Науки и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ, I, стр. 289.

тетрадь, потому что видѣли въ ней отблескъ своихъ собственныхъ воззрѣній.

Исторія древне-русской литературы не представляетъ пока положительныхъ отвѣтовъ на многіе вопросы о происхожденіи и судьбѣ отреченныхъ книгъ въ Россіи; но основательное уясненіе этихъ вопросовъ могло-бъ уяснить вопросъ о томъ, всѣ ли древне-русскія вѣрованья и повѣрья заимствованы изъ чужихъ книгъ, или они существовали въ русской жизни самобытно, и имѣли ли вообще книги большое вліяніе на появленіе суевѣрій. Большинство изслѣдователей русской литературы стоитъ на томъ мнѣніи, что русскія отреченныя вѣрованія цѣликомъ заимствованы изъ запрещенныхъ книгъ, а что самыя книги рабски списывались нашими грамотниками съ чужихъ образцовъ [1]). Наши грамотники, стало быть, перенимали цѣликомъ греческія или южно-славянскія отреченныя книги и запрещенія противъ нихъ; они обходили въ этихъ книгахъ только тѣ изъ чужихъ суевѣрій или обычаевъ, которые слишкомъ рѣзко говорили о своемъ греческомъ происхожденіи, или иначе говоря, которыхъ необразованные грамотники не могли назвать русскимъ именемъ, какъ, напримѣръ, ипподромъ. При оцѣнкѣ такого взгляда на происхожденіе древне-русскихъ отреченныхъ вѣрованій въ связи съ отреченными книгами, необходимо имѣть въ виду различіе между запрещенными памятниками нашей древней письменности. Изъ византійскихъ или славяно-южныхъ памятниковъ апокрифическаго характера, съ христіанскимъ догматико-нравственнымъ ученіемъ, переносилось на Русь все цѣликомъ, безъ малѣйшихъ прибавокъ и убавокъ, и здѣсь русскіе грамотники и даже сами учители русской церкви молчали предъ чужимъ авторитетомъ и были только переписчиками въ полномъ смыслѣ слова. Напротивъ того, пользуясь литературными произведеніями, имѣвшими близкое отношеніе къ народной жизни или направленными противъ богомерзкихъ языческихъ суевѣрій, наши грамотники твердо стояли на родной почвѣ и слѣпо пріурочивать чужіе обычаи къ своимъ, которыхъ на дѣлѣ не было, не могли. Тѣмъ болѣе имъ не зачѣмъ было обличать Русскій народъ въ такихъ слабостяхъ, которыхъ онъ совсѣмъ не зналъ. Живое отношеніе отреченныхъ книгъ къ русской жизни доказывается измѣненіями, дополненіями и сокращеніями, какія видимъ мы въ переводныхъ отреченныхъ книгахъ и въ индек-

---

[1]) См., напримѣръ, мнѣніе г. *Пыпина* въ статьѣ объ отреченныхъ книгахъ, въ *Русск. Слов*, 1862 г., № 1, 92.

сахъ ихъ. Одинъ изъ изслѣдователей исторіи русскихъ отреченныхъ книгъ, г. Пыпинъ, говоритъ, что статья о ложныхъ книгахъ дополняла постоянно свой списокъ запрещеній, уже независимо отъ своего греческаго образца, но что съ извѣстной эпохи она мало слѣдитъ за ложнымъ матеріаломъ, который продолжаетъ появляться въ народномъ чтеніи и обычаяхъ [1]). Дополненія въ индексахъ дѣлались, безъ сомнѣнія, съ цѣлію обличать двоевѣрно живущихъ.

Для обличителей было важно не то, что извѣстныя суевѣрія помѣчены были въ греческомъ, болгарскомъ или какомъ-либо другомъ памятникѣ, а то, что суевѣрія эти существовали въ самой жизни Русскаго народа, получивъ начало свое не изъ книгъ, занесенныхъ съ чужбины, а изъ условій самой жизни. Трудно, въ самомъ дѣлѣ, согласиться съ тѣмъ, чтобъ отреченныя книги могли, напримѣръ, къ XI вѣку вкоренить въ народъ Русскій вѣру въ чехъ, во встрѣчу, вороноградй и тому подобныя суевѣрія, которыя обличаетъ наша письменность XI вѣка. Мнѣніе, что ложныя книги и суевѣрія часто смѣшивались нашими книжниками въ одно понятіе, что суевѣрія запрещались ими, какъ книги, въ книгахъ же преслѣдовалось то, чего никогда не было въ жизни [2]), — не имѣетъ за собою никакихъ доказательствъ. Не думаемъ, чтобы наши древніе грамотники и даже учители церкви были такъ недальновидны, что могли смѣшивать съ книгой чиханье, ржанье коня, вой собаки или волка, мышь, изгрызшую портъ, и т. п. Дѣло въ томъ, что составители индексовъ говорили иногда о суевѣріяхъ, записанныхъ въ книгѣ рядомъ съ суевѣріями, жившими только въ практической жизни народа или же, означивъ общее содержаніе суевѣрной книги, дѣлали потомъ частный перечень суевѣрій порознь. Все это наводило нѣкоторыхъ изслѣдователей отреченной литературы на мысль о неумѣньи грамотниковъ отдѣлять суевѣрія отъ книгъ. Значительная близость чужихъ индексовъ запрещенныхъ книгъ и суевѣрій къ русской жизни нисколько не доказываетъ рабской зависимости нашей древней письменности отъ письменности греческой; ибо отреченныя книги хотя и были въ большомъ количествѣ заносимы изъ Византіи и изъ славянскихъ земель, но все-таки близко отвѣчали русской жизни; рядомъ съ ними потомъ являлось не мало книгъ чисто русской редакціи. Послѣднія были на столько оригинальны, на сколько самобытны были самыя вѣрованія у всѣхъ народовъ древняго и новаго

---

[1]) Въ указанной выше статьѣ, 98.

[2]) *Пыпинъ* въ той же статьѣ, 101.

міра. При полной зависимости отреченныхъ книгъ отъ чужихъ образцовъ, всѣ обличенія запрещенныхъ вѣрованій со стороны нашей древней письменности были бы пустымъ повтореніемъ чужихъ словъ, праздною забавой досужихъ грамотѣевъ. Всѣ вѣрованія старины мало измѣнялись не только у Русскихъ, но и у другихъ народовъ востока и запада, съ тѣхъ поръ, какъ христіанство остановило дальнѣйшій ростъ ихъ. Въ индексѣ русскихъ суевѣрій и примѣтъ XVII вѣка [1]) читаемъ тѣ же главныя суевѣрія, какія указаны были въ памятникахъ древнѣйшихъ; разница и тамъ, и здѣсь въ одной дробности, въ исчисленіи различныхъ случаевъ одного и того же повѣрья.

При всегдашнемъ и общемъ желаніи представителей религіи хранить ея ученіе отъ примѣси ученій ложныхъ, обыкновенными кажутся всѣ запрещенія на русскія ложныя книги и требованія беречься отъ чтенія ихъ. Все это мы видимъ не только у христіанъ, но и у язычниковъ. Древняго Грека ожидало уголовное наказаніе за всякое лживое ученіе о богахъ. Римская власть также зорко смотрѣла за чистотою своей религіи. Еще законъ Ромула требовалъ, чтобы никто не вѣрилъ баснямъ, то-есть, фальшивымъ толкамъ о богахъ. Deorum fabulas ne credunto, гласилъ законъ тотъ [2]). Діонисій Галикарнасскій такъ поясняетъ смыслъ закона: никто не долженъ вѣрить толкамъ о богахъ, въ которыхъ раскрываются недостатки и пороки ихъ, но всѣ пусть думаютъ и говорятъ о богахъ свято, благочестиво и чинно, ничего не прибавляя непристойнаго блаженнымъ натурамъ [3]). Въ послѣднее время Римской республики, по свидѣтельству Цицерона, оказывалось много неурядицъ даже въ государственной жизни Римлянъ отъ того, что не всегда были строго отличаемы истинныя книги или изреченія отъ фальшивыхъ. Знаменитый ораторъ жалуется на то, что современники его давали иногда много вѣры стихамъ Сивиллъ, смыслъ которыхъ былъ такъ теменъ, что одинъ и тотъ же стихъ могъ показаться выгоднымъ въ томъ и другомъ дѣлѣ. Цицеронъ сравниваетъ подобныя изреченія съ двусмысленными акростихами поэта Эннія [4]). Заботливостію римскаго правительства сохранить религіозное ученіе въ возможной чистотѣ вызванъ былъ въ 615 году законъ Корнелія Гиспилла, которымъ повелѣвалось, чтобы всѣ

---

[1]) Опис. Рум. Муз., ст. 551.
[2]) Jus antiquum Romanorum, edit. *Christ. Debelow*, 15.
[3]) Ibid.
[4]) Cicer. de Divinat., lib. II, 643.

Халдеи, въ продолженіе десяти дней, выбрались вонъ изъ города и изъ Италіи [1]). Халдеи эти разсѣевали въ Римскомъ народѣ ложныя книги и ученія.

Еще бдительнѣе и строже смотрѣла за ложными книгами церковь христіанская. Ея заботы объ этомъ дѣлѣ возрастали съ возрастаніемъ ересей, учители которыхъ редактировали свои учительныя книги въ духѣ еретическомъ. Хотя многія еретическія книги сохранились до нашего времени, но къ древней русской церкви онѣ не имѣли никакого отношенія. Только съ появленіемъ ересей и расколовъ на Руси, нѣкоторыя изъ запрещенныхъ книгъ нашли сочувствіе въ русскихъ лжеучителяхъ. Въ этомъ случаѣ наши книжники выписывали и обнародовали чужіе индексы, въ предостереженіе неопытныхъ отъ еретическихъ обольщеній. Русскіе проповѣдники, которымъ, безъ сомнѣнія, были извѣстны ложныя книги, не считали нужнымъ говорить о нихъ, а если говорили, то кратко и въ случаѣ нужды. „Ложныхъ книгъ не почитайте“, говоритъ митрополитъ Кириллъ II отцамъ Владимірскаго собора (1274 г.),—„и отъ еретикъ уклоняйтесь, и общенія съ ними не имѣйте, а буесловцемъ и сквернословцемъ и во всяческихъ богохульникомъ, не отъ божественныхъ писаней и суетная и ложная глаголющимъ, яже на пагубѣ правовѣрнымъ душамъ, устіе заграждайте и возбраняйте“. Буесловіе, сквернословіе, толки не отъ божественныхъ писаній на пагубу правовѣрнымъ, все это было самымъ больнымъ мѣстомъ русскаго общества въ первое время его христіанской жизни. Боль развивалась и усиливалась не отъ вліянія отреченныхъ книгъ, а отъ естественной борьбы ученій языческихъ съ христіанскими, отъ неизбѣжной смѣси однихъ съ другими. Ни одинъ проповѣдникъ не указалъ намъ того, что подобные толки возникли изъ книгъ. А если въ книгахъ приводились названія суевѣрій, то одни названія не могли привить къ русскому человѣку самыхъ суевѣрій; для этого требовались не слова, а длинный процессъ извѣстныхъ комбинацій человѣческаго духа съ предметами и явленіями природы. Суевѣрія, проникавшія всю жизнь русскаго человѣка, окутавшія его съ ногъ до головы, не могли создаться разомъ, подъ вліяніемъ чужихъ книгъ, даже тогда, когда допустимъ раннее и обширное распространеніе ихъ въ древне-русской литературѣ. Подобнаго явленія не могло быть при благопріятныхъ условіяхъ для письменности,— тѣмъ болѣе не могло его быть въ древне-русскомъ обществѣ, кото-

[1]) Römische Zeittafeln, 1841 г., 134.

рое, по малоразвитости своей, тупо относилось къ книгѣ. Извѣстно, что всѣ учители древней русской церкви горько жалуются на невниманіе своихъ пасомыхъ къ проповѣди, на косность ихъ въ понятіяхъ и обычаяхъ старины. Положительно можно сказать, что отреченныя наши книги говорили о суевѣріяхъ и примѣтахъ, дѣйствительно существовавшихъ въ русской жизни; онѣ стояли въ тѣсной связи съ жизнію народа, а не пріурочивали къ ней обычаевъ чужихъ, не существовавшихъ на дѣлѣ. Сказанное, замѣтимъ еще разъ, простирается на отреченныя книги суевѣрно-языческаго содержанія, хотя бы книги эти были заимствованы изъ Византіи или изъ другаго мѣста. Когда же христіанство на Руси начинало осиливать язычество, наши грамотники, любители старины, начали сами работать надъ литературною обработкой древнихъ вѣрованій и примѣтъ. Одни изъ нихъ дѣйствовали безкорыстно, другіе же, позднѣйшіе,—изъ желанія потрафить на вкусы общества и извлечь изъ того выгоды. Волховники, Трепетники, Сносудцы и подобныя книги суть произведенія русскія, въ большинствѣ своемъ. Положительно рѣшить, которая изъ такихъ книгъ русская, которая не русская, пока трудно. Затрудненіе происходитъ не отъ того, что многіе памятники этого рода не извѣстны [1]), а отъ невозможности различить содержаніе книгъ; ибо у насъ слишкомъ мало основаній, чтобъ утверждать, что это вѣрованіе русское, а это греческое, болгарское или чье-либо другое. Затрудненіе простирается даже на тѣ изъ отреченныхъ книгъ, чужеземное происхожденіе которыхъ нельзя не видѣть съ перваго раза — по ихъ заглавію. Скажемъ здѣсь о подобныхъ книгахъ — о Рафляхъ и Аристотелевыхъ Вратахъ.

Мало положительнныхъ свидѣтельствъ о степени распространенія этихъ книгъ въ нашемъ древнемъ обществѣ. О нихъ, какъ злыхъ ересяхъ, упоминаетъ Стоглавъ. Книги тѣ, по выраженію Стоглава, отъ Бога отлучаютъ, и въ тѣ прелести вѣруючи, многіе люди отъ Бога отдаляются и погибаютъ. Различны мнѣнія о томъ, какія именно прелести были въ Рафляхъ и Аристотелевыхъ Вратахъ. Были ли охочи до этихъ прелестей люди простые или только записные книжники, въ родѣ Семейки дьячка, жестоко поплатившагося, какъ мы видѣли, за богомерзкую книгу. Утверждать, что Рафли были въ большомъ употребленіи въ древней Россіи—нельзя потому уже, что онѣ были

[1]) *Пыпинъ* въ статьѣ «Для исторіи ложныхъ книгъ», 9, въ *Архивѣ*, изд. *Калачова*.

занятіемъ книжнымъ, съ книжными вопросами и отвѣтами; книжное же дѣло въ древности было у насъ не въ слишкомъ большомъ употребленіи. Если бы Рафли были въ большомъ ходу, то онѣ, какъ вещь извѣстная и общеупотребительная, не произвели бы большой тревоги, когда случайно были найдены у дьячка Семейки. Патріаршая грамота объ этомъ дьячкѣ видитъ въ Рафляхъ что-то рѣдкое и диковинное, достойное русскаго аутодафе. Но это не особенно важно. Интереснѣе вопросъ о томъ, что̀ за книги были Рафли и Аристотелевы Врата. Г. Пыпинъ, приводя толкованіе слова Raffla изъ глоссарія Дю-Канжа, видитъ въ книгѣ Рафля родъ азартной игры. Но такому значенію Рафлей у насъ, въ Россіи, противорѣчитъ свидѣтельство Стоглава, по которому въ Рафли смотрѣли во время тяжбъ и спорныхъ полевыхъ поединковъ. Въ этомъ случаѣ Рафли приравнены къ Аристотелевымъ Вратамъ, звѣздамъ и планитамъ. Употребленіе Рафлей въ самыхъ критическихъ случаяхъ жизни, съ цѣлію узнать роковой исходъ борьбы, далеко выдѣляетъ ихъ изъ ряда игръ, даже азартныхъ. Онѣ получали здѣсь значеніе гадальныхъ тетрадей, на что̀ указываетъ и г. Пыпинъ. Для гаданія бросались шарики (зернь) на кругъ тетради, размѣченной цифрами, указывавшими номеръ отвѣта. По экземпляру Рафлей, напечатанному въ *Архивѣ* г. Калачова, можно безошибочно заключать, что книги эти были дѣйствительно гадальными тетрадями, похожими на гадальную книгу царя Соломона. На это значеніе ихъ указываютъ выраженія „меть добра" или „меть зла". Необходимо поэтому думать, что русскія Рафли служили и игрой, въ извѣстное время и у извѣстныхъ лицъ, и гадальными тетрадями. Это показываетъ, какъ мало наши грамотники церемонились съ привозными съ запада тетрадями, и какъ скоро измѣняли ихъ по-своему. Оказывалось, что западная книга чрезъ нѣсколько времени удерживала одно западное названіе, получая въ Россіи новое содержаніе и значеніе. Подобныя измѣненія были, разумѣется, и на западѣ, но тамъ онѣ являлись не вслѣдствіе личнаго произвола книжниковъ, а по условіямъ самой жизни въ различныхъ классахъ общества. Сначала въ XIV вѣкѣ, западныя Рафли, по указанію Дю-Канжа, могли быть игорною забавой знатныхъ людей, которая не могла интересовать людей низшаго разбора. Люди эти, перенимая потомъ важную забаву въ свой кругъ, незамѣтно давали ей другое назначеніе, связанное съ житейскими интересами, съ практическою приложимостію ея къ различнымъ случаямъ общежитія. Такимъ образомъ мы видимъ, по словамъ регестъ 1399 года, что какой-то Боде и нѣкоторые другіе ра-

зыграли по Рафлямъ жеребенка [1]). Въ послѣдующее затѣмъ время практическое употребленіе Рафлей въ народѣ распространилось сильно и стало называться Loteriam. Имя это взято отъ значковъ, какія употреблялись при лотереѣ; они назывались lota. Впрочемъ, такое отвлеченное названіе Рафлей было извѣстно только въ болѣе образованномъ классѣ людей, простой же народъ продолжалъ называть ихъ прежнимъ именемъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, говоритъ объ этомъ одинъ изъ западныхъ писателей первыхъ годовъ XVII вѣка, епископъ Симонъ Маіолъ. Употребленіе Рафлей въ Европѣ было въ то время сильно распространено, подобно тому, какъ въ настоящее время распространены у насъ различныя лотереи. „Въ большомъ употребленіи въ Европѣ", говоритъ Симовъ,—„сдѣлка, которую зовутъ лотереей, loteriam. Она бываетъ частно и публично. Частная лотерея открывается по желанію каждаго, когда предлагаютъ разыграть лошадь или что-нибудь другое, назначивъ той вещи установленную цѣну. Сообразно съ этою цѣной, желающіе берутъ жеребьи (symbola) и бросаютъ ихъ въ урну (alea), чтобъ узнать, кому достанется вещь. Многіе предлагаютъ для розыгрыша перстни, книги, зеркала и другую домашнюю утварь, чтобы разыграть эти вещи между знакомыми, собравъ значки (symbola), которые называются еще lota; въ народѣ же все то зовется la raffe или riffe. Нѣкоторые называли все это ludum ollae, вѣроятно, по урнѣ или горшку, въ который клали жребьи" [2]). Таковы были Рафли на западѣ.

Трудно понять, какимъ образомъ у насъ, еще въ XVI вѣкѣ, Рафли сдѣлались достояніемъ шарлатановъ знахарей и волхвовъ и что̀ было общаго между западною рафлей—лотереей и нашими тетрадями или инымъ чѣмъ, во что, по Стоглаву, волхвы и чародѣйники смотрѣли. Намъ кажется, что Рафли этихъ гадальщиковъ были не тетради, а просто что-нибудь въ родѣ горшка, въ который клались гадальныя принадлежности, по извѣстнымъ измѣненіямъ которыхъ дѣлалось заключеніе объ успѣхѣ или неуспѣхѣ гадавшаго о судьбѣ своей. Это была ворожба, похожая, можетъ-быть, на ту, которая до сихъ поръ извѣстна между суевѣрными старухами, ворожеями; онѣ употребляютъ ее при умываніи съ глазу, съ притки и при другихъ гаданіяхъ. Здѣсь также употребляются чашки или горшки съ водой, угольями, лучинками и прочими принадлежностями. Почему наши древнія чародѣй-

---

[1]) Указанная статья *Пыпина* въ *Архивѣ*, изд. *Калачова*, 1860 г.

[2]) *Simonii Majoli*, Dies Caniculares, 575.

скія продѣлки, ничего общаго не имѣющія съ рафлями западными, названы тѣмъ же именемъ,—рѣшить трудно. И Рафли—тетради, книги недобрыя и ересныя, одинъ экземпляръ которыхъ напечаталъ г. Пыпинъ, мало также похожи на рафли западныя. На западѣ, какъ указано выше, рафли—можетъ-быть, даже въ книжной формѣ—имѣли простое, практическое значеніе, были дѣломъ хозяйственныхъ операцій; у нашихъ же грамотниковъ онѣ сдѣлались отвлеченными и темными бреднями, гдѣ искаженныя до безсмыслицы библейскія изреченія впутывались въ отвѣтъ на не менѣе безсмысленные вопросы. Вопросовъ и отвѣтовъ не много; главныхъ только четыре: о домѣ, о болѣзни, о пути, о недругѣ. Во многіе изъ нихъ вводится совершенно безсвязно фраза о царѣ Давидѣ, въ родѣ слѣдующей: „что еси думалъ и гадалъ, то тебѣ и будетъ; о томъ царь Давидъ рече: клятва и все правда“ [1]). Не меньше, если даже не больше безсмыслицы въ другихъ отвѣтахъ, при всей прикрасѣ ихъ священными личностями. Укажемъ на одинъ изъ подобныхъ: „апостолу Петру идущу... великую пагубу являетъ ни на земли, ни на травѣ, листу обильно, ничего отъ родовъ не будетъ, орудіе кажетъ зло“ [2]). Едва ли древняя Пифія, въ полномъ разстройствѣ своихъ нервовъ, въ состояніи была изобразить подобную безсмыслицу. Такимъ образомъ ни рафли волхвовъ, ни гадальныя тетради книжниковъ не имѣли ничего общаго съ рафлями западными.

Дѣлать различіе между нашими Рафлями мы можемъ на основаніи словъ Стоглава. Два царскіе вопроса, 17-й и 22-й, толкуютъ о рафляхъ чародѣйскихъ или діавольскихъ дѣйствахъ, и о рафляхъ ересныхъ, какъ заблуденіяхъ различныхъ, по употребленію своему и значенію. Нельзя говорить, чтобы рафли западныя, соединенныя съ бросаніемъ жеребьевъ, были новостью для нашихъ предковъ. Жеребьевка была у нихъ издавна въ большомъ ходу и рѣшала важные вопросы въ быту семейномъ и общественномъ. О выборѣ невѣсты по жребію читаемъ въ Словѣ о Полку Игоревѣ: „на седьмомъ вѣцѣ Трояни връже Всеславъ жребій о дѣвицѣ себѣ любу“ [3]). Выборъ людей въ должности по жребію оставался долгое время очень обыкновеннымъ. Судъ по жребію былъ также обыченъ у всѣхъ Славянъ, особенно судъ Божій. Гаданіе по жребію, говоритъ г. Срезневскій, распространенное

[1]) Памятники Стар. Русск. Лит., изд. *Кушелева-Безбородко*, III, 161.
[2]) Тамъ же, 162.
[3]) Слово о П. И., Христ. *Миллера*, 106.

во время язычества, доселѣ составляетъ у простаго народа Славянскаго очень важную часть суевѣрій [1]). Можетъ-быть, въ силу этого общеславянскаго обычая, имѣла на Руси успѣхъ заморская выдумка—рафли, завезенныя въ Москву не раньше XVI вѣка. Выдумка эта, по самому происхожденію своему, не могла на долго удержать свое прежнее серьозное значеніе. Рафли, какъ лотерейная операція, могли быть усвоены прежде всего людьми высшими изъ нашихъ предковъ, отъ нихъ перешли въ народъ и потомъ попали въ руки людей, занимавшихся колдовствомъ, которые не замедлили придать рафлейному горшку волшебно-таинственное значеніе и ввели его въ разрядъ другихъ средствъ морочить простяковъ ради собственныхъ выгодъ. Такого рода рафли могли быть и у насъ, и на западѣ не писанныя. Вѣроятно, гадальными тетрадями онѣ сдѣлались въ Россіи. Изъ свидѣтельствъ западныхъ писателей не видно, чтобы западныя рафли были писанныя; а если и была въ нихъ письменность, то самая незначительная, похожая на письменность при нашихъ лотереяхъ, гдѣ записываются нумера вещей и подписчиковъ. Можетъ-быть, эта незначительная роспись западныхъ лотерей, если только она была при нихъ, или что вѣрнѣе всего, догадливость нашихъ грамотниковъ, положили начало длиннымъ рафлейнымъ тетрадямъ, съ ихъ обширнымъ и безсмысленнымъ содержаніемъ. Во всякомъ случаѣ, древне-русскіе грамотники были первыми редакторами Рафлей, какъ ересныхъ писаній. Писанія эти были однимъ изъ тѣхъ продуктовъ древне-русской письменности, которая усилилась отъ корыстолюбія нашихъ грамотѣевъ XVI и XVII вѣковъ, когда „при церквахъ среди приходскаго клира шла цѣлая фабрикація разнаго рода суевѣрныхъ тетрадей, которыя по заказу составлялись членами клира и дѣтьми ихъ, находившими въ этомъ темномъ промыслѣ и доходную статью, и выгодную поддержку своего значенія въ народѣ“ [2]). Можетъ-быть, думаетъ г. Пыпинъ, Рафли были книгою метанія, которую запрещаетъ статья о книгахъ истинныхъ и ложныхъ. Это мнѣніе тѣмъ болѣе вѣроятно, что и Домострой упоминаетъ о какихъ-то костяхъ волшебныхъ, причисляя ихъ къ козпямъ бѣсовскимъ. Эти кости могли быть употребляемы при метаніи па Рафли. Съ другой стороны, едва-ли возможно, чтобы Рафли и волшебныя кости могли быть у насъ дѣломъ одной бѣсовской козни. Кости, на которыя указалъ Домострой, безъ всякаго сомнѣ-

[1]) *Срезневскій*, Святилища и Обряды, 95.

[2]) *Знаменскій*, Приходское духовенство на Руси, 160.

нія принадлежность извѣстной на западѣ игры въ кости (talorum ludus), которая въ XVI вѣкѣ, а можетъ-быть и раньше, перешла въ Россію. Она была распространенною игрой еще у древнихъ Грековъ и Римлянъ и отъ нихъ унаслѣдована западомъ. Нашимъ древнимъ благочестивцамъ были извѣстны подобныя забавы на Руси, и они не умолчали объ нихъ. Одинъ изъ царскихъ вопросовъ, предложенныхъ на Стоглавѣ, замѣчаетъ: „да дѣти боярскіе, и люди боярскіе и всякіе бражники зернью играютъ и пропиваются, ни службы служатъ, ни промышляютъ, и отъ нихъ всякое зло чинится, крадутъ и разбиваютъ, души губятъ, и то бы зло искоренити“ [1]). На эти игры бражниковъ еще яснѣе указываютъ слѣдующія слова того же Стоглава, по рукописи Волоколамскаго монастыря: „шахматы и тавлесми и ликами играютъ“ [2]). Оказывалось такимъ образомъ, что азартныя игры и игра въ кости были извѣстны на Руси въ XVI вѣкѣ, и занимались ими люди боярскіе и ихъ дѣти, люди со средствами бражничать и пропиваться. О поведеніи игракахъ печалуетъ и авторъ Домостроя. Подобно другимъ моралистамъ нашей старины, онъ возстаетъ противъ игрововъ не по одному византійско-аскетическому направленію, какъ принято думать, а по простому здравому смыслу, потому, что всякія игры служили дурною репутаціей для игроковъ, погрязавшихъ въ бездѣльи, въ объяденіи, пьянствѣ и дикомъ развратѣ. Сопоставивъ Рафли съ средневѣковою западною азартною игрой, потомъ съ лотереей и наконецъ съ игрой въ кости, мы видимъ, что онѣ—ни то, ни другое, ни третье. Остается думать, что наши древнія Рафли были волшебнымъ гаданьемъ у чародѣевъ и гадальною тетрадью—у книжниковъ; въ первомъ случаѣ онѣ не обходились безъ горшка, замѣнившаго западную урну, а во второмъ—безъ зерна или какихъ-нибудь шариковъ; только кости едва ли были въ употребленіи. Въ томъ и другомъ случаѣ наши Рафли сохранили одно иностранное названіе, при совершенно русскомъ значеніи ихъ.

Для уясненія того, какое значеніе и содержаніе имѣла другая отреченная книга—Аристотелевы Врата, имѣется еще менѣе данныхъ, чѣмъ для Рафлей. Одинъ только Стоглавъ помѣстилъ эту книгу въ число злыхъ ересей, на которыя самъ царь обратилъ должное вниманіе отцовъ собора. Нѣтъ сомнѣнія, что Аристотелевы Врата—книга

---

[1]) Стоглавъ, вопросъ 20-й.

[2]) *Лѣтописи Русск. Лит. и Древн.*, изд. *Тихонравова*, т. V, 138.

чужая. Но взята ли она съ греческаго, или солгана была болгарскимъ попомъ Іереміей, или имѣла какой-либо другой источникъ, — рѣшить это не берется даже издатель отреченныхъ книгъ, а другіе историки русской литературы находятъ, что Аристотелевы Врата есть часть извѣстнаго средневѣковаго сборника „Тайная Тайныхъ“ (Secreta secretorum). Сборникъ этотъ вмѣщаетъ въ себѣ различныя наставленія, будто бы предложенныя Аристотелемъ Александру Македонскому. Здѣсь предложены, между прочимъ, наставленія о примѣтахъ и о врачеваніи; онѣ раздѣляются на главы, названныя по-славянски „вратами“. Отсюда, говоритъ г. Буслаевъ, Аристотелевы Врата, одна изъ еретическихъ книгъ [1]). Если только запрещеніе собора имѣло въ виду наставленія о примѣтахъ и врачеваніяхъ, то во всѣхъ нихъ трудно было найдти самую малѣйшую ересь. Что̀, напримѣръ, еретическаго во вратахъ 21-хъ, гдѣ указывается знамя храбраго, то есть, физическіе признаки сильнаго организма? Тамъ указывается только, что станъ такого храбраго человѣка — правъ, кости его — крѣпки, и кудри его, и ребра его, и суставы его—тверды и велики, перси его, и чрево его, и плеча его — широки, и т. д. [2]). Что̀ потомъ еретическаго въ слѣдующемъ врачебномъ наставленіи: „Дабы ходилъ въ лазню двоицы на недѣлю, или въ пять дней однова, а не сидѣлъ бы въ ней долго, а тербыся въ ней зеліи горячими... ѣлъ бы ѣству свою послѣ лазни, и пилъ бы на се вина добраго или меду по мѣрѣ“, и т. д. [3]). Подобныя наставленія совершенно въ русскомъ вкусѣ и вполнѣ согласны съ обычаями древне-русскаго благочестія; едва ли бы сталъ говорить противъ нихъ грозный царь, стоявшій въ этомъ случаѣ не выше понятій своихъ подданныхъ. Дѣло въ томъ, что подъ Аристотелевыми Вратами нельзя разумѣть указаннаго отдѣла изъ Тайная Тайныхъ. Кажется, одно случайное совпаденіе двухъ славянскихъ терминовъ дало изслѣдователямъ русской старины поводъ назвать Аристотелевыми Вратами такую книгу, которая, въ сущности, совсѣмъ не Аристотелевы Врата, какъ книга, отреченная въ древности. При настоящихъ нашихъ пособіяхъ, трудно положительно сказать, что̀ такое были Аристотелевы Врата, а онѣ были въ довольно большомъ ходу въ древне-русскомъ обществѣ. Безъ всякаго сомнѣнія, содержаніе ихъ казалось волшебствомъ, и волшебство

---

[1]) Истор. Христом., 1404.

[2]) Тамъ же, 1400.

[3]) Тамъ же, 1401.

это состояло въ желаніи выводить изъ извѣстныхъ комбинацій человѣческихъ именъ и цифръ предсказанія или отвѣты на заданные вопросы о будущемъ. Противъ такихъ стремленій не могъ не вооружаться строгій Стоглавъ.

Высказанное нами мнѣніе о значеніи Аристотелевыхъ Вратъ основывается на свидѣтельствѣ о такомъ значеніи ихъ на западѣ. Гаданіе по различнымъ сочетаніямъ словъ и чиселъ ведетъ свое начало изъ глубокой древности. Аристотель играетъ въ этомъ дѣлѣ позднюю роль. Онъ, считавшійся всегда и вездѣ первостепеннымъ авторитетомъ человѣческой мудрости, только соединилъ въ лицѣ своемъ выводы и догадки своихъ предшественниковъ. Первыя попытки находить таинственный смыслъ въ числовыхъ знакахъ принадлежатъ Халдеямъ, которые раздѣлили всѣ числа на три части, придавъ каждой изъ нихъ особое значеніе и силу доводить человѣка до прозрѣнія сокровеннѣйшихъ таинъ. Греческіе мудрецы подвинули это дѣло дальше. Пиѳагорійцы систематизировали способъ предугадыванія будущаго по именамъ и числамъ. Они приписали элементамъ буквъ точныя и священныя числа, а числамъ—непогрѣшимую способность указывать будущее и сокровенное. Всѣ числа были раздѣлены ими на три декады. Въ первую входили числа простыя или единицы, во вторую — десятки, въ третью — сотни. Чтобы предсказать что-нибудь, нужно было разложить на числа имена тѣхъ, которые предлагали вопросъ. Подобный анализъ чиселъ и словъ вошелъ также въ содержаніе іудейской кабалы. Здѣсь сочетанія именъ и буквъ брались изъ именъ Іеговы, ангельскихъ чиновъ и демоновъ. Впрочемъ, область такихъ именъ составляетъ содержаніе только одной кабалы, Меркапа, другая же, названная Брешитъ, есть космологія. Между тѣмъ численные и буквенные знаки уносили еврейскихъ гадателей въ непроницаемую дебрь мистико-богословскихъ тонкостей, практическіе Греки относились къ дѣлу попроще, преслѣдуя только мірскія цѣли. Съ большою замысловатостію прилагали они свои исчисленія къ дѣламъ политики. По выводамъ числовыхъ знаковъ велись нѣкоторыми изъ греческихъ политиковъ тонкія философствованія о времени тѣхъ или другихъ политическихъ учрежденій и о необходимости перемѣнъ ихъ. Пропорціи чиселъ должны были имѣть вліяніе на возстановленіе, упроченіе, обезопасеніе государствъ, и пр.

Всѣми указанными данными, которыхъ, необходимо замѣтить, было много, пользовался въ своихъ политическихъ сочиненіяхъ зна-

менитый Аристотель. Его громкое имя закрыло собою всѣ предшествовавшія работы. У всѣхъ народовъ и во всѣ времена Аристотель пользовался неувядаемою до сихъ поръ славой мудраго философа, математика и политика. Являлась новая, затѣйливая книга, полная глубокой философіи или хитрыхъ исчисленій, — книгу ту приписывали Аристотелю. Поэтому казалось, что только его необъятному уму возможно было выдумать и ту загадочную книгу, которая извѣстна подъ именемъ Тайная Тайныхъ. Не даромъ и переводчикъ ея на славянскій языкъ назвалъ языческаго мудреца преподобнымъ, считая, можетъ-быть, недостаточными для него всѣ нехристіанскія названія [1]). Самъ Аристотель признавалъ, что элементы буквъ (literarum elementa) обладаютъ таинственно вѣрными цифрами (числами), съ помощію которыхъ возможны гаданія по собственнымъ именамъ людей. Сложивъ и высчитавъ числа именъ, отдавали первенство (palmam) тому, чья сумма знаковъ превосходила сумму другаго лица. Отвѣты давались по различію вопросовъ, а спрашивали — о войнѣ, объ исходѣ тяжбъ, о супружествѣ и о другихъ важнѣйшихъ случаяхъ жизни. Изъ этихъ-то исчисленій, получившихъ значеніе мудрыхъ гаданій, возникли знаменитые въ свое время гороскопы. Есть, говоритъ Симонъ Маіолъ, такіе люди, которые, съ помощію численныхъ смѣтъ, надѣятся найдти гороскопы [2]). Этого мало. Выдумкѣ Пиѳагора, усовершенствованной Аристотелемъ, приписывали величайшіе чудеса. По разказу Плинія, находкѣ Пиѳагора приписывали, что отъ неровнаго числа гласныхъ въ собственныхъ именахъ людей зависѣла потеря ими глазъ, охромленіе и подобные случаи [3]). Впослѣдствіи изъ различныхъ сочетаній буквъ и чиселъ образовалось извѣстное у всѣхъ народовъ Европы повѣрье на счетъ равнаго и неравнаго числа, иначе говоря, вѣра въ четъ и нечетъ. Римляне золотаго вѣка чтили неравное число. «Numero Deus impare gaudet», говоритъ Вергилій. Но это все же не касалось такихъ именъ, въ которыхъ ровное число считалось счастливымъ для человѣка. Въ средневѣковой Европѣ были, какъ видно, въ большомъ ходу хитрыя тетради, въ которыхъ чрезъ числовыя и буквенныя исчисленія указывались пути къ глубочайшимъ тайнамъ бытія. Замѣчательно, что всѣ подобныя книги приписывались если не самому Аристотелю, то непремѣнно лицу съ име-

---

[1]) Ист. Христом. *Буслаева,* 1402.

[2]) *Simonis Majoli*, Dies Caniculares, 578.

[3]) Тамъ же, 579.

немъ ученика Аристотелева. Всюду, напримѣръ, была въ ходу книга какого-то Альхиндрина (Alchindrines), полная, по выраженію епископа Симона, всякаго вздора, и всѣ утверждали, что авторъ той книги былъ ученикъ Аристотеля. На первомъ листѣ ея изображена была круглая фигура, въ срединѣ которой намѣчены были различныя ариѳметическія числа; въ другомъ ближайшемъ кругу — написаны слова: жизнь, счастіе, несчастіе, смерть, болѣзнь, здоровье; въ слѣдующемъ кругу—имена планетъ съ извѣстными числами; въ третьемъ кругу—алфавитъ заглавными латинскими буквами; въ четвертомъ — извѣстные ариѳметическіе знаки. Дальнѣйшую часть книги составлялъ текстъ ея [1]). Книга эта, безъ всякаго сомнѣнія, была гадальною и запрещенною на западѣ. Подобныхъ произведеній было много въ Германіи, откуда заносились они и къ намъ.

Не подходя подъ уровень понятій древнихъ нашихъ грамотниковъ, для которыхъ не сподручно было пускаться въ темную область цифръ и буквъ, западныя гадальныя книги подвергались на Руси очень значительнымъ измѣненіямъ. Прежде всего наши переписчики исключили изъ нѣмецкихъ тетрадей непонятныя фигуры съ планетами, алфавитами, цифрами и пр., оставляя въ нихъ одинъ текстъ, или же, если оставляли при текстѣ знаки, то въ упрощенномъ видѣ. Нельзя сомнѣваться и въ томъ, что сами древне-русскіе грамотники, по наслышкѣ объ Аристотелѣ, смастеривъ хитрую книжицу, называли ее, для большей важности, громкимъ именемъ греческаго мудреца. Относя къ этому философу волшебный ключъ къ открытію глубочайшихъ тайнъ путемъ цифръ и буквъ, грамотники, какъ западные, такъ и наши, называли иногда хитрыя тетради Аристотелевыми Вратами. Не думаемъ, чтобы можно было считать за большую натяжку мнѣніе, что Аристотелевы Врата, обличаемыя Стоглавомъ, суть какой-нибудь сборникъ книжныхъ хитростей, съ цифрами или безъ цифръ. Такихъ сборниковъ, по всей вѣроятности, было не мало у насъ въ XVI вѣкѣ, при сильномъ стремленіи тогдашнихъ грамотниковъ дать книгамъ практическое, провѣщательное значеніе, заманчивое для народа и выгодное для самихъ грамотѣевъ. Во всякомъ случаѣ, именемъ Аристотелевыхъ Вратъ не называлась въ старину книга или часть книги, извѣстная подъ именемъ „Тайная Тайныхъ". Допустивъ мнѣніе объ Аристотелевыхъ Вратахъ, какъ гадальной тетради, цифирной или какой-либо другой, мы поймемъ выраженіе

[1]) Dies Caniculares, 580.

царя Ивана IV: „и въ Аристотелевы Врата смотрятъ". А въ Тайная Тайныхъ нечего было и смотрѣть, потому что въ нихъ ничего нельзя было увидѣть, кромѣ самыхъ обыкновенныхъ, всѣмъ извѣстныхъ назиданій, не имѣвшихъ никакой связи съ гаданіемъ, въ критическія минуты судебныхъ тяжбъ или полевыхъ побоищъ.

Гораздо проще Рифлей и Аристотелевыхъ Вратъ исторія и значеніе книгъ астрологическихъ и вообще всѣхъ матемаѳійскихъ. Всѣ они, какъ извѣстно, были у насъ отречены. Изъ всѣхъ научныхъ книгъ на́ши предки уважали одну граматику, какъ толковницу Священнаго Писанія. Она притомъ была дверію къ риторикѣ и философіи. „Что-бъ ученія азбуки худѣйши?" спрашиваетъ авторъ Міротворнаго Круга,—„но обаче отъ сихъ и ритори, и мудрецы, и философы бываютъ,—они грамматикіи начало" [1]). Всѣ остальныя книги, касавшіяся мірскихъ предметовъ, были отвержены нашими предками въ XVI и XVII вѣкахъ „Маѳемайскія книги", говоритъ древній азбуковникъ,—„отреченныя книги, ихъ же есть четыре: ариѳметикія, мусикія, геометрія, астрономія" [2]). Особенно сильно была преслѣдуема въ старину послѣдняя. Она же вмѣстѣ съ тѣмъ больше другихъ развивалась, или правильнѣе, обольщала любопытныхъ. Она совмѣщала въ себѣ и астрологію—въ тѣсномъ смыслѣ слова—и зодіи, и альманахи, и звѣздочетье, и иные составы; при ея пособіи можно было смотрѣть по звѣздамъ и по планидамъ, наблюдать дни и часы, и т. д. Обширная область астрономическихъ наблюденій породила въ древности множество книгъ по этой части. При самомъ незначительномъ вліяніи астрологическихъ книгъ, не могли не усиливаться древне-русскія астрономическія вѣрованія и примѣты, которыя жили въ народѣ спо-конъ вѣку и живутъ до сихъ поръ. Острономейныя книги ведутъ свое начало изъ глубочайшей древности, и трудно указать, что̀ въ нихъ принадлежитъ одному народу, что̀ — другому, что̀ — третьему; ибо главное содержаніе ихъ вынесено человѣчествомъ изъ временъ до-историческихъ. Первичная редакція астрономическихъ книгъ принадлежитъ такимъ народамъ, исторія которыхъ темна до сихъ поръ. Извѣстно, что начало и развитіе астрологическихъ вѣрованій и наблюденій положено было Халдеями и Египтянами. Евреи также увлекались этими знаніями. При этомъ не легко рѣшается вопросъ: были ли у означенныхъ народовъ астрологическія книги, и если были, то

---

[1]) Кругъ Миротворный, сборникъ Солов. библ., № 479, л. 47.

[2]) *Архивъ*, изд. *Калачова*, 1850 г., кн. I, IV, 25.

переходили ли онѣ къ другимъ народамъ, или народы эти знакомились съ вѣрованіями востока путемъ преданія? Отвѣты на всѣ эти вопросы очень не ясны. Знаменитый борецъ съ астрологическими вѣрованіями западной Европы, Пика Мирандола говоритъ, что астрологія отъ Египтянъ перешла къ другимъ народамъ чрезъ посредство малозначущихъ авторовъ (ignobiles auctores) [1]. Но кто были эти авторы, малозначущіе ли писатели, или плохіе астрологи — понять трудно. Далѣе Мирандола замѣчаетъ, что астрологія, принимаемая въ домахъ шарлатановъ, не входила въ греческій лицей и академію. И здѣсь нѣтъ указаній на то, были ли въ ту пору астрологическія книги, или нѣтъ. Освоившись съ Греками, астрологическія вѣрованія получили у нихъ книжную легитимацію, и починъ въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ философу Эпикуру. Самъ Эпикуръ, говоритъ тотъ же авторъ, вѣрилъ въ астрологію, а въ 140 г. Птоломей, умнѣйшій астрологъ, почтилъ ее въ своихъ сочиненіяхъ. Съ него начинается рядъ людей, посвящавшихъ труды свои астрологическимъ занятіямъ [2]) (вѣроятно, книжнымъ). Мы видимъ далѣе, что еще въ древности являлись люди, опровергавшіе астрологическое ученіе. Цицеронъ говоритъ о Скилаксѣ Галикарнасскомъ, что онъ, умнѣйшій астрологъ, опровергъ всѣ способы Халдеевъ предсказывать будущее [3]. Собственно книжная обработка астрологическихъ и другихъ гадальныхъ книгъ была сдѣлана въ первый разъ у Этрусковъ, отъ которыхъ книги эти перешли къ Римлянамъ. Этруски славились въ древности искусствомъ наблюдать небесныя явленія; даже женщины ихъ упражнялись въ этомъ. По крайней мѣрѣ, объ одной изъ нихъ, Танаквили, Титъ Ливій разказываетъ, какъ она съумѣла съ радостію принять одно предзнаменованіе, изумившее ея мужа, Тарквинія; она, замѣчаетъ Ливій, женщина искусная въ небесныхъ прорицаніяхъ, какъ и весь Этрусскій народъ [4]). У Этрусковъ, по свидѣтельству Цицерона, въ первый разъ явились книги гадальныя (libri haruspicini), съ ученіемъ о молніи и громѣ (fulgurales et tonitruales), иначе говоря, наши молніяники и громники [5]). Собственно Римлянами составлены однѣ авгурныя книги.

[1]) Pici Mirand. liber XII, cap. VII.
[2]) Pici Mirand, ibid.
[3]) De divinatione, lib. II, 633.
[4]) T. Livii t. I, cap. 33.
[5]) De divinatione, lib. II, 563.

Мы не будемъ слѣдить за дальнѣйшею исторіей астрологическихъ книгъ у народовъ древнихъ и новыхъ, но укажемъ на то, что появленіе этихъ книгъ, то-есть, ихъ первоначальнаго содержанія, всегда и вездѣ обставлялось чудесностію, которая возвела всѣ астрологическія вѣрованія на степень сверхъестественныхъ откровеній. Чудесность манила къ астрологическимъ книгамъ и читателя ихъ, и слушателя, развивая въ обоихъ сильную вѣру въ таинственныя знанія. Христіанская эпоха, съ ея длинною исторіей отреченныхъ книгъ и съ упорною борьбой противъ нихъ, ничего не даетъ намъ въ этомъ дѣлѣ новаго, чего не было бы у народовъ древности. Всѣ древніе мотивы человѣческаго воображенія, почерпнутые изъ мощной и непостижимой для юнаго человѣчества природы, повторились въ христіанскомъ мірѣ. Чистые и глубокіе догматы христіанства не могли уложиться, какъ слѣдуетъ, въ понятіяхъ вѣрующихъ, на первыхъ же порахъ столкнулись съ понятіями долговѣчнаго космогонизма и произвели оригинальную смѣсь понятій христіанскихъ съ языческими. При этомъ оказалось, что понятія языческія, въ силу своей давности и крѣпости, легли въ основу вѣрованій христіанскихъ. Первоначальная исторія астрологическихъ вѣрованій и книгъ, какъ языческихъ, такъ и христіанскихъ — отреченныхъ, окрашена одинаково яркими красками человѣческой фантазіи. Цицеронъ приводитъ преданіе, что однажды, во время паханія земли, когда проведена была глубокая борозда, вдругъ выскочилъ изъ земли нѣкто Тагесъ (Tages) и заговорилъ съ тѣмъ, кто пахалъ. Этотъ Тагесъ, какъ значится въ этрусскихъ книгахъ, былъ съ юношескимъ лицомъ, но съ старческою мудростію. Когда пастухъ (bubulentus), испуганный появленіемъ его, отъ удивленія сталъ громко кричать, произошла бѣготня, и въ короткое время сошлась на то мѣсто Этрурія (Etruriam convenisse); онъ, Тагесъ, сказалъ своимъ слушателямъ очень многое; они усвоили слова его и записали ихъ въ книги. Вся эта рѣчь была именно та, которая содержится въ ученіи гадателей; она послѣ того увеличилась новыми предметами, достойными замѣчанія. Эти-то письмена и сохранили Этрусски, и таковъ источникъ ихъ ученій [1]). Далѣе Цицеронъ упрекаетъ современниковъ своихъ, не перестававшихъ вѣрить подобнымъ сказкамъ. Разказъ о Тагесѣ и его ученіи, давшемъ содержаніе гадальнымъ книгамъ, въ основѣ своей имѣетъ много общаго съ отреченными разказами подобнаго рода изъ эпохи христіанской.

---

[1]) De divinat., lib. II, 616.

Не также ли чудесна и наша Голубиная книга, со всею исторіей своего появленія, со всею обстановкой дѣла, когда сходилися къ ней, съѣзжалися князья и князевичи, цари и царевичи, попы и дьяки, и много народу-людей мелкихъ. Не также ли чудесно проливаетъ и она первый свѣтъ на непостижимые вопросы про наше житье про святорусское, про наше житіе свѣту вольнаго? Не также ли чудесенъ нашъ вѣщій Давидъ Ессеевичъ, какъ чудесенъ этотъ мудрѣйшій Тагесъ Тарквинскій?

Еще болѣе, чѣмъ въ указанномъ случаѣ, видимъ мы эпическаго сходства въ исторіи другихъ ложныхъ книгъ, остромѣйныхъ, съ исторіей книгъ древне-языческихъ. Только въ ложныхъ книгахъ христіанскихъ, при участіи въ дѣлѣ лицъ библейскихъ, много дано участія и сатанѣ. Его роль, безъ сомнѣнія, создана позднѣйшими апологетами христіанскаго ученія, съ цѣлію покрыть всю область отреченныхъ вѣрованій чернымъ именемъ бѣса, какъ первѣйшаго астролога. Извѣстно, что всѣ отреченныя книги астрологическаго содержанія названы были отъ христіанскихъ учителей бѣсовскими кобями. „Симъ же дѣломъ (то-есть, астрологическими и имъ подобными вѣрованіями) безумніи человѣцы, оставя Божію помощь, уклоняются въ развращенная, а не вѣдуще, яко нѣсть се Божіе повелѣніе, ни святыхъ апостолъ, ни святыхъ отецъ преданіе, но богоненавистно и мерзко быть Богу такое окаянное дѣло; второе бо идоловѣріе именуется, понеже еретицы отъ бѣсовъ такой плевелъ всѣяше невѣгласомъ и неразумнымъ и буимъ душамъ на пагубу“ [1]). Вообще, всѣ наши обличители астрологическихъ ученій, въ заключеніе своихъ разсужденій, не забывали указать на то, что первый и главный виновникъ астрологіи есть діаволъ. Максимъ Грекъ, въ заключеніе почти всякаго слова противъ скверныхъ звѣздоблазнителей, скверсловцевъ, не забываетъ попугать читателей своихъ діаволомъ. „Врагъ бо нашъ“, говоритъ онъ, „извѣстно вѣдый, яко спасеніе наше есть отъ вѣры неложныя и надежи, яже въ Бога, всякимъ числомъ лукавствуетъ безпрестанно отлучати насъ ихъ; предлагаетъ же намъ всѣмъ прелесть предрицанія звѣздоблазнителевъ, ихъ же множайшимъ онъ ухищряетъ по дѣлу, красти насъ тщася, якоже священный Августинъ и божественный Златоустъ о зодіихъ извѣстиша насъ“ [2]).

---

[1]) Поученіе къ вѣрующимъ въ рожденіи мѣсяца и пр. въ *Лѣтописяхъ Русск. Литер.*, т. V, 99—103.

[2]) *Прав. Собесѣдн.* 1860 г., апрѣль, 433—434.

Болѣе чистое, свободное отъ участія діавола происхожденіе приписываютъ себѣ сами отреченныя астрологическія книги. Происхожденіе это вполнѣ чудесно, но чудо принадлежитъ самому Богу; впрочемъ, и здѣсь почему-то архангелъ хотѣлъ уничтожить остромѣйную книгу. По разказу объ этомъ дѣлѣ, приписанному Меѳодію Патарскому, выходитъ, что астрономію изобрѣлъ Мунтъ, сынъ Ноевъ. „Мунтъ живяше на полунощной странѣ, и пріятъ даръ много и милость отъ Бога, и мудрость остромѣйную обрѣте“ [1]). Другой разказъ объ изобрѣтеніи астрономіи передаетъ объ этомъ дѣлѣ слѣдующія подробности: „Отъ Монда, внука Ноева, сына Симова, остромія списася. Явися ему Михаилъ Архангелъ, глаголетъ ему: гдѣ есть Михаилъ, угони.—Мондъ же рече: на небеси нѣсть его, а въ преисподняя не сошелъ.—Паки рече ему: ты еси Михаилъ. —Онъ же удари его руки запястіемъ, и埸 вземъ отъ него книгу остромію, и вверже ея въ море, „да к тому, рече, не угадываеши“. Онъ же паки обумь состави отчасти сію книгу остромію“ [2]). По смыслу этого разказа выходитъ, что остромѣйное, книжное дѣло — дѣло своеволія Мондова, который не послушался архангела, сказавшаго: „да къ тому не угадываеши“. Угадки Монда, составленныя имъ обумь, не могли имѣть прежней полноты и чудесности; тѣмъ не менѣе, для насъ важно стремленіе книжниковъ и цѣлаго народа отводить начало запрещеннымъ книгамъ въ отдаленнѣйшей, миѳической древности, и давать этимъ книгамъ всю чудесную обстановку книгъ вѣщихъ, непосильныхъ уму обыкновеннаго человѣка. Только позднѣйшее время сняло съ отреченныхъ книгъ покровъ чудесности. Всѣ звѣздословцы и альманашники оказались людьми простыми, бездѣльными шарлатанами, даже безъ всякихъ связей съ черною силою. Но такого взгляда на остромѣйныя книги далеко не раздѣляетъ весь Русскій народъ. Въ его глазахъ календарь Брюса, послѣдняя изъ чудесныхъ книгъ, есть книга глубочайшихъ тайнъ, до которыхъ человѣкъ могъ дойдти не безъ помощи нечистаго. Поэтому самъ Брюсъ, этотъ русскій Фаустъ, прослылъ, какъ мы видѣли, величайшимъ вѣщуномъ, который былъ, думали, въ побратимствѣ съ самимъ сатаной.

III.

Переходя отъ историческихъ замѣтокъ о древне-русскихъ отреченныхъ вѣрованіяхъ къ изложенію ихъ содержанія, мы, для боль-

---

[1]) Памятники Стар. Русск. Лит., III, 18.

[2]) Тамъ же, 19.

шей ясности, подраздѣляемъ всѣ вѣрованія на отдѣлы: сначала разберемъ вѣрованія, прямо касающіяся личности самого человѣка, — потомъ—вѣрованія, перенесенныя на животныхъ, птицъ, на предметы и случаи изъ домашней жизни, и наконецъ изложимъ, въ связи съ календаремъ Брюса, вѣрованія касательно небесныхъ явленій, добрыхъ и злыхъ дней и пр. Начнемъ дѣло съ краткихъ замѣтокъ о заговорахъ и наузахъ.

Въ индексахъ отреченныхъ книгъ не говорится прямо о заговорахъ и наузахъ. Но молчаніе индекса не означаетъ того, чтобы повѣрья эти не имѣли значенія въ древне-русской жизни. Напротивъ того, они проникали всю жизнь древняго русскаго человѣка; за нихъ, особенно за заговоры, онъ брался во всѣхъ критическихъ случаяхъ жизни, пользуясь ими или въ чисто-языческой формѣ, или въ смѣси съ христіанскими молитвами. „Не тако зло творимъ просто", говоритъ христолюбецъ, "но и мѣшаемъ нѣкія чистыя молитвы съ проклятымъ моленьемъ идольскимъ". За такое безобразіе христолюбецъ страшитъ своихъ слушателей страшною карою Божіей: „Павелъ рече: видѣхъ облакъ кровавъ распростертъ надъ всѣмъ міромъ, и вопросихъ глаголя: Господи, что се есть. И рече ми: се есть молитва человѣческая, смѣшена съ безаконьемъ", и пр. [1]). Съ неменьшею строгостію осуждаетъ вѣру въ заговоры и наузы Слово св. Кирилла о злыхъ дусѣхъ. Приведши Іова въ примѣръ терпѣнія недуговъ тѣлесныхъ и душевныхъ, проповѣдникъ говоритъ: „А мы ныня хотя мало поболимъ, или жена, или дѣтя, то оставльше Бога, врача душамъ и тѣломъ, ищемъ проклятыхъ бабъ чародѣйницъ, наузовъ и словъ прелестныхъ слушаемъ; глаголютъ намъ, навязываючи наузы и инакую дьяволю прелесть, абы чадо бѣса бѣсомъ изгонити. О горе намъ, прельщеннымъ бѣсомъ и скверными бабами!" [2]). Съ заговорами тѣсно связаны наузы. Буслаевъ, указавъ значеніе этого слова по памятникамъ древней письменности и особенно по азбуковникамъ, связываетъ наузы съ заговорами. Мы видимъ, говоритъ онъ, что узлами или наузами заговаривали оружіе [3]). Наузъ былъ видимымъ знакомъ невидимой цѣлительной силы, низводимой на предметъ рѣчью заговора; онъ хранилъ потомъ цѣлительную силу въ томъ предметѣ, на который былъ вѣшаемъ. Наузъ могъ охранять отъ злой немочи, отъ ядо-

[1]) Слова нѣкоего христолюбца.

[2]) Слова св. Кирилла о злыхъ дусѣхъ. *Москвитянинъ* 1844 г., № 1-й.

[3]) *Архивъ*, изд. *Калачова*, 1854, IV, 3.

витой змѣи, могъ заградить стрѣльцамъ всѣ пути и дороги, замыкать всѣ пищали, опутывать всѣ луки, повязать всѣ ратныя оружія, и пр. Но повторяемъ, вся сила науза заключалась въ вѣщемъ заговорѣ, читанномъ при завязи и привязи науза. Въ позднѣйшее время наши знахари и волхвы не довольствовались завязываніемъ простыхъ узловъ, а ввязывали въ нихъ разныя зелья, ладонки и камешки, способные проводить на человѣка или на его домашній скотъ спасительную охрану. Изъ этого же обычая образовались различныя притиранія и намазыванія, какія употреблялись народными знатцами въ притках и прострѣлахъ. Многія изъ подобныхъ операцій изчислены въ индексѣ отреченныхъ вѣрованій и примѣтъ XVII вѣка: „Солію потреть, или мастію коею либо, масломъ или скипидаромъ, и нефтью, и мышьякомъ, или кровію человѣческою, и млекомъ женскимъ или скотскимъ, или медомъ, и росою, или сѣрою, или дехтемъ, или хмелемъ“ [1]).

Всѣ русскіе обычаи, связанные съ заговорами и наузами, связываются, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ подобными обычаями другихъ, самыхъ отдаленныхъ народовъ. Еще въ доисторическомъ быту людей сложились такіе обычаи, вызванные культомъ религіознаго поклоненія солнцу. Въ извѣстные дни солнечнаго равноденствія, у народовъ востока—Египтянъ, Евреевъ и другихъ мазали нѣкоторыя части дома кровію или окровавленнымъ тѣстомъ, въ знакъ красноты солнечнаго свѣта. О Египтянахъ, между прочимъ, разказываютъ слѣдующее: въ весеннее равноденствіе они мажутъ овецъ, мажутъ деревья, смоквы и прочіе предметы, наговаривая при этомъ и сплетая узлы, потому что, говорятъ они, солнце въ тотъ день (въ который мажутъ) возжгло нѣкогда вселенную [2]). Въ этомъ древнѣйшемъ обычаѣ лежитъ начало извѣстнаго обряда у Евреевъ, во время Пасхи. Только позднѣйшіе писатели придали ему совершенно иной, таинственный для однихъ Евреевъ и потомъ христіанъ, смыслъ. Если даже древнѣйшее сплетаніе касалось вѣтвей деревъ, то и въ этомъ случаѣ оно живо напоминаетъ наше русское суевѣрье, по которому „волсви и еретицы и богомерскія бабы кудесницы и иная множайшая волшебствуютъ, и березки подвязываютъ и вѣтвіе сплетаютъ“... [3]). Обычай вязать наузы съ причитаніями и мазями перешелъ съ востока къ древнимъ

[1]) Опис. Рум. Муз., 551.
[2]) *Bohlen*, Das alte Indien, 140.
[3]) Опис. Рум. Муз., 551.

народамъ Европы, или можетъ-быть, онъ возникъ здѣсь и самостоятельно. Его держались потомъ древніе Нѣмцы и Славяне. Римлянинъ, говоритъ Фюстель-Куланжъ, носитъ на себѣ разные талисманы. Стѣны дома своего онъ покрываетъ письменными заговорами отъ пожаровъ. Онъ знаетъ заговоры въ упрежденіе болѣзней и другіе— въ избавленіе отъ нихъ. Но каждый заговоръ надо повторить 27 разъ и при каждомъ разѣ отплевываться особымъ маneромъ [1]). Преданія о наузахъ, говоритъ г. Буслаевъ, сохранились въ одномъ древне-нѣмецкомъ стихотворномъ заклятіи оружія, найденномъ въ рукописи X вѣка, имѣющей заглавіе: Babani expositio super missam. Заговоръ этотъ читается такъ: „Нѣкогда сидѣли жены, сидѣли тамъ и сямъ: однѣ вязали наузы, иныя укрощали войско, иныя рвали вѣнки (то-есть, зелье на вѣнки). Вырвись изъ оковъ, убѣги отъ враговъ!" [2]). Подобныхъ заговоровъ, при коихъ употреблялись, вѣроятно, внѣшніе знаки, было много и у нашихъ предковъ. „А будешь ты ратнымъ человѣкомъ", говорится въ одномъ изъ заговоровъ русскихъ,—„ино будь сбереженъ: отъ топора, отъ бердыша, отъ пищали, отъ татарскія пики, отъ краснаго булата, отъ борца, единоборца, отъ бойца-врага супостата, отъ всей поганой татарской силы, отъ казанской рати, отъ литовскихъ богатырей, отъ черныхъ Божіихъ людей, отъ бабьихъ зазоръ, отъ хитрой немочи, отъ всѣхъ недуговъ"... [3]). Общность русско-славянскихъ заговоровъ съ заговорами другихъ народовъ объясняется племеннымъ духовнымъ родствомъ ихъ. Еще въ Ведахъ и въ Зендавестѣ имѣются гимны и молитвы къ солнцу, мѣсяцу, землѣ, огню, свѣту, водѣ и прочимъ стихійнымъ предметамъ. Греки, какъ видно изъ пѣсенъ Гомера, заговорами лѣчили физическія болѣзни и останавливали теченіе крови. Гомеръ разказываетъ о томъ, какъ Улиссъ стихомъ остановилъ теченіе крови изъ раненной бедры [4]). Ѳеофрастъ передаетъ, какъ тѣмъ же средствомъ лѣчились имѣвшіе боль въ лядвеяхъ [5]). Оба случая живо напоминаютъ наши старинные заговоры отъ руды и ломоты. Необходимо замѣтить, что наши древніе заговоры, сравнительно съ классическими, отличаются большею полнотою, болѣе ясными миѳическими намеками, нерѣдко очень трудными

---

[1]) *Фюстель-Куланжъ*, Община античнаго міра, 282.

[2]) *Архивъ*, изд. *Калачова*, 1854 г., IV, 4.

[3]) *Сахаровъ*, Сказанія Русск. народа, т. I, Чернокнижіе, 27.

[4]) Одиссея, 455.

[5]) Naturalis Histor. Plinii Secundi, lib. XXVII, cap. II.

для пониманія; этихъ чертъ не видно въ заклятіяхъ греческихъ. Съ появленіемъ письменности вошло въ обычай у всѣхъ народовъ писать извѣстныя молитвы на прогнаніе злыхъ немощей, особенно трясавицъ. Русскій обычай этого рода одинаковъ съ обычаемъ греческимъ. Одно изъ древнихъ русскихъ поученій выставляетъ на видъ, что суевѣрные христіане „жертву приносятъ бѣсомъ, недуги лѣчатъ чарами, и паузы немощнаго бѣса, глаголемаго трясцю, мнятъ прогоняюще нѣкими ложными писмяны, проклятыхъ бѣсовъ эленскихъ пиша имяна на яблоцѣ... и того ради разгнѣвленъ Богъ не пущаетъ дождя на землю" и т. д. [1]). Христіанскіе проповѣдники, какъ видно изъ указаннаго мѣста, приписываютъ возможность карать волшебство только силою Божіею. Но по убѣжденіямъ древняго Римлянина, словомъ самого человѣка можно было низводить на человѣка же и добро, и зло; священнымъ словомъ человѣка можно было прежде всего повліять на хлѣбное поле или плодовое дерево другаго человѣка, желая сдѣлать ему пользу или вредъ. Наша письменность мало представляетъ подобныхъ заговоровъ, хотя и въ ней есть указанія, что такое знахарство было извѣстно и въ древней Руси. Довольно для этого припомнить покаянныя слова грѣшницы: „еще душа Богу согрѣшила: въ соломахъ я заломы заламывала, со всякаго хлѣба споръ отнимывала". Грѣшница не сказала, какимъ способомъ отнимывала она хлѣбный споръ; быть можетъ, она ограничивалась для этого однимъ внѣшнимъ дѣйствіемъ, но вѣроятнѣе предположеніе, что дѣло грѣшницы не обходилось безъ вѣщихъ словъ. Злой грѣхъ нашей грѣшницы былъ въ большой силѣ у древнихъ Римлянъ, которые впослѣдствіи имѣли даже, какъ извѣстно, богиню — защитницу полей и садовъ отъ злыхъ людскихъ порчей полевыхъ плодовъ. Третій законъ седьмой изъ XII таблицъ „de frugibus excantatis" имѣетъ въ виду именно того преступника, который заговаривалъ поля и плоды: „qui frugibus excantassit" [2]). Плиній, Сенека и блаженный Августинъ согласно думаютъ, что этотъ законъ XII таблицъ имѣлъ въ виду именно злыхъ наговорщиковъ [3]). О подобномъ злодѣйствѣ соболѣзнуетъ и наша грѣшница: „въ полюшкахъ душа моя хаживала, не по праведно землю раздѣливала; я межу черезъ межу перекладывала,

[1]) Слово о клятвахъ и суевѣріяхъ. Истор. Христ. *Буслаева*, 533.
[2]) Jus antiquum Romanorum, 244.
[3]) Histor. Natur., lib. XXVII, cap. II, 258. De civitate Dei, VIII, 12.

съ чужой нивы землю украдывала" [1]). Это украдыванье земли, вмѣстѣ съ другими продѣлками, имѣло цѣлію перевести плоды съ чужаго поля на свое. Иные комментаторы разбираемаго закона XII таблицъ видятъ въ немъ запрещеніе переводить на свое поле чужую жатву; но Гофманнъ даетъ слову excantari двоякое значеніе — первое, что наговоромъ можно было вывести плодъ вонъ (foras), вѣроятно, изъ стебля или съ дерева, — и другое, что можно было перевести или переманить (pellicere) чужіе плоды на свою ниву. Вообще, послѣ многихъ толкованій указаннаго закона, онъ читается такъ: кто заговоритъ плоды или переведетъ чужую жатву, тотъ да будетъ проклятъ [2]). Помимо указаннаго злоупотребленія вѣщимъ словомъ, оно было сильно въ мольбахъ о плодородіи. Извѣстно, что во время римскихъ флорарій были читаемы стихи Сивиллы о томъ, чтобы все хорошо разцвѣло (ut omnia bene deflorescant) [3]). Многимъ священнымъ стихамъ Римляне, подобно Грекамъ, приписывали силу изцѣлять различные недуги. Катонъ говоритъ, что одинъ стихъ помогалъ при вправливаніи вывихнутыхъ членовъ, а Маркъ Варронъ утверждаетъ, что подобный стихъ помогалъ страдавшимъ отъ подагры [4]). Были, говоритъ Плиній, стихи противъ града и различныхъ болѣзней, противъ обжоговъ; нѣкоторые изъ такихъ были испытанные... Предки наши вѣрили въ такія даже слова, силою которыхъ можно было вызвать громъ и молнію [5]).

Люди разсудка или христіанскихъ идеаловъ, разумѣется, громко осуждали всѣ подобныя увлеченія. Цицеронъ, съ свойственною ему издѣвкой, говоритъ о современникахъ своихъ, хранившихъ стихи Сивиллы. Христіанскіе учители, умертвивъ въ себѣ всего, какъ говорили они, ветхаго человѣка, стремились и въ другихъ искоренить грѣховныя проявленія человѣческой природы, насадивъ на мѣсто ихъ стремленія чистыя, чуждыя всего мірскаго и плотскаго. Но на этомъ-то пунктѣ, какъ философія, такъ и христіанство, встрѣчали больше всего камней преткновенія. Въ древнемъ языческомъ обществѣ дольше, чѣмъ гдѣ-нибудь, жили тѣ магическіе заговоры и стихи, которые по преимуществу дѣйствовали на человѣческое сердце, на поддержаніе

---

[1]) Стихъ о великой грѣшницѣ.

[2]) Qui fruges excantassit vel alienam segetem pollexerit—sacer esto.

[3]) Römische Zeittafeln, 1841 г., 80.

[4]) Historia Naturalis, lib. XXVIII, 259.

[5]) Тамъ же, 257.

въ немъ чувства пріятнаго и на искорененіе горестнаго и страшливаго. Особенно живучи были наговариванья любовныя, наши привороты и отвороты. Плиній видитъ ихъ въ произведеніяхъ греческаго поэта Ѳеокрита, потомъ изъ римскихъ поэтовъ — въ стихахъ Катулла и даже ближайшаго къ его времени, Вергилія [1]). Этотъ же родъ заговоровъ долѣе другихъ сохранился и у насъ, не смотря на всѣ усилія христіанскихъ учителей дать любовному чувству христіанъ спокойныя и чистыя формы. На эти же вопросы существовало множество чаръ, производимыхъ съ причитаніями. Объ одной изъ такихъ чаръ упоминаетъ еще Кирикъ, просившій Нифонта дать эпитемію тѣмъ женамъ, которыя „аже не возлюбятъ ихъ мужи, то омываютъ тѣло свое водою и ту воду даютъ мужемъ“ [2]). Разнообразя запрещенныя чары, люди, нуждавшіеся въ нихъ, какъ будто больше всего надѣялись при этомъ на силу слова. Многіе заговоры полны самыхъ порывистыхъ и бурныхъ моленій объ успѣхѣ или неуспѣхѣ любовнаго дѣла. Укажемъ на одинъ: „Мечитесь, тоски; киньтесь, тоски, въ буйную ея голову, въ тылъ, въ ликъ, въ ясныя очи, въ сахарныя уста, въ ретивое сердце, въ ея умъ и разумъ, въ волю и хотѣніе, во все ея тѣло бѣлое и во всю кровь горячую, и во всѣ ея кости, и во всѣ составы: въ 70 составовъ, полусоставовъ и подсоставовъ... чтобы она тосковала, горевала, плакала бы и рыдала во всякъ день, во всякъ часъ, во всякое время... кидалась бы, бросалась бы изъ окошка въ окошко, изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота“, и проч. [3]). Въ полномъ паѳосѣ страсти, заговорщикъ переходитъ потомъ къ живымъ и нѣжнымъ эпическимъ краскамъ: чтобъ онъ ей казался „милѣе свѣту бѣлаго, милѣе солнца пресвѣтлаго, милѣе луны прекрасныя, милѣе всѣхъ и даже милѣе сну своего, во всякое время: на молоду, подъ полнъ, на перекроѣ и на исходѣ мѣсяца“... [4]). Трудно было христіанству побороть подобныя вдохновенія древне-русской натуры, и оно не побороло ихъ окончательно до сихъ поръ.

Не менѣе сильны были, чѣмъ притворы и отвороты, и тѣ изъ отреченныхъ словъ, которыя употреблялись человѣкомъ съ цѣлію охранить себя отъ различныхъ опасностей. У всѣхъ народовъ были заговоры противъ звѣрей, змѣй, противъ оружія, противъ злыхъ людей на пути

---

[1]) Тамъ же, 258.

[2]) Памятники Русск. Слов. XII вѣка, 202.

[3]) *Сахаровъ*, Сказ. Русск народа. Чернокнижіе, 28.

[4]) Тамъ же, 29.

и др. Плиній говоритъ, что нѣкто Атталъ утверждалъ, что, если кто, увидѣвъ скорпіона скажетъ „duo", то пресмыкающееся не въ состояніи будетъ двигаться и жалить [1]). Интересна у того же Плинія замѣтка о Цезарѣ: будучи диктаторомъ, Цезарь, послѣ одного непредвидѣннаго паденія колесницы, усвоилъ себѣ обычай, прежде чѣмъ садился въ экипажъ, три раза прочитаннымъ стихомъ обезопашивать свой путь. Это дѣлаютъ, прибавляетъ историкъ, какъ извѣстно намъ, очень многіе и теперь [2]). Всѣ подобные заговоры были извѣстны у другихъ народовъ. Особенно извѣстны въ большомъ количествѣ заговоры противъ лихорадокъ. У Римлянъ эти послѣдніе, вѣроятно, имѣли значеніе храмовыхъ молитвъ, такъ какъ для Febris былъ у нихъ храмъ на Палатіумѣ [3]). Въ храмѣ отправлялись опредѣленныя службы и моленія, которыя перешли потомъ къ другимъ народамъ. Русскій проповѣдникъ, какъ замѣтили мы выше, указывалъ на заимствованіе Русскими ложныхъ молитвъ противъ лихорадки изъ Византіи. Но взгляды нашего народа на трясавицу и на лѣченіе ея издавна были различны; нельзя всѣ ихъ относить ко вліянію Византіи или ересей. Выраженіе Сахарова, „понятія Русскаго народа о лихорадкахъ заимствованы отъ павликіанъ" слишкомъ обще и потому не вѣрно [4]). Понятія о болѣзни, которую порождаютъ климатическія условія страны, и противъ которой человѣкъ, по чувству самосохраненія, долженъ изыскивать средства,—не могутъ быть вполнѣ заимствованными. Если религіозно-апокрифическая литература внесла въ грамотное сословіе на Руси извѣстныя сказанія павликіанъ или богомиловъ о трясавицахъ, — это не значитъ, что только эти сказанія дали понятіе о болѣзни и о средствахъ противъ нея. Понятія о лихорадкѣ извѣстны были народу ранѣе всякихъ христіанскихъ ересей; издавна извѣстны были и средства избавленія отъ злой болѣзни. Задолго до знакомства Русскихъ съ христіанско-еретическими сказаніями о трясавицахъ были употребляемы Русскимъ народомъ чары и заговоры отъ нихъ. Книжныя сказанія могли только измѣнить отчасти содержаніе заговоровъ, переполнивъ ихъ христіанскими именами. Это замѣчается и въ отношеніи другихъ заговоровъ. Заговоры, напримѣръ, отъ руды были знакомы народу издавна, а

---

[1]) Historia Naturalis, XXVII, 260.
[2]) Тамъ же, 259.
[3]) Cicero, De natura deorum, III, 25.
[4]) Сказанія Русск. народа, I, кн. 2-я, 25-е прим. къ главѣ о Чернокнижіи.

въ христіанскую пору они получили другую форму, въ родѣ слѣдующей: „Аще пойдетъ кровь изъ носа, напиши сія словеса на хартіи и привяжи къ челу: страхъ и трепетъ ему же хотящи предстати священницы и двоеженцы, въ страшное твое Христа Бога нашего Іисуса Христа пришествіе“ [1]).

Между другими отреченными вѣрованіями укажемъ на одно весьма знаменательное и сильно распространенное во всей христіанской Европѣ—о чудесномъ значеніи стиховъ. У насъ оно примѣнялось къ псалмамъ Давида. Книга псалмовъ съ самыхъ первыхъ временъ христіанства на Руси пользовалась величайшимъ авторитетомъ въ глазахъ русскихъ христіанъ. По значенію своему, какъ христіанскаго оракула, псалмы царя Давида примыкали къ древне-языческимъ письменамъ, имѣвшимъ провѣщательный смыслъ. Они были въ своемъ родѣ Сивиллиною книгой, стихи которой долго держались въ римскомъ обществѣ. Псалтирь премудраго царя, столь опоэтизированнаго народными стихами, разгибалась иногда нашими предками для узнанія исхода важнаго дѣла, для того, чтобы священнымъ словомъ псалмопѣвца поруководиться въ случаяхъ сомнительныхъ. Набѣжало тяжелое сомнѣніе на благочестиваго Владиміра Мономаха, и печальный князь обратился къ Псалтири. „Отрядивъ я, пословъ“, говоритъ князь,—„веземъ псалтирю, въ печали разгнухъ я, и то ми ся выня: вскую печалуеши, душе, вскую смущаеши мя“ и пр. [2]). Этими словами псалма успокоился смущенный князь, вполнѣ увѣрившись въ правотѣ своего поступка. Тяжело на душѣ у другаго князя, несчастнаго плѣнника въ Татарской землѣ, и онъ, въ утѣшеніе себя, проситъ книгу Псалтирь. „Дадите ми Псалтирь“, говоритъ князь Михаилъ,—„вельми бо прискорбна душа моя“. Но не до чтенія псалтири было русскому страдальцу въ эти тяжкія минуты; душу ег давило тяжелое сомнѣніе о близкой участи своей, и онъ спѣшитъ взяться за книгу премудраго царя съ цѣлью узнать роковую тайну... „И разгнувъ псалтирь, и обрѣте псаломъ: внуши, Боже, молитву мою и вонми моленіе мое, въ скорбѣхъ печали моея смутихся отъ гласа вражія, яко въ гнѣвѣ враждоваху мнѣ... Сердце мое смутися во мнѣ и страхъ смертный пріиде на мя“. Скорбныя слова разрѣшили сомнѣніе: поняли это князь и священники. „И рече Михаилъ попомъ: что молвитъ псаломъ сій, скажите ми? Они ркоша, не хотящи болши

[1]) Сборникъ Сол. библ. № 889, Зелейникъ, листъ 151.

[2]) Поученіе Владиміра Мономаха дѣтямъ.

его смутити: се, господине, знакомитіи псалмы въ послѣдней главизнѣ: възверзи на Господа печаль свою, и той тя препитаетъ и не дасть въ вѣки смятенія праведнику". Послѣдними словами было сказано все, и несчастный князь, близкая жертва злыхъ варваровъ, смѣло ждетъ смерти. „Онъ же паки глаголаше: кто дастъ ми крилѣ, полечу и почію,—и пакы: се удалихся бѣгая и въдворихся въ пустыню, чаю Бога, спасающаго мя. И тако скончавъ псалмы и согнувъ Псалтирь"; Михаилъ услышалъ о приходѣ убійцъ" [1]). Глубочайшая мудрость и просвѣтительное значеніе Псалтири постоянно выставлялись на видъ нашими древними грамотниками. Они сравнивали свѣтъ ученія ея съ свѣтомъ солнечнымъ. „Вопрошенъ бысть великій Златоустъ отъ братіи: добро ли оставити Псалтирь? Онъ же рече имъ: уне есть солнцу перестати отъ теченія своего, нежели оставити Псалтирь" [2]). „Книжная премудрость"—а Псалтирь была настольною книгой древне-русскаго книжника—„подобна есть солнечной свѣтлости, но и солнечную свѣтлость облака закрываютъ, а книжныя премудрости не можетъ ни вся тварь скрыти" [3]). Поэтому, ни для одной книги не требовалось въ старину такого прилежанія и такой горячей любви, какъ для Псалтири. „Толикаго сокровища преисполнену книгу сію читателю пріими, любовнѣ лобызай, чти прилежно, внимай разумно, суди благодарно", говоритъ предисловіе или похвала Псалтири, изданной въ XVI вѣкѣ [4]). Послѣ сказаннаго о Псалтири легко понять, почему именно эта книга сдѣлалась предметомъ суевѣрныхъ гаданій нашихъ предковъ. Этого явленія никакъ нельзя объяснять однимъ вліяніемъ византійскихъ книгъ, хотя въ нихъ и были, правда, указанія на гадальное значеніе Псалтири, книги Давида, собесѣдника Володиміра, который, въ свою очередь, близокъ къ Волоту. Какъ ни плотна во всемъ этомъ христіанская покрышка, но нельзя не видѣть подъ нею древне-эпической подкладки, на которой сотканъ весь стихъ о Голубиной книгѣ—этой книгѣ ни малой, ни великой, но разказать ее по старой по своей памяти могъ одинъ только царь Давидъ Ессеевичъ. Смѣло можно сказать, что между Псалтирью и Голубиною книгой есть доля взаимнаго отношенія. Неизвѣстно, съ какого времени книга псалмовъ стала употребляться нашими предками для га-

[1]) Повѣсть о кончинѣ Михаила Тверскаго.

[2]) Рукописный свитокъ конца XVII вѣка.

[3]) Тамъ же.

[4]) Сборникъ Сол. библ. № 889, л. 16 (предисловіе на псалтирь).

данія. Подробное описаніе этого гаданія, отреченнаго нашею церковію, мы видимъ въ Номоканонѣ, во второй разъ изданномъ въ XVII вѣкѣ, и повторилось то, что̀ сказано было въ Кормчей книгѣ, по славянскому списку 1262 года. „Чаровницы сіи суть", говоритъ статья Номоканона,—„иже негли Давидскія псалмы поюще, мученическая имена, и самыя Пресвятыя Богородица въспоминающе, и сими еже отъ бѣсовъ слагаютъ чарованія" [1]). Изъ дальнѣйшихъ словъ видно, что имена псалмовъ, вмѣстѣ съ именами мучениковъ, тѣсно связывались съ наузами: „Давидская псалмы и имена мученическая поминающе на выю си вѣшаютъ" [2]). Псалтирь, какъ гадальная книга, употреблялась въ Греціи не только людьми простыми, но даже священниками. „Инъ нѣкій священникъ", говоритъ Номоканонъ,—„съ евангеліемъ... испытаніе творяше о нѣкоихъ вещехъ, съ псалмы Давидовыми" [3]). Гаданью скоро придана была извѣстная форма. Церковное правило предаетъ суду тѣхъ, „иже имена на хартіяхъ пишутъ и ключи въ Псалтирь влагаютъ, оттуду ложная вѣщающе". Вѣра въ вѣщательную силу псалмовъ и влаганіе ключа въ нихъ были извѣстны въ древней Руси и были, вѣроятно, дѣломъ ходячимъ въ народѣ. Составитель перечня игръ, суевѣрій и примѣтъ, жившихъ въ Русскомъ народѣ въ XVII вѣкѣ, предаетъ проклятію и тѣхъ, которые вѣрятъ въ Псалтирь какъ въ гадальную книгу, „иже ключа въ Псалтирь влагаютъ" [4]).

Обычай гадать по книгамъ существовалъ у народовъ языческой древности и у западныхъ христіанъ. У Грековъ такое гаданіе называлось гаданіемъ по стихамъ. Обращались они преимущественно къ стихамъ Гомера. Открывъ книгу, Грекъ останавливался на первомъ стихѣ, какой попадется на глаза; по смыслу его или по извѣстнымъ словамъ, заключали объ исходѣ загаданнаго. Разказываютъ, говоритъ епископъ Симонъ, что Сократъ такимъ образомъ предузналъ день своей смерти [5]). Римляне, при гаданіяхъ своихъ, любили обращаться къ стихамъ Вергилія. Многіе императоры ихъ—Клавдій, Макринъ, Гордіанъ младшій и др. гадали по стихамъ о времени своего царствованія и самой жизни. Древній языческій

[1]) Истор. Хрест. *Буслаева,* 1049.
[2]) Тамъ же, 1052.
[3]) Тамъ же, 1053.
[4]) Описаніе Рум. Музея, 552.
[5]) Simonis Majoli, Dies can., 580.

обычай гадать по книгамъ перешелъ потомъ къ новымъ народамъ западной Европы. Они употребляли для этого дѣла не только псалтирь, но и другія книги Ветхаго и Новаго Завѣта. По безмѣрному богохулію, говоритъ Маіолъ, гаданіе по священнымъ книгамъ, и особенно по книгѣ Дѣяній Апостоловъ, называли „жребіями апостоловъ" (sortes apostolorum). Онъ приводитъ, на основаніи Исторіи Григорія Турскаго, нѣсколько случаевъ, въ которыхъ самые важные вопросы рѣшались чрезъ гаданіе по библейскимъ книгамъ. Нѣкоторые суевѣры употребляли въ своемъ гаданіи обрядъ особаго рода: они клали три кодекса Священнаго Писанія на гробницу св. Мартина и потомъ открывали каждый порознь. Гадавшій смотрѣлъ на открывшееся мѣсто въ каждомъ изъ трехъ кодексовъ и по-своему заключалъ по нимъ о разгадкѣ задуманнаго. Суевѣріе это не одинъ разъ было осуждаемо и запрещаемо декретами католической церкви [1]). Во всѣхъ указанныхъ нами гаданіяхъ по книгамъ нигдѣ не видно разъясненія того, что̀ означаютъ слова „ключи въ Псалтирь влагаютъ". Былъ ли это обыкновенный ключъ, или слово это имѣетъ смыслъ аллегорическій, — неизвѣстно. Сахаровъ, въ своемъ описаніи гаданья по Псалтири, разумѣетъ здѣсь простой замочный ключъ; ворожеи вкладываютъ его винтовымъ концемъ въ Псалтирь, а круговой конецъ связываютъ веревочкой съ книгою; во время самаго гаданья посторонній человѣкъ держитъ на указательномъ пальцѣ ключъ съ Псалтиремъ и т. д. [2]). Но и при этомъ указаніи, остается непонятнымъ вопросъ: откуда возникъ обычай употреблять при Псалтири именно ключъ, а не другую вещь, и каково значеніе этого ключа.

Изъ древнихъ языческихъ вѣрованій рано были отречены христіанскимъ ученіемъ на Руси вѣра въ чехъ, въ встрѣчу и въ птичій грай. Вѣрованія эти не указаны въ извѣстныхъ индексахъ отреченныхъ вѣрованій; но это не мѣшаетъ отнести ихъ къ отреченнымъ, на основаніи русской обличительной проповѣди, постоянно заботившейся искоренить ихъ изъ жизни русскаго человѣка. Но всѣ заботы проповѣдниковъ, какъ видно, не скоро приводили къ желанному результату, и въ длинномъ перечнѣ суевѣрій, по списку XVII в., указаны вѣра въ чехъ, въ встрѣчу и птичій грай. Вѣра въ чехъ осуждена однимъ изъ первыхъ русскихъ проповѣдниковъ, Ѳеодосіемъ Печерскимъ. Онъ называетъ погански живущими тѣхъ „иже

---

[1]) Ibidem, 580.

[2]) Сказанія, т. I, кн. 2-я, 61.

зачиханью вѣруютъ, юже бываетъ многажды на здравіе главѣ". Кириллъ Туровскій, ополчаясь грознымъ словомъ о мытарствахъ на поганскіе обычаи Русскихъ, не упускаетъ изъ виду и чеха. Вѣрующихъ въ чехъ, по его словамъ, ожидаетъ 15-е мытарство, по которому чехъ приравненъ не только къ баянью басней и гудѣнью въ гусли, но даже къ блуду: „всяка ересь, и вѣруютъ въ чехъ, и еже уніи блудъ творятъ". Упорство ли языческихъ вѣрованій или бо̀льшая, чѣмъ прежде, требовательность христіанскихъ учителей, или и то, и другое вмѣстѣ—вызывало въ дальнѣйшей русской проповѣди еще болѣе грозныхъ осужденій вѣры въ чехъ. Въ русскомъ словѣ, съ псевдонимомъ Ефрема Сирина, вѣрующіе въ чехъ осуждаются къ принятію вѣчной муки рядомъ съ тѣми, которые чинятъ волшбы, гудѣнья, сопѣли, пѣсни, пьянство, разбой, дѣтогубленіе, ядѣніе идоложертвенныхъ, кровоядѣніе и давленины и пр. [1]). „О злое наше безуміе!", восклицаетъ св. Кириллъ въ словѣ о злыхъ дусѣхъ,—„аще ны гдѣ будутъ поити, то мы течемъ къ волхвомъ, то вѣруемъ чеху" [2]). Тяжесть грѣха за вѣру въ чехъ проповѣдникъ хочетъ усилить указаніемъ на запрещеніе его еще закономъ Моисеевымъ. „Тако бо глагола Богъ въ законѣ Моисеовѣ: Да не будетъ во Израили ни волхвы, ни чародѣи, да не вѣруютъ чху". Совершенно излишне говорить здѣсь о какомъ-нибудь заимствованіи изъ Византіи вѣры въ чехъ и другихъ повѣрій, отреченныхъ русской проповѣдью. Иначе мы должны будемъ отказать ей въ самостоятельномъ обличеніи слабыхъ сторонъ русской жизни и признать въ ней стремленіе бороться съ такими пороками, которыхъ въ русской жизни никогда не было. Если проповѣдники наши говорили иногда, что указанныя вѣрованія суть обычаи невѣрныхъ, они не хотѣли этимъ сказать того, что обычаи тѣ взяты отъ невѣрныхъ, и что сами русскіе люди, будучи христіанами, жили по обычаямъ невѣрныхъ. „Лучши Бога истиннаго познати", говоритъ одна изъ древне-русскихъ проповѣдей,—„и имя святое Его прославити, нежели въ встрѣчу, въ чехъ вѣровати; сія бо есть прелесть, а не Божіе преданіе, ниже святыхъ отецъ повелѣніе". Всѣ, соблюдающіе эти суевѣрія, продолжаетъ учитель, „послѣдуютъ обычаю невѣрныхъ языкъ, не знающихъ Бога, отъ нихъ же такая прелесть въ православіе преселися" [3]). Послѣднія слова очень важны въ томъ еще отношеніи, что

---

[1]) Соборникъ Солов. библ., № 847, л. 130.

[2]) Слово св. Кирилла, *Москвитянинъ* 1844 г. № 1.

[3]) Слово учительно о вѣровавшихъ въ стрѣчу и въ чехъ. *Лѣтописи русской литературы*, т. V (смѣсь), стр. 97—98.

указываютъ на единство вѣрованій Русскаго народа съ вѣрованіями другихъ народовъ, слывшихъ у насъ за невѣрныхъ. Обобщеніе этихъ вѣрованій шло не чрезъ посредство византійской христіанской письменности, а естественнымъ путемъ передачи духовныхъ воззрѣній отъ поколѣнія къ поколѣнію и далѣе отъ народа къ народу.

Обращаясь къ народамъ Запада, мы видимъ, что вѣра въ чехъ уходитъ тамъ въ глубочайшую древность. На нее прежде всего указываетъ Гомеръ въ одной изъ пѣсней Одиссеи [1]). Впослѣдствіи чиханье было взято греческими жрецами и вѣщателями, какъ одна изъ вѣрныхъ примѣтъ къ худу или къ добру. Когда Ксенофонтъ говорилъ рѣчь къ воинамъ, кто-то чихнулъ, и чехъ былъ принятъ за счастливый знакъ, такъ что Ксенофонтъ принялъ начальство надъ всѣмъ войскомъ. Біографъ Θемистокла разказываетъ, что во время Персидской войны, этотъ вождь готовился принести жертву около главнаго корабля; въ это время привели къ нему трехъ плѣнныхъ, необыкновенно красивой наружности. Ихъ увидѣлъ вѣщатель Евфрандитъ. Въ то самое время высоко поднялось жертвенное пламя, и направо отъ него кто-то чихнулъ, что также было предзнаменованіемъ. Вѣщатель въ силу этого велѣлъ заколоть плѣнныхъ. Вообще чиханье, какъ видно и изъ другихъ указаній древней греческой литературы, было сильно распространено въ народѣ; этимъ повѣрьемъ хотѣли руковоѳводиться въ серьезныхъ случаяхъ жизни. Тимоѳей Аѳинскій, по разказу Секста Фронтина, въ морскомъ сраженіи противъ Корцирянъ, сказалъ своему кормчему: чему ты удивляешься, когда изъ столькихъ воиновъ только одинъ перезябъ (perfrixisse)? Кормчій же тотъ далъ уже знакъ къ отступленію корабля, потому что слышалъ, какъ одинъ изъ гребцовъ чихалъ [2]). По древне-русскому вѣрованію въ чехъ, чихнувшему слѣдовало желать здоровья или выполненія желанія. Замѣчательно при этомъ болѣе частное повѣрье, по которому здравствованіе при чиханьи спасало чихнувшаго отъ зубной боли. „Если кто учнетъ чихать", говоритъ лечебникъ XVII вѣка,—„и ему надобно противъ чиханья здравствовать, хотя бы и недругу: отъ того зубы не станутъ болѣть" [3]). На эту связь зубной боли съ чиханьемъ есть любопытное указаніе въ слѣдующихъ словахъ Геродота. Онъ говоритъ, что когда Плиній чих-

---

[1]) Одиссея, переводъ *Жуковскаго*, I, 540 и дальн. стихи.

[2]) Sext. Frontini opera, Strategematicon, lib. I, 40.

[3]) *Буслаевъ*, Очерки, II, 44.

нулъ, у него выпалъ зубъ: это принято было за правило будущаго несчастія. Можетъ-быть, поэтому многіе изъ Грековъ боялись чиханія. Чиханіе, говоритъ Фюстель-Куланжъ, могло остановить Грека въ любомъ предпріятіи [1]). Здравствованіе при чиханьи не было простымъ только суевѣріемъ. Ученые люди древности пытались даже осмыслить народный обычай желать чихнувшему здоровья. Пытливый Аристотель задавался вопросомъ: почему за признакъ здоровья принято чиханье, а не отрыжка, или что-либо другое? Причиной того глубокомысленный философъ считаетъ то, что голова есть важнѣйшая часть организма, а чиханье освѣжаетъ голову, которая, по мнѣнію Аристотеля, по преимуществу священная часть (pars sacra praecipue est) [2]). Мы уже приводили выше мнѣніе Ѳеодосія Печерскаго, что чиханье служитъ на здравіе главѣ. Въ жизни древнихъ Римлянъ мы видимъ также сильное распространеніе разбираемаго суевѣрія. Чиханье считалось тамъ важнымъ условіемъ для опредѣленія успѣха или неуспѣха въ предпринимаемомъ дѣлѣ. Если мы что-нибудь предпринимаемъ, говоритъ Цицеронъ, то необходимымъ считаемъ обращать вниманіе, между другими примѣтами, на чиханье. Впослѣдствіи обычай этотъ, подобно другимъ обычаямъ того же рода, утратилъ свое прежнее значеніе, но не смотря на то, его не чужды были даже великіе люди Римской имперіи. „Зачѣмъ мы“, спрашиваетъ Плиній, „при чиханьяхъ желаемъ другъ другу добраго здравія? Говорятъ, что это дѣлалъ даже Тиверій Цезарь, серьезнѣйшій, какъ извѣстно, человѣкъ. Нѣкоторые думаютъ, что гораздо религіознѣе поздравить чихнувшаго чьимъ-либо именемъ“ [3]). Христіанскіе народы западной Европы долго не могли отрѣшиться отъ вѣрованій старины, при всѣхъ усиліяхъ церкви искоренить эти вѣрованія. Въ ряду другихъ суевѣрій этихъ народовъ видное мѣсто занимаетъ чехъ. Наблюдаемо было даже время дня, въ которое человѣкъ чихалъ. Если чиханье было утромъ, оно считалось вреднымъ предзнаменованіемъ и обѣщало дурной исходъ начатаго дѣла; чиханье среди дня считалось, напротивъ, предзнаменованіемъ благонадежнымъ. Нѣкоторые считали чехъ за доказательство истинности извѣстныхъ мнѣній или соображеній, также за предсказаніе свободы отъ опасныхъ козней [4]). Первое повѣрье до

---

[1]) Гражд. община античнаго міра, 288.
[2]) Dies caniculares, 567.
[3]) Histor. Naturalis, XXVII, 260.
[4]) Dies caniculares, 567.

сихъ поръ существуетъ у насъ въ обычаѣ суевѣровъ говорить чихнувшему „правда", подтверждая тѣмъ справедливость думъ или желаній его. Памятники славянской и въ частности древне-русской письменности ясно указываютъ на существованіе у Славянъ вѣры въ чехъ въ до-христіанскую пору жизни ихъ; только изъ этихъ указаній не видно такой разницы въ значеніи чиханія, какую придавали ему народы запада. Ясно одно, что былъ чехъ на здравіе, о чемъ, кромѣ Ѳеодосія и послѣдующихъ проповѣдниковъ, говоритъ преподобный Несторъ: „Друзіи же и закыханью вѣруютъ, еже бываетъ на здравіе главѣ".

Рядомъ съ чехомъ, древне-русская проповѣдь отрекла вѣру во встрѣчу. По византійскимъ индексамъ отреченныхъ книгъ и вѣрованій видно, что встрѣча была темою для цѣлыхъ сочиненій, авторы которыхъ разъясняли различное значеніе встрѣчаемыхъ человѣкомъ предметовъ. Существовала „путникъ кинига, въ ней же есть писано о встрѣчахъ коби всякія еретическія". Трудно положительно сказать, были ли распространены подобныя книги въ древней Руси; но несомнѣнно то, что и русское суевѣріе имѣло разнообразное значеніе, по различію встрѣчаемыхъ предметовъ. Была у Русскихъ встрѣча добрая и злая, и скотьская, и птичія, и звѣриная, и человѣческая [1]). Кромѣ этихъ общихъ указаній на различные предметы встрѣчи, есть свидѣтельства о разной встрѣчѣ съ предметами христіанскаго характера. Здѣсь прежде всего возникаетъ вопросъ, были ли примѣты эти цѣликомъ пересажены изъ греческой жизни, или онѣ, бывши въ русскомъ язычествѣ, самобытно переиначились подъ условіями русско-христіанской жизни? Не отвергая вліянія греческой литературы, особенно въ такихъ древнѣйшихъ памятникахъ, какова лѣтопись Нестора, мы не можемъ, съ другой стороны, отрицать и того, что вѣра русскихъ язычниковъ во встрѣчу сама собою измѣнялась потомъ, сообразно съ условіями новой народной жизни, то-есть, суевѣріе это глубоко коренилось въ русской жизни до христіанскаго вліянія, которое только измѣнило его по-своему. При этомъ измѣненіи въ русское повѣрье не вошло много такого, что̀ было въ томъ же повѣрьи византійскомъ. Выше замѣтили мы, что Іоаннъ Златоустъ указалъ на вѣру Антіохійцевъ во встрѣчу съ честною дѣвицей и съ вѣтреною женщиной. Ничего подобнаго мы не видимъ въ нашей древней жизни. Напротивъ того, древне-русская проповѣдь рано

[1]) Описаніе Рум. Музея, 551.

стала обличать вѣру во встрѣчу съ священникомъ и съ чернцомъ. Кромѣ этихъ, чисто христіанскихъ личностей, указаны еще Θеодосіемъ—лысый конь и свинья: „Се бо не погански ли творимъ", говоритъ проповѣдникъ, „аще кто усрящетъ чернца или черницу, то възращаются, ли свинію, ли конь лысъ, то се не погански ли есть". Нельзя по однимъ христіанскимъ именамъ чернца или черницы дѣлать заключеніе къ тому, что самое вѣрованіе насаждено на Руси византійскою письменностію, ибо трудно доказать, что Греки смотрѣли на лысаго коня и на свинью, какъ на предметы неблагопріятные при встрѣчѣ; вѣрнѣе, что животныя или звѣри, съ которыми приходилось человѣку встрѣчаться, у различныхъ народовъ были различны, по различію самой фауны страны и по разнымъ условіямъ экономической жизни. Встрѣчная прелесть Славянъ вообще и Русскихъ въ частности, подобно прелести чеховой, коренится въ общечеловѣческой увѣренности, что боги какъ въ милости, такъ и въ гнѣвѣ, сами указываютъ человѣку его будущее и различными знаменіями земными и небесными даютъ ему знать, удача ли ожидаетъ его въ извѣстномъ дѣлѣ, или бѣда. У однихъ изъ Славянскихъ народовъ было больше животныхъ, знаменательныхъ при встрѣчѣ, у другихъ меньше; но у всѣхъ безъ исключенія была вѣра въ такую встрѣчу. У Руянъ, напримѣръ, каждое встрѣтившееся животное предсказывало будущее. У Редарей, по словамъ Титмара, особенно важно было появленіе вепря: какъ предвѣщатель страшной войны, онъ выходилъ изъ моря, огромный, съ блестящими клыками, покрытый пѣной, и съ ужаснымъ ревомъ валялся по тинѣ [1]). Встрѣча съ подобнымъ звѣремъ не могла считаться хорошею и во всякое другое время. Почему въ древней Россіи лысый конь и свинья считались животными, неблагопріятными для встрѣчи, и было ли это въ одной Россіи—рѣшить трудно. Относительно встрѣчи со свиньей можно сказать только слѣдующее: извѣстно, что животное это еще въ баснословную пору римской жизни имѣло значеніе предвѣщающаго животнаго. Суевѣрный взглядъ на свинью долго держался въ жизни народовъ запада. Перечисливъ сначала нѣсколько другихъ суевѣрій, епископъ Маіолъ говоритъ: „Иные—это отвратительно—собираютъ предвѣщанія о будущемъ супружествѣ при хлѣвахъ свиней по ихъ хрюканью. Если кто желаетъ узнать, на дѣвушкѣ ли онъ женится, или на вдовѣ,—онъ ищетъ совѣта, или ру-

---

[1]) У *Срезневскаго*, въ сочин. Святилища и обряды языческ. богослуженія древнихъ Славянъ, 9.

ководительства не у Бога и не у людей, а ровно въ полночь извѣстнаго дня идетъ къ хлѣву, въ которомъ заперта свинья съ поросятами. Подошедши туда, онъ молча стучитъ въ дверь хлѣва, и если на этотъ стукъ захрючитъ прежде поросятъ свинья, то онъ вполнѣ убѣжденъ, что женится на вдовѣ; если же прежде свиньи захрюкаютъ поросята, то радуется, что соединится съ дѣвицей" [1]). У народовъ запада очень сильна была вѣра во встрѣчу съ различными животными. Вѣрили въ несчастный путь въ такомъ случаѣ, когда заяцъ быстрыми скачками перебѣжитъ дорогу, также когда встрѣтится чреватая волчиха или собака, или когда змѣя переползетъ дорогу. Кромѣ того, считалось дурнымъ предзнаменованіемъ, если между гуляющими друзьями окажется камень, собака или ребенокъ (puer). Друзья считали необходимымъ попирать камень ногами, а ребенка прибить [2]).

Изъ приведенныхъ указаній легко понять, что вѣра во встрѣчу, подобно другимъ суевѣріямъ, есть общее достояніе всѣхъ народовъ Европы, вызванное древнею религіей и оразнообразившееся потомъ по разности мѣстныхъ условій страны. Русское суевѣріе нельзя считать навѣяннымъ византійскою письменностію. Даже начало вѣры во встрѣчу съ священникомъ и монахомъ кроется не въ письменности, а въ общемъ всѣмъ народамъ взглядѣ на жрецовъ. Извѣстно, что въ языческомъ мірѣ избѣгали встрѣчи со жрецомъ, и встрѣча эта считалась неблагопріятною. Очень можетъ быть, что подобный взглядъ на жрецовъ раздѣляли и наши предки-язычники. Съ распространеніемъ христіанства прежній взглядъ перенесенъ былъ на христіанскихъ священниковъ и на черноцовъ. Приведемъ здѣсь замѣчательныя слова русскаго проповѣдника, обличающаго вѣру во встрѣчу со священникомъ, монахомъ и нищимъ: „Духъ святый дѣйствуетъ во священницехъ и діаконехъ и во мнишескомъ чину и во братіи Христовѣ, рекше въ нищихъ: таковіи бо чини отъ Бога вси благословени суть. Мы же всѣхъ тѣхъ чиновъ на встрѣчѣ гнушаемся, и отвращаемся отъ нихъ, и укоряемъ ихъ на первой встрѣчѣ, и поносимъ ихъ въ то время на пути многимъ поношеніемъ". Далѣе проповѣдникъ вразумляетъ, что священниковъ не нужно укорять на встрѣчѣ—„понеже бо іерей образъ Господень носитъ въ службѣ", монаховъ—„понеже мниси подобіе носятъ ангельскаго образа", нищихъ и худородныхъ—понеже самъ Господь нарицаетъ нищихъ меньшую

[1]) Dies caniculares, 555.

[2]) Тамъ же, 570.

свою братію. По сихъ же всѣхъ аще ли кто первыя ради встрѣчи укоряетъ какого либо богоугодника человѣка, той убо укоряетъ образъ подобія Божія". Обличитель замѣтилъ, что встрѣчная прелесть невѣрныхъ языкъ увѣреніе, вѣрнымъ же о семъ божественная писанія нигдѣ не описуетъ быти". Слова эти также указываютъ на то, что древняя русская проповѣдь имѣла дѣло съ суевѣріемъ не заноснымъ, а вполнѣ самобытнымъ [1]).

Вмѣстѣ съ другими приключеніями, какія могли встрѣчаться на пути, какъ указанія на счастливый или несчастный исходъ дѣла, не маловажнымъ считалось въ древности преткновеніе ногъ. Въ кодексахъ отреченныхъ вѣрованій суевѣріе это осуждено на ряду съ другими. Тамъ оно названо словами: „падетъ человѣкъ". Не думаемъ, чтобы вѣрованіе „падетъ человѣкъ" было въ большой силѣ у нашихъ предковъ. Въ древнѣйшихъ памятникахъ русской письменности не встрѣчаемъ не только обличенія, но даже простаго указанія на разбираемое суевѣріе. Оно не указано также въ длинномъ перечнѣ народныхъ повѣрій XVII вѣка, по списку Румянцовскаго музея. Это, съ своей стороны, доказываетъ ничтожность вліянія отреченныхъ чужихъ книгъ на Русскій народъ. Можетъ-быть впрочемъ, молчаніе древней литературы о вѣрованіи въ преткновеніе ногъ происходило вслѣдствіе кажущейся неважности этого суевѣрія; можетъ-быть, обличители неправой русской жизни смотрѣли сквозь пальцы на такую невинную примѣту. Но во всякомъ случаѣ, эти обличители не смолчали бы и объ этомъ суевѣріи, еслибъ обличенія ихъ вызывались книжностію, а не самою жизнію.

Гораздо распространеннѣе была вѣра въ птичій грай, или по индексу Іоанна Болгарскаго, въ вороноград. Суевѣріе это имѣло многоразличные виды; но мы разберемъ въ немъ лишь то, какимъ образомъ предки наши, подобно другимъ народамъ древняго и новаго міра, заключали по граю птицъ объ удачѣ или неудачѣ предпринимаемаго дѣла. Изъ слова св. Кирилла о злыхъ дусѣхъ можно видѣть, что вѣра въ птичій грай преимущественно касалась знаменій для добраго или недобраго пути. „Вѣруемъ", говоритъ проповѣдникъ,—„въ потки и въ датля, и въ вороны, и въ синици. Коли гдѣ хощемъ поити, которая переди пограеть, то станемъ послушающе, правая ли или лѣвая; лидаще ны пограеть по нашей мыслѣ, то мы къ собѣ глаголемъ, добро ны потка си, добро ны кажеть, ркуще

[1]) *Лѣтоп. Русск. Литер.*, т. V, стр. 97—98.

окаянніи, чи не Богъ той поткѣ указалъ добро намъ повѣдати. Егда ли, что ны на пути зло створитьсь. то учнемъ дружинѣ своей глаголати, почто не вратихомся..." [1]). Хотя суевѣріе это указано въ литературѣ греческой, напримѣръ, въ словѣ Григорія Назіанзина, рано переведенномъ на славянскій языкъ, но тѣмъ не менѣе нельзя не видѣть въ суевѣріи русскомъ извѣстной доли самобытности. Вѣра въ птичій грай присуща была древне-русскому человѣку въ эпоху не-христіанской жизни его. Прежде всего это видно, какъ не разъ было замѣчено, изъ того, что суевѣріе это было обличаемо русскими проповѣдниками самыхъ первыхъ вѣковъ христіанства на Руси, когда византійская проповѣдь не могла еще привиться къ русской жизни. На него указываетъ не одинъ разъ и „Слово о Полку Игоревѣ",

Должно однако замѣтить, что птичій грай не есть исключительно русское или греческое повѣрье; оно тѣсно связано съ культомъ самыхъ древнѣйшихъ народовъ арійской семьи. У Индійцевъ между другими священными птицами самою священной считался ибисъ. Онъ былъ постояннымъ проводникомъ Брамы и Карасваты, считался символомъ благоразумія и сострадательнаго участія, являясь иногда вѣрнымъ вѣстникомъ любви, какъ, напримѣръ, между Налемъ и Дамаянти. Понятно поэтому, какъ легко въ самой глубокой древности могло образоваться суевѣрное воззрѣніе на полетъ священной птицы. При встрѣчѣ съ нею и при наблюденіи за полетомъ ея, всякій могъ заключать объ успѣхѣ или неуспѣхѣ своихъ намѣреній. Египетская теологія возвела священныя воззрѣнія на вѣщихъ птицъ на степень строгихъ догматовъ. За умерщвленіе копчика (sperber) всякій Египтянинъ подвергался смерти; не обращали даже вниманія на то, намѣренно или ненамѣренно совершено было преступленіе [2]). У народовъ Эллады вѣра въ птичій грай оразнообразилась по различію самыхъ птицъ и по условіямъ религіознаго культа. Въ пѣсняхъ Гомера есть прямыя указанія на вѣщунство встрѣчаемыхъ птицъ. Грекъ не предпринималъ ничего серьезнаго, не обративъ предварительно вниманія на полетъ птицъ. Онъ никогда не пускался въ море, не посовѣтовавшись напередъ съ предзнаменованіями. „Мы для васъ, людей", говорятъ птицы въ комедіи Аристофана, — „Аммонъ, Дельфы, Дидона, Фебъ Аполлонъ; ибо, пришедши къ птицамъ, вы обращаетесь къ нимъ при всякомъ слу-

---

[1]) *Москвитянинъ* 1844, № 1.
[2]) *Hermann Göll*, Mythologie, 190.

чаѣ—при торговомъ путешествіи, при стяжаніи имущества, при бракѣ мужчины" [1]). Птицы замѣняли для Грека всевозможныя предзнаменованія [2]). Не меньше давалось значенія птичьему граю и въ жизни Римлянина. Здѣсь наблюденіямъ за полетомъ птицъ, помимо частнаго значенія, усвоено было значеніе офиціальное. Римское авгурство, какъ извѣстно, тѣсно связано съ птичьимъ граемъ. Самое названіе его взято отъ обязанности авгура наблюдать за полетомъ птицъ, чтобы предузнать по немъ будущее. Мы не будемъ здѣсь входить въ подробности римскихъ авгуралій; замѣтимъ только, что между птицами, грай которыхъ былъ важенъ въ римскомъ культѣ, есть и такія, на которыхъ простирается суевѣрное воззрѣніе нашихъ предковъ. Извѣстно, что вѣщими птицами у Римлянъ были слѣдующія: орелъ, коршунъ и ястребъ, которые наблюдаемы были въ ихъ полетѣ. По пѣнію священными птицами были слѣдующія: воронъ, ворона, сова и пѣтухъ. Куры имѣли значеніе по клеванію. Не имѣя въ древне-русской отреченной литературѣ указаній на значеніе всѣхъ поименованныхъ птицъ въ русской жизни, мы все-таки можемъ заключить, что даже орелъ, птица рѣдкая въ Русской землѣ, считался когда-то вѣщимъ. Пѣвецъ „Слова о Полку Игоревѣ" упомянулъ, между другими знаменіями, и о томъ, что „орли клектомъ на кости звѣри зовутъ". Другое выраженіе „Слова": „дивъ кличетъ връху древа" не безъ основанія можетъ быть отнесено къ совѣ или къ филину. Послѣдній въ древности считался птицею неблагопріятною [3]). Что касается до ворона и вороны, они до сихъ поръ, въ понятіяхъ простаго народа, слывутъ птицами зловѣщими. Самымъ большимъ значеніемъ въ древне-римскихъ суевѣріяхъ пользовались пѣтухъ и курица. Цицеронъ обличаетъ современниковъ своихъ въ томъ, что они заключали о побѣдѣ или пораженіи на войнѣ по пѣнію или молчанію пѣтуха, на томъ, вѣроятно, основаніи, что пѣтухъ побитый (въ дракѣ съ другимъ) чаще молчитъ, а побившій поетъ. „Неужели", дивится ораторъ,—„Юпитеръ чрезъ куръ давалъ знаменіе такому городу, какова Лебадія, побѣдившая Ѳивы? Неужели бы птицы не пѣли, если бы не было побѣды"? [4]) Вообще, по словамъ Цицерона, птицы предсказывали Римлянамъ счастливый

---

[1]) Ορνιθες, comoedia Aristophanis, 715—717.
[2]) Тамъ же, ст. 717 и слѣд.
[3]) *Göll*, 185.
[4]) De divinatione, 619.

или несчастный исходъ дѣла [1]). Римлянинъ никогда не выходилъ со двора, чтобы не оглянуться, не видно ли гдѣ зловѣщей птицы. Наблюденіе за вѣщими птицами, какъ уже было замѣчено, проникло и въ государственный строй римской жизни. Ни походъ на войну, ни офиціальное собраніе народа, ни вступленіе въ должность высшихъ чиновниковъ, ни посвященіе въ духовныя должности, ни закладка городовъ или храмовъ, ни укрѣпленіе лагеря не начиналось безъ предварительныхъ гаданій авгура [2]). При гаданіяхъ различалась не одна порода птицъ, но и то, съ какой стороны летѣла птица; воронъ, напримѣръ, долженъ былъ пролетѣть съ правой стороны, а ворона съ лѣвой [3]). Во время общественныхъ невзгодъ народъ зорко смотрѣлъ за полетомъ птицъ, желая вызнать въ немъ тѣ или другія предвѣстія. Самымъ страшнымъ явленіемъ въ птичьемъ мірѣ, по молвѣ народной, было то, когда курица обращалась въ пѣтуха, а пѣтухъ въ курицу.

Пѣтухъ, птица тѣсно связанная, по мнѣнію ученыхъ, съ поклоненіемъ домашнему очагу, была знаменательною птицей у древнѣйшихъ Славянъ. По свидѣтельству Льва діакона, Руссы, сожигая трупы убитыхъ, погружали въ воды Истра младенцевъ и пѣтуховъ. Ибнъ-Фодланъ, описывая древній русскій обрядъ сожженія умершихъ, упоминаетъ, между прочимъ, и о сожженіи пѣтуха, какъ обычной жертвѣ на похоронахъ. По словамъ одного Румянцевскаго сборника, въ новый домъ шли у насъ съ чернымъ куромъ. Это значеніе кура породило много другихъ примѣтъ, имѣвшихъ вѣщій смыслъ. „Пѣтелъ стоя поетъ, и курица поетъ“ — худо будетъ, говоритъ индексъ русскихъ суевѣрій XVII вѣка. Въ немъ же упоминаются и другія домашнія птицы: „гусь кокочетъ или утица крякнетъ“. Какъ ни усиливалась древне-русская проповѣдь вразумить русскаго человѣка, что вѣра въ птичій грай и куроклинъ есть обычай невѣрныхъ, что послушать поткѣ — значитъ поступать по дьяволю ученію, суевѣріе жило въ народѣ. Онъ не въ состояніи былъ разорвать тѣхъ вѣрованій, затвердѣлые корни которыхъ уходили слишкомъ глубоко.

Укажемъ теперь на суевѣрія, вызванныя особыми явленіями въ человѣческомъ тѣлѣ — это различныя трепетанія и ухозвонъ. Изданная г. Пыпинымъ книга „Трепетникъ“ была, кажется, болѣе досу-

---

[1]) Тамъ же, 629.
[2]) *Göll*, 184.
[3]) *Göll*, 185.

жимъ издѣліемъ корыстолюбиваго книжника, чѣмъ вѣрнымъ перечнемъ народныхъ суевѣрій по этой части. 99-ть трепетаній на всевозможныхъ частяхъ тѣла едва ли могли быть наблюдаемы и объясняемы большинствомъ; между ними есть даже такія, мѣсто которыхъ трудно угадать, въ родѣ слѣдующаго: „аще у рукъ ногти трепещутъ, кажетъ осудъ и укоръ при бесѣдѣ, кажетъ злое слово и думу“ (58), или: „аще лѣвыя руки малый перстъ потрепещетъ, многу имѣнію погибель кажетъ,—чрево съ пупомъ потрепещетъ, чрево безъ пупа потрепещетъ“ и т. под. Есть и такія трепетанья, при записи которыхъ забавникъ-грамотникъ расчитывалъ на одну праздную любознательность, непозволительную въ старину, напримѣръ, „аще въ лѣвой ногѣ большой перстъ потрепещетъ.... то будетъ во снѣ греза велика“, или „съ кѣмъ подерешися“ (96). Намъ кажется, наблюденіямъ самыхъ отъявленныхъ суевѣровъ доступны были однѣ общія трепетанья извѣстныхъ органовъ — руки, ноги, особенно глаза (окомигъ) и др. Поэтому ближе и общѣе указываетъ на трепетаніе перечень примѣтъ по сборнику Румянцевскаго музея: „Кости болятъ и подколѣнники свербятъ — путь будетъ, и длани свербятъ — пѣнязи имать, очи свербятъ — плакати будутъ“ [1]). Объ этихъ примѣтахъ можно сказать словами г. Пыпина, что онѣ до сихъ поръ находятся въ народномъ обращеніи и идутъ, конечно, съ давняго времени. Еще въ греко-латинскихъ обычаяхъ былъ обычай наблюдать за трепетаніями членовъ тѣла и по нимъ видѣть добрыя или недобрыя указанія. Къ послѣднимъ принадлежалъ зудъ въ ногахъ, свербящія глаза, скрежетаніе или щелканье зубами и др. Эти же примѣты были въ ходу у западно-европейскихъ народовъ, которые дали повѣрью большее разнообразіе. О трепетаніяхъ думали тамъ, что онѣ возникаютъ противъ воли человѣка, въ силу неестественныхъ движеній въ тѣлѣ. Чудесность появленія даетъ трепетаніямъ силу указывать человѣку добрые или недобрые случаи изъ жизни его. Въ числѣ другихъ трепетаній, извѣстныхъ на западѣ, были слѣдующія: если потрепещетъ глазъ — правый или лѣвый, если потрясутся или подрожатъ мускулы, плечи или бедра, если посвербятъ ноги, если по кожѣ, при сильномъ трепетаньи, пробѣжитъ дрожь, если заскрыпятъ зубы, если будутъ необыкновенныя чиханья слишкомъ частыя, или рѣдкія, если всѣ члены будутъ подергиваться то такъ, то иначе, если члены вдругъ

---

[1]) Описаніе Рум. Музея, 551.

окоченѣютъ, сдѣлаются какъ будто нечувствительными, если будетъ заикаться или запинаться языкъ и т. д. [1]).

Изъ другихъ примѣтъ, вошедшихъ въ трепетникъ, особенно важенъ былъ звонъ въ ушахъ, или по индексамъ, ухозвонъ. Трепетникъ, изданный г. Пыпинымъ, различаетъ десять примѣтъ, относящихся къ ухозвону. Большая часть ихъ есть плодъ излишней находчивости книжника. Его многословіе видно изъ того даже, что звону въ одномъ и томъ же ухѣ дано различное значеніе только на словахъ: вмѣсто „ухо десное", сказалъ книжникъ, „ухо правое", и вышли у него два ухозвона, которые оба повѣдаютъ различное. Не смотря на эту дробность примѣтъ по ухозвону, тѣмъ не менѣе это было суевѣріе общераспространенное у всѣхъ народовъ. Русскіе держатся его до сихъ поръ. Въ жизни древняго Грека и Римлянина звонъ въ ушахъ игралъ также очень важную роль и могъ остановить суевѣра отъ исполненія любаго предпріятія. Плиній, выводя наружу другія суевѣрія, съ уликой говоритъ и объ ухозвонѣ. „Принято по звону въ ушахъ угадывать, что̀ говоритъ объ насъ кто-либо изъ отсутствующихъ" [2]). Но еще задолго до Плинія Римляне вѣрили въ звонъ уха, различая при этомъ лѣвое ухо отъ праваго. Звонъ въ лѣвомъ ухѣ указывалъ, что вспоминалъ объ извѣстномъ человѣкѣ его недругъ, правое же ухо говорило о другѣ. Вѣщій звонъ въ ушахъ былъ извѣстенъ и у Нѣмцевъ и считался, по обстоятельствамъ, дурнымъ или хорошимъ предзнаменованіемъ.

Въ ряду другихъ вѣрованій древне-русскаго человѣка сильна была вѣра въ сны. „Брате, воистину ти глаголю, яко въ нынѣшняя времена, оскудѣвшимъ наставникомъ, не требуеши ничтоже, да вѣруеши, или внутрь, или внѣ, или явственнѣ, или въ снѣ, или свѣтъ, или нѣкая мечтанія — не пріемли отнуду, понеже бо хощеши погибнути. Иже бо соніемъ и мечтаніямъ вѣруя, безъ иного грѣха съ діаволомъ осудится, яко еговъ случа" [3]). Такъ обличаетъ вѣру въ сны почти одинокій голосъ древне-русской проповѣди. Проповѣдникъ считаетъ вѣру эту мерзостью предъ Богомъ: „Ничто же бо не мерзско предъ Богомъ, точію сія бѣды, еже въ мечтанія вѣровати" [4]). Изъ

---

[1]) Simon Majolis, 571.

[2]) Histor. Natur., lib. XXVII, 260.

[3]) Памятники Стар. Русской литературы, изд. *Кушелева-Безбородко*, т. IV. Слово о снѣхъ.

[4]) Тамъ же.

всѣхъ вѣрованій русской старины вѣра въ сонъ была обличаема меньше всего. Молчаніе проповѣдниковъ указываетъ не на то, чтобы вѣра въ сонъ не была сильна, а скорѣе на то, что вѣра эта была дѣломъ слишкомъ обыкновеннымъ, общераспространеннымъ во всѣхъ классахъ общества. Сами проповѣдники и пастыри церкви стояли въ этомъ отношеніи не много выше массы. Для нихъ вѣра въ сонъ была тѣмъ безопаснѣе, чѣмъ больше и скорѣе могли они найдти въ немъ признаки сверхъестественнаго озаренія. Возможность послѣдняго допускалась легко каждымъ грамотникомъ, сколько-нибудь знакомымъ съ св. книгами Новаго и Ветхаго Завѣта. Наши древніе учители, не ратуя много противъ вѣры въ сны, отвергли однакоже тетради, извѣстныя подъ именемъ сносудцевъ или сонниковъ. По содержанію, древніе сносудцы сходны съ тѣми, которые въ ходу до сихъ поръ у нашихъ грамотѣевъ. Давно, впрочемъ, сонники потеряли то довѣріе къ себѣ, какимъ пользовались они въ старину, когда сонъ считался вѣщимъ голосомъ неба; онъ внушалъ сонному человѣку волю высшихъ существъ, открывалъ ему сокровенное будущее. Такой взглядъ на сны, какъ на голосъ боговъ, присущъ былъ всѣмъ народамъ древняго міра. Религіозное значеніе сновъ видно между прочимъ изъ того, что у многихъ народовъ снотолкователи принадлежали къ сословію жрецовъ и волхвовъ, — людей, одаренныхъ способностью прозрѣвать во всѣ тайны естества. Въ первобытную эпическую эпоху народной жизни сонъ принимался за руководящее начало человѣческой дѣятельности: по вѣрѣ въ вѣщій и благопріятный сонъ, человѣкъ смѣлѣе рѣшался на самые трудные подвиги. Древніе памятники народной поэзіи свидѣтельствуютъ о томъ, какъ сонъ мотивировалъ иногда общій ходъ людскихъ дѣйствій, какъ герои древности, могучіе богатыри, руководились въ геройствѣ своемъ вѣщими снами. Былина разсказываетъ, что царица Панталоновна видитъ во снѣ русскаго богатыря Вольгу Буслаевича въ видѣ птицы, малой пташечки[1]). Самые важные вопросы нравственные, каковъ вопросъ о кривдѣ и правдѣ, по народному міровоззрѣнію, открывались во снѣ. По извѣстному духовному стиху, возговорилъ Володиміръ князь: „Ой ты гой еси, премудрый царь Давыдъ Евсеевичъ! Мнѣ ночесь, сударь, мало спалось, мнѣ во снѣ много видѣлось: какъ бы съ той стороны со восточной...

[1]) Олегъ Святославичъ. Сборникъ *Рыбникова*, I, стр. 1—6.

кабы два звѣря собиралися, одинъ одного звѣрь одолѣть хочетъ" [1]). По снотолкованію Давыда Евсеевича оказалось, что два тѣ звѣря — кривда съ правдою; правда кривду переспорила. Если сонъ служилъ откровеніемъ важнѣйшихъ истинъ въ области народной нравственности, то еще больше онъ значилъ, какъ предвѣстіе важныхъ событій въ жизни общественной. Сонъ Святослава, въ Словѣ о Полку Игоревѣ, полный поэтической красоты, отличается подробностями, вѣщавшими о бѣдѣ Русской земли; онъ вмѣстѣ съ тѣмъ свидѣтельствуетъ о силѣ вѣры нашихъ предковъ XII в. въ сны: „А Святославъ мутенъ сонъ видѣ: въ Кіевѣ на горахъ си ночь съ вечера одѣвахьте мя, рече, чръною паполомою, на кровати тисовѣ". Этотъ сонъ русскаго князя напоминаетъ собою сны другихъ народныхъ героевъ. Въ Эддѣ, напримѣръ, Атли разказываетъ Гудрунѣ сны, которые безпокоятъ его. Съ своей стороны, Гудруна истолковываетъ Атли, что видѣть во снѣ желѣзо — значитъ огонь. Въ другихъ мѣстахъ Эдды имѣются слѣдующія толкованія сновъ: медвѣдя видѣть во снѣ—къ вѣтру и къ погодѣ; если приснится птица, влетающая въ домъ, — это означаетъ скорбь. Вой собакъ во снѣ предвѣщаетъ войну. Сонъ Кримгильды, въ пѣсни о Нибелунгахъ, предвѣщаетъ ей всю будущность, которая составляетъ главное содержаніе поэмы. Въ этомъ снѣ соколъ означаетъ юношу [2]). Сонъ и толкъ его были важны не у однихъ Славянъ и Германцевъ; оно составляло жизненный вопросъ у всѣхъ народовъ Востока и классической древности. Народъ Еврейскій нѣсколько разъ получалъ отъ Іеговы заповѣдь не вѣрить снамъ и снотолкователямъ. Греки и Римляне смотрѣли на сны, какъ на внушенія боговъ, которые чрезъ сны желали руководить достойными людьми древности. Мудрецы Греціи вѣрили въ сны сами и толковали ихъ другимъ. Платонъ разказываетъ о Сократѣ, какъ онъ видѣлъ во снѣ прекрасную женщину, которая дала знать философу о его смерти, имѣющей быть черезъ три дня. Сократъ повѣрилъ ему самъ и увѣрилъ въ истинномъ значеніи его Критона [3]). Сильная вѣра въ сны расплодила въ Греціи, особенно въ Аѳинахъ, толкователей сновъ, объ изобиліи которыхъ упоминаетъ Ѳукидидъ. Сонъ Римлянина имѣлъ нерѣдко большое вліяніе на ходъ

---

[1]) Стихи о Голубиной книгѣ.

[2]) *Полевой*. Опытъ сравнит. обозрѣн. древн. памятн. нар. поэзіи Герм. и Слав., II, стр. 27—28.

[3]) Cic. De divinatione. Lib. I, стр. XXV.

государственныхъ дѣлъ; дѣла эти начинались или прекращались, въ силу видѣнныхъ сновъ. Ко времени Цицерона эти вѣрованія дошли до крайности и вызвали обличенія со стороны мыслящихъ людей. Самъ Цицеронъ сильно издѣвается надъ тѣми, которые вѣрили въ сонъ, какъ въ божеское откровеніе. И однако, вѣрованія эти раздѣляли многіе знаменитые дѣятели римской исторіи.

Въ жизни народовъ новой Европы мы видимъ ту же сильную вѣру въ сны. Сны, принимаемые людьми темными спроста, объяснялись людьми учеными и изучались самымъ серьезнымъ образомъ. Прежде всего разсуждали о причинѣ сновъ. Съ этой стороны, ученые средне-вѣковые не согласны были съ древними философами, которые считали сны заявленіемъ воли боговъ; въ средніе вѣка сны объясняли вліяніемъ на человѣка небесныхъ свѣтилъ или воздуха. Авиценна, напримѣръ, объяснялъ сонъ вліяніемъ луны, которая въ извѣстное время дѣйствовала на фантазію спящихъ людей (dum dormiunt) [1]), Альбертъ Великій выводилъ различіе сновъ изъ разности человѣческихъ темпераментовъ, не исключая притомъ и небесныхъ причинъ. О различномъ значеніи сновъ Альбертъ говоритъ: одни сны означаютъ прибыль, другіе—убытокъ, одни — радость, другіе — скорбь, одни—болѣзнь, другіе—здоровье, войну, трудъ, покой и пр. Въ примѣръ снотолкованій своихъ онъ приводитъ слѣдующее: ловить во снѣ птицу значитъ—прибыль, потерять птицу — вредъ; плакать во снѣ значитъ — радость, смѣяться — скорбь, усиливаться бѣжать во снѣ и все-таки не убѣжать значитъ—встрѣтить препятствія на-яву и т. д. [2]), Объясняя различные сны различіемъ темпераментовъ, Альбертъ такъ говоритъ о снахъ холерика: холерикъ видитъ во снѣ горящій огонь, горячіе угодья, искры, печь, молніи, слышитъ громы, видитъ пламенное небо, воспламеняющіеся камни, споръ, битву, пораженіе, шумъ, жаръ и пр. Совершенно противоположнаго характера сны флегматика [3]). Такими толкованіями средневѣковыхъ ученыхъ наполнялись многочисленные книги и сборники, съ разными трактатами о толкованіи сновъ (De somniorum interpretatione). Симонъ Маіолъ приводитъ двухъ авторовъ подобныхъ книгъ — Далдеана и Артемидора. Оба они выдали свои сонники съ именемъ Авра-

[1]) Praedictiones Physicae. Dies Caniculares *Majoli*, p. 656.

[2]) Старинный рукоп. сборникъ сочиненій Альберта Великаго и Михаила Скота въ русскомъ переводѣ, глава 45.

[3]) Тамъ же, 47 и 48.

ама, ибо Авраамъ считался первымъ толкователемъ сновъ. Переходя изъ рукъ въ руки, сонники больше и больше разнообразились въ содержаніи своемъ: въ нихъ передавались самыя разнообразныя и нелѣпыя сновидѣнія съ замысловатыми толкованіями. Въ одномъ изъ подобныхъ сносудцевъ читаемъ: видѣть во снѣ мертвыхъ чистыми или въ бѣлыхъ одеждахъ считалось знакомъ хорошимъ, также хорошее означало — получить что-нибудь отъ нихъ. Если же кто увидитъ во снѣ мертвыхъ нагими или одѣтыми въ черныя одежды, или нечистыми, или—если мертвые сами будутъ брать что-нибудь и уносить изъ дома, — все это не хорошо, не къ благополучію, ибо означаетъ болѣзнь" [1]). Стремясь овладѣть медицинскимъ искусствомъ и особенно искусствомъ діагностики болѣзней, средневѣковые медики связывали иногда болѣзни человѣка съ сновидѣніями и по характеру послѣднихъ опредѣляли характеръ болѣзни. „Если кто", говоритъ медикъ и снотолкователь Разесъ (Rhases), — „увидитъ во снѣ, что онъ летаетъ, нападаетъ и хватаетъ, какъ хищная птица, — это означаетъ уменьшеніе сухости (въ тѣлѣ) и усиленіе влаги. Если кто видитъ, будто онъ проходитъ по садамъ, издающимъ хорошій запахъ, — это означаетъ равновѣсіе мокротъ, которыя не причастны гнилости", и т. п. [2]). Въ силу такихъ ученій совѣтовалось за объясненіемъ сновъ обращаться къ лѣкарямъ. Въ XV—XVI вѣкахъ, въ эпоху господства астрологическихъ вѣрованій, сонники толковали о вліяніи луны на сны человѣка. Отгадчики сновъ прежде всего обращали вниманіе на то, подъ какимъ зодіемъ была та ночь, въ которую снился сонъ. Эти наблюденія вносились потомъ въ календари и объяснялись людьми, посвященными въ календарныя тайны. Симонъ Маіолъ приводитъ календарную таблицу, въ которой указано, что означаетъ всякій сонъ соотвѣтственно знаку луны, подъ которымъ онъ видѣлся. Плакать, напримѣръ, во снѣ—значитъ ссору, подъ зодіемъ Овна; страхъ за друга, подъ Тельцомъ, — радостную надежду, подъ „Близнецами", далѣе смерть друга, смерть владѣтеля, приходъ вѣстника и пр. Всѣ указанныя разности въ значеніи сна обусловливались разностію планетъ, подъ которыми было сновидѣніе. Или слышать пѣніе во снѣ значило — узнать новость, имѣть дорогу, скорбь душевную и пр. Иногда же въ отвѣтѣ на сонъ стояла простая за-

[1]) *Majoli*, Dies caniculares,, p. 664.
[2]) Ibid., p. 665.

мѣтка „nihil“ или „somnus vanus“ [1]). Само собою понятно, что подобныя снотолкованія дѣлались не всѣми, а только знатоками астрологическихъ мудростей. Люди болѣе простые, хотя и не менѣе суевѣрные, отдѣлывались, по словамъ Маіола, общими выраженіями, по которымъ видно было, что значеніе сна имѣло обратный смыслъ относительно видѣннаго во снѣ. Плакать, напримѣръ, во снѣ, быть биту, удавлену, ограблену и пр. значило встрѣтить что-либо совершенно въ обратномъ видѣ, благополучномъ для того, кому снился сонъ, и на оборотъ. Смѣяться во снѣ, радоваться, пріятно бесѣдовать, быть подарену золотомъ, все это значило получить вредъ и изъянъ. Боязнь во снѣ означала приближеніе болѣзни [2]). Всѣ эти вѣрованія и толки заносились въ древности въ особыя тетради, коими небезкорыстно пользовались книжники, которые умѣли выдавать себя за снотолкователей. Масса охотно довѣрялась имъ, желая какъ-нибудь удовлетворить своей наклонности провѣдать во снѣ тайны будущаго. Невѣжество еще болѣе усиливало это естественное желаніе человѣка.

Не сомнѣваясь въ томъ, что вѣра въ сны и обычай толковать ихъ существовали на Руси въ самой глубокой древности, изслѣдователи старины однако не указали точно времени, когда явились у насъ сонники или сносудцы. По нашему мнѣнію, книги эти явились вмѣстѣ съ другими древнѣйшими произведеніями русской письменности. Онѣ, вѣроятно, имѣли въ старину большое число читателей и переписчиковъ, которые съ своей стороны оразнообразили содержаніе сонниковъ. Указать на то, какія изъ снотолкованій принадлежатъ спеціально Русскимъ, и какія заимствованы ими у другихъ народовъ—нѣтъ никакой возможности. Ясно одно, что вѣрованія въ сны, отреченныя нашею церковію, были распространены какъ въ жизни Русскаго народа, такъ и въ жизни другихъ народовъ древняго и новаго міра. Максимъ Грекъ написалъ нѣсколько обличительныхъ словъ „На общую прелесть мечтаемыхъ во снѣ соніихъ“. Впрочемъ, благочестивый инокъ не пускался въ подробныя обличенія, а просто излилъ свое негодованіе на сквернаго бѣса, какъ виновника сновидѣній. „Вскую“, говоритъ онъ, — „о злѣйшій и губительнѣйшій душамъ человѣческимъ враже и всяческа беззаконія обрѣтателю, мечтаніи нощными безпрестани смущаеши мя, иногда бо сѣтовными, иногда же паки радостными?.... Изчезни, скверне, изчезни отъ мене,

[1]) Таблица и приложеніе къ главѣ Praedictiones Physicae, стр. 664—665.

[2]) *Majoli*, Dies caniculares, p. 664.

вкупѣ съ своими ухищреніи" [1]). Максимъ высказалъ при этомъ, что скверный бѣсъ есть виновникъ и другихъ многихъ прелестей, увлекающихъ грѣшнаго человѣка: „Сѣмя беззаконія всякаго въ тебѣ есть, богомерскій, изъ тебе паки рожено бывше во своемъ естествѣ, и твое тщаніе всегда и изрядно дѣло сіе есть, како человѣчески душа всякимъ дѣломъ прельстити—звѣздами, вороженіи беззаконными, и летаніемъ птичнымъ, и облачными смотрѣніи...; ими же льстя души зломысленно безумныхъ вержеши въ сущая подъ землею пламенныя муки" [2]).

Прежде вѣрованій, указанныхъ Максимомъ Грекомъ, укажемъ на всякія другія „коби—еже есть—храмъ трещитъ, огнь бучитъ, песъ воетъ, мышей пискъ, мышь порты погрызетъ, кошка въ окнѣ, изгоритъ нѣчто, огнь пищитъ, искра изъ огня, конь, пчела... волкъ воетъ" и пр. [3]).

Трескъ въ какой-либо части дома имѣлъ въ глазахъ нашихъ предковъ вѣщее значеніе. Это вѣрованіе возникло въ ту отдаленную пору, когда очагъ домашній служилъ жертвенникомъ для домашнихъ боговъ, когда самая храмина была домашнимъ храмомъ. Присущіе ей боги иногда видимо заявляли о себѣ обитателямъ дома, и эти заявленія сопровождались, между прочимъ, трескомъ извѣстной части зданія. Между другими частями его самое важное значеніе имѣла матица или брусъ, поддерживающій потолочины. Зловѣщимъ дѣломъ было то, что брусъ или „кнесъ" совсѣмъ изчезалъ съ дома или переламывался. Въ мутный сонъ Святослава вошло, между прочимъ, и то, что уже дѣски были безъ кнѣса въ его теремѣ злотоверхомъ. Разсматриваемое вѣрованіе извѣстно было и у другихъ народовъ. У Грековъ и Римлянъ трескъ матицы или другой части дома считался также дѣломъ зловѣщимъ, грозившимъ неудачей. „Домъ для Римлянина", говоритъ Фюстель-Куланжъ,—„былъ то же, что для насъ храмъ Господень: стѣны, двери, порогъ—все это боги" [4]). Уваженіе Римлянина къ чудеснымъ примѣтамъ внутри дома было такъ сильно, что всякій неожиданный шумъ или трескъ въ стѣнахъ, даже въ сѣдалищѣ главы семейства или гадателя, могъ прекратить жертвоприношеніе и остановить наблюденія. Испуганный гадатель говорилъ обыч-

---

[1]) *Прав. Собесѣдникъ* 1861 г., мартъ, стр. 154.

[2]) *Прав. Собесѣдникъ* 1861 г., мартъ, стр. 155.

[3]) Памятн. Отр. Русск. Лит., изд. *Тихонравова*, I, VIII.

[4]) *Фюстель-Куланжъ*, Гражданскія общины античнаго міра, стр. 280.

ную фразу „до другаго дня" [1]). Шумъ и трескъ въ зданіяхъ общественныхъ, особенно во храмахъ, волновалъ весь народъ. Во время неудачныхъ войнъ всѣ робѣли, когда о подобномъ явленіи разносилась молва [2]). Повѣрье „храмъ трещитъ" было сильно распространено и въ жизни народовъ западной Европы. Симонъ Маіолъ говоритъ: многіе вѣрятъ, что, если заскрипитъ матица (tignum), или затрещатъ столы и брусья,—страшное что-нибудь должно совершиться [3]). Трескъ въ домѣ до сихъ поръ извѣстенъ у Нѣмцевъ, какъ зловѣщая примѣта (das Krachen der Bretter oder Balken). Подъ русскимъ суевѣріемъ „храмъ трещитъ" также слѣдуетъ разумѣть трескъ на извѣстныхъ частяхъ дома, особенно на брусьяхъ и матицѣ. Суевѣріе это указано въ ряду другихъ суевѣрій XVII вѣка, указанныхъ въ сборникѣ Румянцевскаго музея. Тамъ говорится: „изба хреститъ" [4]).

Самыми важными и наиболѣе распространенными суевѣріями въ древней Руси были вѣрованія въ явленія, которыя замѣчались на огнѣ. Изъ нихъ ясно видно, что стихія эта имѣла когда-то божеское значеніе. Огнепоклоненіе, общее всѣмъ народамъ индійской семьи, было извѣстно въ древности и у насъ. Классическимъ мѣстомъ въ доказательство этого служитъ извѣстное Слово Христолюбца. Онъ говоритъ: „и огневи молятся, зовутъ его Сварожичемъ"; или: „и огневи молятся подъ овиномъ". О томъ же говоритъ и другой древній проповѣдникъ: „Безумніи человѣцы осуетишася умы своими и не познаша твари Божія истиннымъ разумомъ, понеже вѣруютъ волхвованію и еретическому обычаю и нечестію и прилагаютъ вѣру къ бездушному и къ безсловесному огню... Подобаетъ же намъ, братіе, своею истиною и съ горящею любовію Божія помощи къ себѣ искати во всякихъ дѣлехъ, нежели безсловесному и бездушному огню вѣровати" [5]). Апокрифическія сказанія толковали объ огнѣ, какъ о стихіи божественной. Въ одномъ изъ варіантовъ бесѣдъ трехъ святителей говорится: „Григорій рече: протолкуй мнѣ Троицу.—Иванъ рече: въ тѣхъ комарехъ—Отецъ и Сынъ и Св. Духъ—свѣтъ есть, а другій свѣтъ огнь есть.—Василій рече: отъ чего суть ангелы сотворены?—Григорій рече: отъ духа Господня и отъ свѣта и отъ огня" [6]).

[1]) *Hermann Göll*, p. 184.
[2]) T. Livii, lib. XXVIII, c. XI.
[3]) Vaticinia. Majoli, Dies Canicul., p. 571.
[4]) Опис. Рум. Муз., стр. 551.
[5]) *Лѣтопись Русск. Лит. и Древности*, т. V, 102.
[6]) *Прав. Собесѣдн.* 1861 г., мартъ, стр. 252.

Съ распространеніемъ на Руси христіанства долженъ былъ искорениться изъ жизни народа культъ огнепоклоненія. „Уже не нарекутся богомъ стихія, ни солнце, ни огнь", говорилъ Кириллъ Туровскій. Но не смотря на это, взглядъ на огонь, какъ на веществс священное, долго держался въ вѣрованіяхъ народа. Вѣрованія эти принадлежали не одному Русскому народу, но и другимъ Славянамъ: У Поляковъ, Сербовъ, Чеховъ, Хорутанъ и Лужичанъ сохранились обычаи огнепочитанія, не утратившіе своего значенія до сихъ поръ. Огонь, какъ первозданная стихія, какъ обиталище божественнаго духа, какъ само божество, будучи предметомъ поклоненія, служилъ для совершенія таинствъ очищенія и гаданія. Ему молились на очагѣ, подъ овиномъ, у костра; ему приносили жертвы. Его брали судьею при рѣшеніи дѣлъ, не ясныхъ для человѣка. Служеніе огню совершалось въ важнѣйшіе годовые праздники, каковы Коляда и Купало; ему посвящали особый день въ недѣлѣ, четвергъ, и служеніе ему предоставлялось дѣвамъ [1]) .Послѣднее условіе указывало на то, что чистой и священной стихіи могли служить существа только чистыя, непричастныя плотской грѣховности. Это условіе еще строже соблюдалось древними Греками и Римлянами. У Грековъ запрещалось даже подходить къ домашнему очагу послѣ половаго совокупленія супруговъ [2]). Въ домѣ Грека и Римлянина непремѣнно былъ алтарь, а на алтарѣ всегда—немного золы и горячихъ угольевъ. Священною обязанностью всякаго хозяина было поддерживать огонь во весь день и во всю ночь. Горе тому дому, гдѣ огонь потухалъ [3]). „Конечно", замѣчаетъ еще Фюстель-Куланжъ, „ни Греки не заняли этой религіи у Индусовъ, ни Индусы у нихъ. Но Греки, Италійцы и Индусы принадлежали къ одному племени; предки ихъ въ давнюю пору жили вмѣстѣ въ серединной Азіи. Тамъ впервые возникли у нихъ эти вѣрованія и установились эти обряды". Въ дополненіе къ этимъ словамъ историка можно сказать, что и Славяне вообще, и Русскіе въ частности, не заняли огнепочитанія у Грековъ, Италійцевъ и Индусовъ; оно было самостоятельною чертой ихъ религіознаго культа, основныя начала которому положены въ доисторическую эпоху жизни нашихъ предковъ, когда они не выдѣлялись еще изъ общей семьи человѣчества.

---

[1]) *Срезневскій,* Святилища и обряды языч. богосл. древн. Слав., стр. 28—29.
[2]) Дѣла и дни, Гезіода, ст. 731 и слѣд.
[3]) *Фюстель-Куланжъ,* стр. 23.

Почитаніе домашняго очага не могло, разумѣется, уцѣлѣть въ жизни нашихъ предковъ, какъ скоро они приняли христіанство; но память объ этомъ вѣрованіи до сихъ поръ живетъ въ извѣстномъ обычаѣ, который исполняютъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ при встрѣчѣ и проводахъ домоваго изъ стараго въ новый домъ. Близко также стоятъ къ древнему языческому огнепочитанію различные обычаи и обряды надъ огнемъ во время нѣкоторыхъ народныхъ праздниковъ. Гораздо дальше отъ первоначальной формы огнепочитанія отошли тѣ отреченныя вѣрованія нашихъ предковъ, которыя замѣчены въ индексахъ. Выраженія „огнь бучитъ, свѣща угаснетъ, искра отъ огня, огнь пищитъ“ и др. утратили первоначальный смыслъ; ими опредѣляются все-таки извѣстныя явленія или перемѣны, замѣчаемыя на огнѣ. Перемѣны эти дѣлались потомъ примѣтами относительно тѣхъ или другихъ сторонъ практической дѣятельности. Тѣмъ сильнѣе и живучѣе были примѣты, чѣмъ чаще и вѣрнѣе, по замѣчанію наблюдателей, онѣ оправдывались въ дѣйствительности. Многія изъ примѣтъ этого рода касались перемѣнъ въ атмосферѣ. „Огнь бучитъ“, говорили предки наши, „и искра прянетъ, и дымъ высоко въ избѣ ходитъ — къ погодію“ [1]). Всѣ подобныя вѣрованія были въ ходу и на западѣ. Тамъ извѣстны были народные обычаи огнепочитанія, которые общи всѣмъ народамъ славянскимъ. На этотъ разъ нельзя довольствоваться мнѣніемъ тѣхъ ученыхъ, которые обычаи огнепочитанія приписываютъ только Славянамъ. Разумѣемъ здѣсь обычаи огневозжиганія въ полѣ въ праздники Коляды и Купала, при чемъ у многихъ народовъ Славянскихъ происходятъ перескакиванья чрезъ огонь и жертвоприношенія. Обычаи эти долго держались и у народовъ запада. На западѣ, по замѣчанію епископа Маіола, также было въ обычаѣ наблюдать за пламенемъ, и по различной формѣ или виду его дѣлать различныя заключенія: если, напримѣръ, пламя факеловъ сливалось во едино, это означало благополучіе; если-жь оно показывалось въ раздѣльности, значило несчастіе; пламя, разнообразно дробившееся, предвѣщало больному смерть, здоровому — болѣзнь; пламя съ трескомъ значило несчастіе, внезапно потухшее — великую опасность и т. д. [2]). Изъ сказаннаго видно, какъ поразительно сходство между вѣрованіями западными и русскими, которыя указаны въ индексахъ отреченныхъ вѣрованій: „свѣща угаснетъ,

---

[1]) Описаніе Рум. Муз., 551.

[2]) Dies Caniculares *Majoli*, p. 540.

искра изъ огня прянетъ, огнь бучитъ и др." [1]); только составители нашихъ индексовъ слишкомъ голословно записали народныя вѣрованія, ничего не сказавъ о значеніи ихъ.

Въ ряду другихъ вѣрованій древне-русскаго человѣка очень видное мѣсто занимаютъ тѣ, которыя связаны съ воззрѣніями на животныхъ. Между животными различаются домашнія, прирученныя человѣкомъ, или по самой природѣ своей, живущія при жилищахъ человѣка, какова мышь, и дикія, то-есть, звѣри. Изъ насѣкомыхъ указаны пчелы. Въ основаніи этихъ вѣрованій лежитъ, безъ сомнѣнія, древнѣйшій культъ обоготворенія животныхъ. На таинственную связь между богами и животными указываютъ извѣстныя у всѣхъ народовъ сказанія о миѳическихъ герояхъ, полубогахъ, вѣщихъ богатыряхъ, которые принимали, въ случаѣ надобности, образы звѣрей. Таковъ въ нашей поэзіи Волхвъ Всеславичъ. Народныя преданія объ этихъ личностяхъ даютъ потомъ рядъ различныхъ сказаній и ученій, которыя у насъ названы чародѣйствомъ. Отреченная книга о нихъ называется Чаровникъ: „въ нихъ же суть 12 главизнъ стихи опромѣтныхъ лицъ звѣриныхъ и птичіихъ, еже есть сіе: тѣло свое мертво хранитъ; летаетъ орломъ, ястребомъ, ворономъ, дятломъ, совою, рыщутъ рысію, лютымъ звѣремъ, звѣремъ дикимъ, медвѣдемъ, летаютъ зміемъ" [2]). Для насъ важно указать на то, что животныя и звѣри, окруженные вѣрованіями нашихъ предковъ, пользовались таинственно-религіознымъ значеніемъ и у другихъ народовъ древняго и новаго міра. Во всѣхъ случаяхъ жизни, выходящихъ изъ ряда обыкновенныхъ, непостижимыхъ для простаго ума, животное или звѣрь наводили на разгадку тайны. Сами они или ихъ дѣйствія принимались за средство предузнать тотъ или другой исходъ темнаго дѣла или объяснить себѣ недовѣдомыя явленія природы. „Волки воютъ и бѣлки скачутъ... И вода пребудетъ и плодовъ въ лѣтѣ въ коемъ не будетъ, или умножится... Мышь въ живѣ высоко гнѣздо совіетъ—и снѣгъ велико будетъ и погода будетъ" [3]). Этими словами указано провѣщательное значеніе мыши; въ другихъ перечняхъ отреченныхъ вѣрованій нѣтъ подобныхъ объясненій.

Обращаясь къ суевѣріямъ, обозначеннымъ словами: „мышей пискъ", „мышь порты погрызетъ", прежде всего замѣтимъ, что мышь

---

[1]) Индексъ вѣрованій, указ. въ Кирилловой книгѣ.

[2]) *Тихонравовъ*, Пам. Отр. Лит., т. I, IX.

[3]) Опис. Рум. Муз., стр. 551.

имѣла священное, вѣщее значеніе еще у Индійцевъ и Египтянъ. Мышь, говоритъ историкъ Индіи, была чтима въ городѣ Атрибѣ, будто потому, что глаза ея глубоко лежали въ головѣ, и она казалась слѣпою, подобно кроту [1]). Египтяне также благоговѣли предъ священною мышью. Для похоронъ они переносили ее въ городъ Бутъ [2]). Въ жизни Грековъ и Римлянъ жило долгое время вѣрованіе въ таинственное значеніе мыши. Грызеніе мыши, замѣченное во время греческихъ гаданій, заставляло гадателя немедленно прекращать свои дѣйствія. У Римлянъ не только платье, изъѣденное мышами, но и всякій другой предметъ, тронутый и подточенный ими, наводили страхъ на самаго храбраго человѣка. Во время общественныхъ неурядицъ и злополучныхъ войнъ обращали, между прочимъ вниманіе на изъѣденныя мышами вещи, какъ на предзнаменованіе самое зловѣщее. Во время Пуническихъ войнъ, по свидѣтельству Т. Ливія, между другими зловѣщими слухами изъ провинцій разнесся слухъ о томъ, что въ Кумахъ мыши источили золото въ храмѣ Юпитера [3]). Впослѣдствіи, стали различать мышь домашнюю (mus) отъ мыши полевой, дикой (sorex). Боялись, когда первая изъѣдала или подтачивала что-нибудь изъ домашнихъ вещей, мышь же полевая особенно страшна была, когда изгрызала платье [4]). Суевѣрный страхъ предъ мышью, что-нибудь испортившею, еще болѣе усилился подъ вліяніемъ средневѣковыхъ религіозныхъ легендъ о томъ, какъ и за что̀ были съѣдены мышами грѣшные люди. Къ числу подобныхъ произведеній относится извѣстная легенда объ епископѣ Гаттонѣ. Христіанскій историкъ Кассіодоръ разказываетъ о томъ, какъ нѣкогда святѣйшіе мужи и христіанскіе мученики были преданы мучителемъ на съѣденіе мышамъ.

На развитіе и укрѣпленіе русскаго суевѣрія относительно мышей должна была повліять между прочимъ и христіанская письменность. Блюстители церковной дисциплины смотрѣли на это животное, какъ на самое нечистое и сквернящее человѣка. Въ требникахъ имѣются очистительныя молитвы на различные случаи, когда мышь, живая или мертвая, попадетъ въ жизненные припасы, въ посуду или въ воду. Въ древнихъ отреченныхъ тетрадяхъ, въ худыхъ номоканун-

---

[1]) *Bohlen*, p. 188.

[2]) *Göll*, 190.

[3]) T. Livii. lib. XXVII, c. XXIII.

[4]) Majoli, p. 571.

цахъ этотъ взглядъ на мышь изложенъ съ нѣкоторыми подробностями: „Аще калочетъ или впадетъ... жаба или мышь", говоритъ правило", молитва сътворити, а мышь или съгніетъ и разыдеться гноемъ, то не ясть", или еще: „Аще мышь или ино что скверно впадетъ въ яденье, а вкуситъ невѣдый, нѣсть за то епитемьи; аще въ кладязь впадетъ мышь, да выльютъ 40 ведеръ и молитву сътворятъ и покрдпятъ святою водою" [1]). Такимъ образомъ, и здѣсь церковно-христіанскія воззрѣнія близко подошли къ древнѣйшимъ народнымъ вѣрованіямъ, общимъ съ вѣрованіями другихъ народовъ Индо-европейской семьи.

Изъ домашнихъ животныхъ, близкихъ къ человѣку, издавна прирученныхъ имъ, кошка окружена таинственными вѣрованіями. „Кошка въ окнѣ", „кошка мяукаетъ", замѣчаютъ индексы отреченныхъ вѣрованій. Изъ такихъ краткихъ указаній нельзя видѣть того, какія вѣрованія соединяемы были съ мяуканіемъ кошки. Несомнѣнно, что кошка чаще всего предуказывала что-либо неблагопріятное. Одно появленіе черной кошки въ домъ считалось, по народному вѣрованію, дѣломъ зловѣщимъ. Начало суевѣрному воззрѣнію на кошку лежитъ въ древнѣйшихъ вѣрованіяхъ Индіи и Египта. Съ теченіемъ времени вѣрованіе это принимало разнообразныя формы, по различію наблюдаемыхъ случаевъ изъ жизни кошки. По законамъ Ведъ, кошка, вмѣстѣ съ ихневмономъ, считалась животнымъ неприкосновеннымъ. За намѣренное умерщвленіе ея налагалось строгое наказаніе [2]). Религіозное почтеніе къ этому животному еще болѣе усилилось въ Египтѣ. Тамъ кошка, послѣ смерти ея, переносилась въ священныя мѣста города Бубаста, гдѣ, набальзамированная, была похороняема [3]). Эти вѣрованія отдаленной эпохи, утративъ свое прежнее значеніе, удержались въ жизни всѣхъ народовъ Европы, въ формѣ вѣщихъ примѣтъ, какія указывались кошкой. Больше всего имѣло значенія разнообразное мяуканье ея. Средневѣковые ученые, каковъ Альбертъ Великій и др., разсуждая о вѣщихъ животныхъ, ставили въ рядъ ихъ и кошку. Особенно страшна казалась кошка черная, чужая. Подъ вліяніемъ подобнаго страха предъ кошкой, легко могли образоваться тѣ примѣты, которыя въ индексахъ называются выраженіями: „кошка мяукаетъ" или „кошка въ окнѣ". Церковь христіанская, осуждая

---

¹) *Тихонравовъ*, Пам. Отр. Литер., II, стр. 298—299.

²) *Bohlen*, p. 189.

³) *Göll*, p. 190.

волхвующихъ всякими коби, осуждала, безъ сомнѣнія, и повѣрья относительно кошки.

Другая кобь относительно домашнихъ животныхъ высказана въ слѣдующихъ словахъ: „песъ воетъ". По индексу русскихъ суевѣрій XVII вѣка, это вѣрованіе формулировано такъ: „пса слушаютъ" [1]). Древне-индійская религія чтила собаку на ряду съ другими священными животными. Это почитаніе повліяло на послѣдующій суевѣрный взглядъ на собаку. Въ христіанскую эпоху взглядъ этотъ усиливался апокрифическими сказаніями о виновности пса въ грѣхопаденіи человѣка, о наказаніи, наложенномъ самимъ Богомъ на это поганое животное. Помимо всего сказаннаго, есть основаніе думать, что на суевѣріе касательно пса имѣли вліяніе самыя свойства собачьихъ инстинктовъ. Благодаря тонкости этихъ инстинктовъ, собачья служба человѣку издавна отличалась замѣчательными чертами, удивлявшими человѣка. Плиній, указавъ нѣсколько случаевъ собачьей вѣрности и сметливости, называетъ собаку животнымъ самымъ вѣрнымъ (fidelissimum), и только лошадь, по его мнѣнію, достойна стать рядомъ съ собакой [2]). Можетъ-быть, тонкость собачьяго чутья была причиною того, что вой собакъ всею древностію считался предвѣстіемъ политическихъ неурядицъ, кровавыхъ битвъ и гибели многихъ на войнѣ. Изъ римскихъ историковъ и поэтовъ видно, какой страхъ наводилъ на жителей ночной вой собакъ, особенно во время неудачныхъ войнъ и гражданскихъ мятежей [3]). Римлянинъ умѣлъ понимать всякій лай и вой собаки, умѣлъ узнавать по немъ вора, наступающую бурю, пожаръ и другія явленія. Эти примѣты были такъ популярны, что метафорически переносились на извѣстные случаи или черты человѣческой дѣятельности. Цицеронъ на оскорбительный вопросъ Октавія отвѣтилъ сравненіемъ себя, какъ смѣлаго и честнаго оратора, съ собакой, которая лаетъ при видѣ вора, а воромъ обозвалъ онъ врага республики. Средневѣковые западные писатели не щадятъ своего краснорѣчія для достойнаго описанія собачьихъ доблестей. Изъ этихъ описаній видно, какъ слагался въ практикѣ рядъ тѣхъ наблюденій, которымъ вѣрили и до сихъ поръ вѣрятъ читатели бестіаріевъ. Древній пастушескій бытъ нашихъ предковъ не могъ не

---

[1]) Опис. Рум. Муз., 551.

[2]) Historiæ Naturalis, lib. VIII, c. 40.

[3]) Dion. Cassii—Historia Rom. Vol. I, lib. XL, cap. XX. Ovid. Nas. Metamorphoseon, t. II, s. 796.

привести и ихъ къ практическому знакомству съ полезностію и тонкостію собачьяго чутья. Практика породила примѣты. Больше всего наблюдали за воемъ собаки. Вѣщее значеніе собаки было причиною того, что животное это играло важную роль и въ гаданіяхъ. Собаку, которая пробѣгала между гуляющими, били изъ боязни поссориться между собою, благодаря этой собакѣ. Въ русскихъ повѣрьяхъ подобное значеніе имѣетъ черная кошка. Въ малонаселенныхъ пространствахъ Русской земли, изобиловавшихъ дикими звѣрями и гулящими людьми, необходимо было держать при всякомъ дворѣ собакъ. Большими стаями бродили онѣ по деревнямъ и городамъ. Изобиліе ихъ, дикій вой и лай приводили въ изумленіе чужестранцевъ, посѣщавшихъ Россію. Понятно, что русскій человѣкъ, прислушиваясь къ собачьему вою, привыкъ находить въ немъ нѣчто зловѣщее. Онъ боится его до сихъ поръ.

Подобно собакѣ, воющій волкъ наводилъ иногда раздумье на древне-русскаго человѣка, и онъ вѣрилъ въ зловѣщее значеніе этого воя. Индексы отреченныхъ вѣрованій отметаютъ вѣру въ волчій вой такъ же, какъ и прочія различныя волхвованія. „Волкъ воетъ"—это значило еще у древнихъ Римлянъ приближеніе великой бѣды. Среди множества страшныхъ явленій во время междоусобной войны въ Римѣ (705 г) народъ съ ужасомъ замѣчалъ, что въ городѣ показывалось много волковъ и шакаловъ [1]). И въ походъ Красса на Пареянъ шакалы и волки являлись повсюду [2]). Лѣтописцы и поэты всѣхъ временъ и народовъ часто замѣчали, какъ волки, съ страшнымъ воемъ, сопровождали въ походѣ воиновъ, заставляя тѣмъ страшиться злополучнаго исхода войны. „Свистъ звѣринъ въ стасби; подобію волцы грозу всрожатъ по яругамъ....", съ чувствомъ грусти говоритъ пѣвецъ „Слова о Полку Игоревѣ". Подобныя примѣты указаны въ поэтическихъ памятникахъ и другихъ народовъ. Въ Эддѣ, напримѣръ, разсказывается, что волки, слѣдующіе за войскомъ предвѣщаютъ, по словамъ Хникара, благопріятный исходъ битвы. Кажется, что вой волковъ считался зловѣщею примѣтой вездѣ, гдѣ водились эти звѣри. Суевѣрный взглядъ на волка сложился, по всей вѣроятности, вслѣдствіе того, что, по своимъ плотояднымъ инстинктамъ, онъ чутокъ къ мертвому тѣлу. Вой волка въ военную пору ужасалъ поэтому возможнымъ изобиліемъ человѣческихъ труповъ на полѣ битвы. „Волки

[1]) Dion. Cas. Hist. Rom. vol. II, lib. XII, c. 14.
[2]) Dion. Cas. Hist. Rom. vol. I, lib. XI., c. 17.

воютъ и бѣлки скачутъ — моръ будетъ и война востанетъ" [1]). Изъ этихъ словъ видно, что вой волковъ страшенъ былъ также и въ годину болѣзней. Напуганное воображеніе жителей рисовало страшный образъ смерти, какъ скоро слышны были завыванія голоднаго волка.

Изъ животныхъ домашнихъ, кромѣ кошки и собаки, лошадь служила также предметомъ различныхъ вѣрованій. „Конь ржетъ", замѣчаютъ отреченныя книги. Близко связанный съ человѣкомъ въ его поѣздкахъ и подвигахъ, часто трудныхъ и опасныхъ, конь дѣлилъ съ нимъ и геройскую славу. Поэтому почти всѣ сказанія объ эпическихъ герояхъ, рисуя величіе самого героя, упоминаютъ и о конѣ его. Богатырскій конь былъ вѣрнымъ товарищемъ героя, понималъ радость и горе своего всадника, бросался съ нимъ во всѣ опасности, дѣлилъ смерть, или по сказаніямъ, оплакивалъ смерть героя, если самъ оставался живымъ. Гудруна, просыпающаяся на окровавленномъ ложѣ своего супруга, ломаетъ руки и испускаетъ жалобные вопли, которымъ вторятъ кони въ стойлахъ. Вѣрный конь Сигурда, Грани, уныло склоняетъ голову надъ его трупомъ, когда Гудруна, со слезами на глазахъ, распрашиваетъ у него объ участи господина [2]). Въ славянской эпической поэзіи упоминаются также чудесные кони. Въ дохристіанскую эпоху чествованіе коней было знакомо Славянамъ; извѣстны также преданія славянскаго эпоса о виноватомъ или вѣщемъ конѣ Момчилѣ, о Сивкѣ-Буркѣ Вѣщей-Коуркѣ и пр. [3]). Чудесный взглядъ на коня высказался и въ такихъ сказаніяхъ народной фантазіи, которыя слагались въ христіанскую эпоху. Таково сказаніе о Меркуріѣ Смоленскомъ. Конь, ожидавшій Меркурія при выходѣ изъ церкви, былъ необыкновенный. Обезглавленный Меркурій привелъ этого коня съ битвы въ городъ, гдѣ онъ сталъ невидимъ. Этотъ прехрабрый конь чудесно былъ посланъ Меркурію пречистою госпожею Богородицей. Коню изстари приписывалось вѣрное чутье близкой битвы или пораженія. Ржаніе коня всегда считалось голосомъ вѣщимъ, который особенно устрашалъ самого хозяина коня. Еще Плиній замѣтилъ о смышлености коней, что ingenia eorum inenarrabilia [4]). Между прочимъ онъ говоритъ, что кони предчувствуютъ [illegible]

[1]) Опис. Рум. Муз., 552.
[2]) *Полевой*, Пам. народн. поэзіи, стр. 28.
[3]) *Тихонравовъ*, Лѣт. Русской лит. II, 38.
[4]) Plin. Sec. Hist. Nat. lib. VIII, 117 p.

битву и оплакиваютъ потерянныхъ владѣтелей своихъ, иногда отъ жалости проливаютъ слезы. Особенно знаменательно было ржаніе коня. Оно, по общему вѣрованію всѣхъ народовъ запада, вѣщало о приближающейся войнѣ или битвѣ.

Въ древне-русской письменности мало указаній на то, какъ и когда выражалась вѣра нашихъ предковъ въ ржаніе коня. Но несомнѣнно, эта вѣра существовала. Пѣвецъ Слова о Полку Игоревѣ, между другими знаменательными чертами воинственныхъ сборовъ князей на бой съ Половцами, указываетъ и на ржаніе коня: „кони ржутъ за Сулою...“ Что и въ другихъ отношеніяхъ конь былъ предметомъ суевѣрныхъ вѣрованій Русскаго народа въ глубокой древности, на это указалъ въ XI вѣкѣ св. Ѳеодосій. Онъ осудилъ въ проповѣди своей, какъ народный предразсудокъ, вѣру во встрѣчу съ лысымъ конемъ.

Были въ древней Руси темныя вѣрованія относительно пчелъ и рыбы. По индексу отреченныхъ книгъ и вѣрованій, изд. Тихонравовымъ, указаны одни названія ихъ „пчела“, „рыбы“. Въ другихъ же спискахъ, напримѣръ, въ Кирилловой книгѣ, говорится полнѣе: „пчела поетъ“, „рыба вострепещетъ“. Какое значеніе приписывали трепетанію рыбы — трудно понять. Ничего не говоритъ объ этомъ письменность русская и иностранная. О пчелахъ въ спискѣ русскихъ повѣрій XVII вѣка замѣчено, что пчела шумитъ—рой будетъ [1]. Вѣщій взглядъ нашихъ предковъ на пчелу, особенно на рой пчелъ, имѣетъ много общаго со взглядомъ другихъ народовъ. Медъ пчелы считался у Римлянъ веществомъ чудеснымъ—то цѣлительнымъ, то ядовитымъ. Объ этихъ свойствахъ меда разказываетъ Плиній. Между прочимъ онъ говоритъ, что медъ былъ лучшимъ лѣкарствомъ отъ болѣзней селезенки [2]. И наши предки не безъ причины считали медъ веществомъ, годнымъ на различныя чары и ворожбу вмѣстѣ съ солью, мышьякомъ, млекомъ женскимъ или скотскимъ [3]. О пчелѣ слагались иногда чудесныя сказанія; еще Римляне придавали полету пчелъ вѣщее значеніе. „Пчелы“, говоритъ Плиній, „дѣлаютъ предзнаменованія публичныя и частныя; когда рой ихъ привьется къ дому или храму, это очень часто служитъ указаніемъ на великія событія. Сѣли онѣ“, продолжаетъ историкъ, „на уста младенца Платона и указали тѣмъ на пріятность

---

[1]) Опис. Рум. Муз., 552.

[2]) Hist. Natur. lib XXI, c. 13.

[3]) Опис. Рум. Муз., 551.

его сладкой рѣчи; сѣли на лагерь полковъ Друза, когда онъ счастливо воевалъ при Арбалонѣ; напрасно гадатели постоянно толкуютъ, что подобные случаи имѣютъ дурное предзнаменованіе" [1]). Суевѣрный взглядъ на пчелъ и на медъ ихъ извѣстенъ былъ потомъ въ жизни новыхъ народовъ Европы. Епископъ Маіолъ говоритъ, что пролить медъ значило у современниковъ его получить насчастіе [2]). Христіанство не уничтожило разсматриваемаго суевѣрія. Сами христіанскіе писатели указывали на пчелъ, летавшихъ надъ дѣтьми и садившихся на нихъ, какъ на чудесный символъ будущей ихъ мудрости.. Такъ, объ Амвросіѣ Медіоланскомъ разказываютъ, что въ дѣтство святаго на лице его сѣлъ рой пчелъ, и это приняли за предзнаменованіе дивнаго краснорѣчія этого мужа. Біографъ приравнялъ указанный случай къ подобному случаю изъ жизни Сампсона, полной чудеснаго. Многіе изъ нашихъ древнихъ грамотниковъ, падкіе на чудесные разказы, вписывали въ сборники свои чудесныя повѣсти о пчелахъ. Повѣсти эти апокрифическаго характера очень были любимы въ старину. Приводимъ одну изъ нихъ. Одна жена чародѣйствовала святыми дарами надъ пчелами, положивъ въ улей пречистое тѣло, которое „не поглонувъ удержа въ устѣхъ. Пчелы, создателя своего познавши, отъ бѣлыхъ и сладкихъ своихъ сотовъ пресладкому гостю теремецъ удивительный сотвориша, стѣны, окна чудныя, всходъ кровъ, а на верху крестъ, такожде и звонницу и все въ подобіе церкви, и посреди терема престолъ тоя же вещи воздаша и пречистое тѣло Господа своего на немъ положиша. Жена та сказала іерею. Онъ съ люди своя пріиде къ улію и узрѣша пчелы окрестъ чинно летающихъ, неизреченно сладко поющихъ Создателю своему... О елико", заключаетъ книжникъ, „дивенъ Богъ во святыхъ своихъ! Дивнѣйши же въ малѣй сей твари своей показася" [3]). Не удивительно, что вліяніемъ подобныхъ чудныхъ повѣстей, суевѣрный взглядъ нашихъ предковъ на пчелъ привелъ къ различнымъ суевѣрнымъ примѣтамъ. Церковные учители знали и отрекли эти примѣты.

Отреченныя вѣрованія или коби волхвователей простирались, кромѣ звѣрей, еще на нѣкоторыхъ птицъ. Прежде всего сильна была вѣра въ оборотничество въ птицъ: „летаетъ орломъ, ястребомъ, ворономъ, дятломъ, совою". Всѣ эти птицы имѣли для человѣка вѣ-

[1]) Hist. Natur. lib XI, p. 287.
[2]) Dies Coniculares, 571.
[3]) Сборникъ Сол. библіот. № 240, стр. 56.

щее значеніе. Въ индексахъ вѣрованій указаны еще—куроклинъ, сорока пощекочетъ, дятелъ" [1]). Изъ другихъ зловѣщихъ птицъ особенно важенъ былъ воронъ, какъ вѣстникъ несчастій и смерти. Въ древне-русской письменности, особенно поэтической, много указаній на вѣщее значеніе грая птицъ. Довольно указать на Слово о Полку Игоревѣ. Въ самомъ началѣ дѣла птицы вѣщаютъ Игорю ожидающія его неудачи. „Игорь къ Дону вои ведетъ: уже бо бѣды его пасеть птицъ... орли клектомъ на кости звѣри зовутъ". Птицы сочувствуютъ потомъ радостному бѣгству Игоря изъ плѣна. Онѣ смолкаютъ и не смѣютъ подать голоса, когда ханы идутъ слѣдомъ за Игоремъ. „Тогда врани не граахуть, галици помолкоша, сороки не троскоташа, полозію ползоша только, дятлове тектомъ путь къ рѣкѣ кажутъ; соловіи веселыми пѣсьми свѣтъ повѣдаютъ". Въ этихъ словахъ пѣвца указаны почти всѣ птицы, составляющія птичникъ различныхъ птицъ по индексу отреченныхъ вѣрованій. Эпическія пѣсни другихъ народовъ богаты также образами, въ которыхъ птицы указываютъ на радостный или печальный результатъ человѣческой дѣятельности.

[1]) Пам. Отр. Литер., I, IX.

Ѳ. Керенскій.

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

МАЙ

1874.

ЧЕТВЕРТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ CLXXIII.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева, Большая Садовая, д. № 49—2.
1874.

СОДЕРЖАНІЕ.

 (См. на 3-й стр. обёртки.)

ДРЕВНЕ-РУССКІЯ ОТРЕЧЕННЫЯ ВѢРОВАНІЯ И КАЛЕНДАРЬ БРЮСА [1].

IV.

Обращаясь къ отреченнымъ вѣрованіямъ нашихъ предковъ касательно различія во времени, необходимо прежде всего различать въ нихъ вѣрованія древнѣйшія отъ новыхъ, тѣсно связанныхъ съ ученіемъ календарнымъ. Индексы книгъ ложныхъ различаютъ эти вѣрованія, хотя не уясняютъ вполнѣ причинъ различія. Къ болѣе поздней порѣ народной жизни относится вѣра въ дни и часы, „въ нихъ же безумніе людіе волхвуютъ, ищуще дней рожденій своихъ, сановъ полученія, бѣдныхъ напастей, различныхъ смертей, вазней въ службахъ и ремяслехъ" [2]). Исканіе дней и часовъ съ указанными цѣлями сложилось потомъ въ стройную систему календарныхъ ученій, которыя развились подъ вліяніемъ астрологіи. Поэтому многія изъ вѣрованій поздняго времени представляются смѣлыми догадками астрологовъ, которые уходили отъ прежнихъ народныхъ вѣрованій въ область фантазіи. Но еще задолго до астрологическихъ ученій пытливость человѣка удовлетворялась практическими примѣтами. Эти примѣты были тѣмъ сильнѣе и живучѣе, чѣмъ крупнѣе и извѣстнѣе были факты, имѣвшіе вліяніе на жизнь человѣка и цѣлаго народа. Факты для наблюденія давала жизнь семейная, также дѣятельность по земледѣлію, мореплаванію, промысламъ и особенно народныя войны. Съ другой стороны, вліяніе на счастливый или несчастный исходъ ихъ предполагалось зависящимъ отъ боговъ, управлявшихъ природой и человѣкомъ. „Убѣгайте", говоритъ Гезіодъ, „мѣсяца Линеоса; убѣгайте злыхъ дней, которые проникаютъ кожу

[1]) *Окончаніе*. См. *Журн. Мин. Народ. Просв.* мартъ и апрѣль 1874 года.

[2] Памятники отреченной литературы, I, IX.

воловъ; убѣгайте сего мѣсяца, убѣгайте и льдовъ. Сіи льды, когда Борей дышетъ на землю, бываютъ гибельны" [1]). Указавъ на значеніе дней, въ которые сильно дѣйствуетъ Борей, Гезіодъ даетъ практическіе совѣты, выполнять которые заставляютъ каждаго самыя явленія природы. „Въ сіе время", говоритъ онъ, „тѣло свое защищай одеждой, облекайся мягкою одеждой.... Мѣсяцъ, въ который дышетъ Борей, тягостенъ овцамъ и людямъ; въ продолженіе его нужно давать воламъ половинную часть корма, а люди должны употреблять пищи болѣе обыкновеннаго" [2]). Чтобы точнѣе опредѣлить ходъ и характеръ человѣческой дѣятельности, греческій богословъ указываетъ на другія божества, которыя имѣли то или другое отношеніе къ явленіямъ природы: „Когда же солнце обратится шестьдесятъ разъ, и Зевесъ совершитъ зимніе дни: звѣзда Арктуръ, оставивъ священные потоки океана.... восходитъ въ вечернее время. Какъ скоро настанетъ весна, послѣ Арктура рано вылетаетъ сѣтующая Пандіона — ласточка и возвѣщаетъ о свѣтѣ. Предваряя ласточку, очищай виноградныя вѣтви: это будетъ полезно для тебя" [3]). Всѣ перемѣны въ царствѣ растительномъ и въ организмѣ человѣка греческій мудрецъ связываетъ съ существами миѳическими — Солнцемъ, Зевсомъ и др. Эти перемѣны будутъ объясняться астрологіей, какъ результатъ вліянія на землю планетъ. Гезіодъ приводитъ всѣ подробности въ перемѣнахъ природы, рекомендуя человѣку правила діэтическія и гигіеническія, но съ постояннымъ объясненіемъ, что виновники всѣхъ перемѣнъ — боги. Нѣкоторые изъ нихъ олицетворяютъ небесныя свѣтила.

Подъ вліяніемъ древнихъ миѳическихъ вѣрованій явилось понятіе о тѣхъ добрыхъ и злыхъ дняхъ и часахъ, которые строго соблюдались всѣми Греками и Римлянами. Въ тѣ дни ни у Грековъ, ни у Римлянъ не женились, не начинали никакого предпріятія, не созывали сходокъ, не творили суда. Вѣра въ дни и часы усилилась, наконецъ, до того, что Аѳинянинъ не начиналъ фразы, не воззвавъ предварительно къ доброму часу. Воззваніе свое онъ ставилъ предъ всѣми декретами. Даже въ эпоху имперіи вѣрованія Римлянъ держались больше на основаніяхъ религіозныхъ, чѣмъ астрологическихъ. Въ соблюденіи ихъ видѣли нравственный долгъ, религіозную

---

[1]) Ἔργα καὶ ἡμέρα, 540, 555.
[2]) Тамъ же, 564.
[3]) Тамъ же, 580.

обязанность. Извѣстно, что самъ Октавій Августъ, при религіозномъ настроеніи, соблюдалъ нѣкоторые дни. На другой день нундинъ онъ никуда не отправлялся, въ ноны не начиналъ ничего серьезнаго; онъ ничего не боялся при этомъ, кромѣ δυσφημίαν [1]). Вѣроятно, эти религіозно-нравственныя воззрѣнія Римлянъ на міръ и его явленія, на дни добрые и злые были причиной извѣстной непріязни Римлянъ къ Халдеямъ, которые разсѣявали въ народѣ анти-религіозные взгляды на планеты и на теченіе времени, взгляды, близкіе къ ученію позднѣйшихъ астрологовъ. Такъ, Корнелій Гиспалъ, во время преторства своего, издалъ декретъ, по которому всѣ Халдеи въ 10 дней должны были выбраться изъ Рима и изъ Италіи [2]).

Безъ халдейскихъ толковъ тверда была въ народѣ римскомъ вѣра въ добрые и злые дни. Дни эти тѣмъ строже были хранимы, чѣмъ больше выпадало на нихъ замѣчательныхъ случаевъ, памятныхъ народу. Остерегайтесь, говоритъ римскій историкъ, дня, ѳдного изъ тѣхъ несчастныхъ (τῶν αποφραδον), которые зовутся черными (μελαίνας), ибо въ этотъ день погибло войско съ княземъ Цепіономъ (649 г. послѣ основанія Рима), сражавшееся съ Кимврами; днемъ этимъ былъ первый день октябрскихъ нонъ [3]). Первый римскій календарь, обнародованный въ 303 г. Каіемъ Флавіемъ, былъ вполнѣ національнымъ календаремъ. Его распространяли потомъ Энній, Пизонъ, Овидій и др., снабжая различными примѣтами изъ народной жизни. Что дѣйствительно первоначальныя основанія для соблюденія дней и часовъ были религіознаго характера, это видно изъ того, что несчастными днями древнихъ римскихъ календарей были дни четные. Четное же число, по вѣрованіямъ Римлянъ, считалось несчастнымъ, а потому всѣ римскіе мѣсяцы состояли изъ нечетнаго числа дней, изъ 29 или 31. Одинъ февраль имѣлъ 28, какъ мѣсяцъ плачевный, назначенный для покаянія и поминовенія усопшихъ. Извѣстные у Римлянъ dies nefasti были днями, въ которые первоначально запрещено было производить судъ, и съ которыми потомъ соединялось дурное значеніе.

Религіозныя вѣрованія нашихъ предковъ съ древнихъ поръ легли въ основаніе для дѣленія ими дней и часовъ на добрые и злые. Каждому изъ такихъ дней и часовъ соприсутствовало божество, ко-

[1]) Caji Sretoni, cap. 89. (Augustus).
[2]) Römische Zeitafeln (1841 г.), p. 134.
[3]) Römische Zeitafeln, p. 161.

торое покровительствовало или вредило человѣческой жизни и дѣятельности. Первоначально человѣкъ связалъ съ богами крупные періоды времени—четыре времени года, недѣли, потомъ перенесъ свои вѣрованія на нѣкоторые дни и часы. Вотъ какъ говоритъ объ этомъ г. Буслаевъ: „Какъ времена года были освящены миѳическою ихъ связью съ божествомъ, такъ и малые періоды времени, составляющіе недѣлю [1]). Чередою смѣняющіеся дни и ночи, какъ выраженіе сверхъестественныхъ силъ божествъ свѣта и тьмы, не могли миновать того же строго замкнутаго миѳическаго круга, въ которомъ была скована творческая фантазія эпическаго періода". Въ сохранившихся литературныхъ памятникахъ нашей старины мало указаній на то, какія вѣрованія соединялись съ каждымъ днемъ — счастливымъ или несчастнымъ; но во всякомъ случаѣ, эти вѣрованія были и долго жили въ народной жизни. „Хотя уже въ эпоху до-историческую между Славянами были распространены новыя названія недѣльныхъ дней, составленныя подъ вліяніемъ новыхъ христіанскихъ понятій, однако, и доселѣ въ народныхъ преданіяхъ сохраняется память о связи дней недѣльныхъ съ существами миѳическими. Такъ, на Руси доселѣ коегдѣ вѣрятъ, что въ ночь на пятницу ходитъ по избамъ какое-то сверхъестественное существо въ видѣ жены прекрасной, и если гдѣ найдетъ подъ своими стопами соръ, то наказываетъ хозяевъ. Потому передъ ея ночнымъ шествіемъ съ вечера выметаютъ изъ избы всякій соръ" [2]). Это миѳическое существо не забыто народомъ, а переименовано въ Параскеву-пятницу. Въ приведенной г. Буслаевымъ валашской сказкѣ о Вилишѣ-витязѣ указаны также сверхъестественныя существа, которыми олицетворяются недѣльные дни: св. мать Середа, св. мать Пятница и св. мать Недѣля. Ясно, что въ этихъ названіяхъ дней слились христіанскія понятія съ вѣрованіями языческими. Въ древне-русской письменности много указаній на то, какъ въ христіанскую эпоху добрые и злые дни, посвященные миѳическимъ существамъ, пріурочивались къ христіанскимъ праздникамъ или ко днямъ святыхъ. Послѣдніе берутъ подъ свой патронатъ извѣстные въ году или въ недѣлѣ дни. Во дни эти до сихъ поръ соблюдаются суевѣрные обычаи старины. Такъ, между прочимъ, въ лѣчебникахъ постоянно различаются добрые дни отъ злыхъ, при собираніи въ нихъ травъ или при пріемѣ лѣкарственныхъ зелій. Траву „дет-

[1]) Очерки, I, 323.

[2]) Тамъ же.

левину" надобно рвать между Купальницею и Петровымъ днемъ, сказано въ лѣчебникѣ [1]). Особенною важностію пользуется въ этомъ случаѣ день Ивана Купалы, миѳическое значеніе коего до сихъ поръ не утратилось въ народной жизни. Объ этомъ днѣ говорится слѣдующее: въ травахъ царь есть Силтаримъ трава, о шести листахъ...., а брать вечеромъ на Ивановъ день.... Есть орелъ птица. Возьми орла на Ивановъ день о вечернѣ.... [2]). Къ суевѣрнымъ днямъ пріурочены были занятія по сельскому и домашнему хозяйству. Ждали бо̀льшаго успѣха и большей прибыли отъ занятій, если они шли въ извѣстные добрые дни. „Огородъ начинай пахать марта мѣсяца въ 5-й день, на св. Конона, хотя бы еще и зима была, и ты только почни въ тотъ день: непремѣнно огородъ будетъ добръ и овощу много" [3]). Нѣкоторые изъ господскихъ праздниковъ также пріурочены были ко днямъ особаго рода: въ эти дни грозила неудача дѣлу. Такой взглядъ на нѣкоторые праздники не означаетъ христіанскаго запрещенія не дѣлать ничего мірскаго въ тѣ дни, — ибо въ такомъ случаѣ слѣдовало бы причислить всѣ праздники къ злымъ днямъ. Но изъ христіанскихъ праздниковъ только нѣкоторые указаны, какъ несчастливые. „На Срѣтеньевъ день Господа нашего Іисуса Христа на дорогу никуда не выходить, ни дому, никакихъ хоромовъ не ставить" [4]).

Дѣленіе дней и часовъ на добрые и злые было и у народовъ западной Европы. Исходя изъ тѣхъ же миѳическихъ вѣрованій, народы эти, въ христіанствѣ, пріурочили извѣстные дни ко днямъ святыхъ западной церкви. Такое повѣрье было осуждаемо западными проповѣдниками и постановленіями помѣстныхъ соборовъ. Не слѣдуетъ, говоритъ папа Мартинъ, дѣлать незаконныхъ календарныхъ наблюденій и избѣгать въ извѣстные дни занятій, не слѣдуетъ въ тѣ дни украшать домовъ своихъ лавромъ или зеленью другихъ деревъ: ибо всякое подобное наблюденіе есть дѣло поганыхъ. Западно-европейскіе народы постились въ нѣкоторые знаменательные дни. За это виновные были преданы анаѳемѣ на IV-мъ Толедскомъ соборѣ. Съ этимъ обычаемъ, нельзя не замѣтить, имѣетъ много общаго обычай русскихъ благочестивцевъ понедѣльничать. Есть повѣрье, что понедѣльникъ — день тяжелый. Съ религіозной точки зрѣнія это объясняютъ тѣмъ,

---

[1]) Очерки, II, 37 стр.
[2]) Очерки, 38.
[3]) Очерки, II, 45.
[4]) Очерки, I, 43.

что въ понедѣльникъ, когда церковная служба поется въ честь ангеловъ добрыхъ, хранителей человѣка, ангелы злые ожесточенно усердствуютъ дѣлать человѣку всякіе соблазны и козни. Какъ-бы въ отпоръ ихъ злобѣ необходимо, думаютъ, усиливать подвиги благочестія, необходимо поститься и избѣгать всякихъ серьезныхъ начинаній. На западѣ, какъ и у насъ, былъ, по свидѣтельству Маіолы, обычай только во дни извѣстныхъ святыхъ собирать травы и рубить лѣсъ для постройки домовъ или кораблей [1]). Изъ такихъ дней извѣстны дни св. Павла, Викентія, Урбана и др. Шелъ ли въ тѣ дни дождь, или небо было чисто — всему давали толкованіе: однимъ это обѣщало веселость, плодородіе, изобиліе или недостатокъ вина. Яснѣе опредѣляются подобныя вѣрованія слѣдующими словами: ясный день Павла предуказывалъ счастливое время года; если же въ тотъ день облачно, то будутъ умирать извѣстныя животныя; если вѣтры — нужно ждать войны; если снѣгъ и дождь—наступитъ пріятное время. Собиратели травъ въ день св. Іоанна вѣрили, что травы тѣ имѣли особенную цѣлительную силу. Эти люди утверждали, что садить деревья необходимо въ день Благовѣщенія Дѣвы Маріи, а въ праздникъ св. Стефана полезно пускать кровь конямъ. Многіе наблюдали дни и часы при отправленіи въ путь или при началѣ важнаго дѣла. Въ ряду другихъ дней знаменательнымъ считался день св. Магдалины [2]).

Въ письменныхъ памятникахъ западной Европы, какіе имѣлись у насъ подъ руками, и въ древне-русскихъ отреченныхъ тетрадяхъ, нѣтъ все-таки точнаго перечня дней и часовъ добрыхъ и злыхъ. Дней же, пріуроченныхъ ко днямъ христіанскихъ святыхъ или праздниковъ, немного. Гораздо больше ихъ въ тѣхъ указателяхъ, которые сложились въ болѣе позднюю пору, подъ вліяніемъ вѣрованій астрологическихъ. Дѣленіе дней на добрые и злые по различному состоянію небесныхъ свѣтилъ относится ко времени гораздо позднѣйшему, чѣмъ дѣленіе ихъ по миѳическимъ или древне-христіанскимъ воззрѣніямъ. Эти астрологическіе перечни дней вошли потомъ въ календари. Имъ посвящена особая глава въ календарѣ Брюса. Въ послѣднемъ нѣтъ прямыхъ указаній на то, какіе дни счастливые и какіе несчастные. Но эта разница сама собою видна изъ тѣхъ указаній, по которымъ извѣстное дѣло могло быть только въ извѣстные

---

[1]) *Majoli*, Dies caniculares, p. 572 и слѣд.

[2]) Dies caniculares, 572.

дни; въ противномъ случаѣ слѣдовала полнѣйшая неудача. Въ календарѣ дни подведены подъ зодіи. По этимъ зодіямъ указано предзнаменованіе дѣйствъ на каждый день: „Близнецы"—отроки въ училище отдавати, „Телецъ" — мыслити начати и на паству пущати, „Овенъ" — кровь пущати и древо посѣцати, „Дѣва" — бракъ имѣти или въ жену пояти, „Водолей" — домы созидати, „Ракъ" — баталію творити, „Стрѣлецъ" — малевать и браду брити, „Скорпій" — звѣрей и рыбу ловить, „Вѣсы" — власы стричь и лѣкарство принимать, „Рыбы"—мытися въ банѣ и платье кроити, „Рыбы" — пруды запружати и шествовати въ море, „Козерогъ"—просити господъ и молоть [1]). Эти общія примѣты для дней дробятся потомъ на частныя замѣчанія относительно каждаго дня извѣстнаго зодія. Этихъ замѣчаній много, и мы укажемъ только на нѣкоторыя: кровь и жильную руду пущать въ одни дни (слѣдують цифры дней по зодіямъ)—добро, въ другіе — посредственно, въ третьи — зло,—чины и достоинства восприимати (указаны цифры дней), лѣкарство внутрь и снаружи, — паритися въ банѣ, дабы немощь не постигла, — содружіе дѣяти, чтобы оно постоянно было, — власы съ главы стричи, чтобы мозгъ укрѣпляло,—хлѣбъ ссыпати, чтобы долго лежалъ, и т. д. Въ нѣкоторыхъ спискахъ календаря, извѣстнаго подъ именемъ Брюса, имѣются даже рисунки, уясняющіе смыслъ текста. Рисунки эти, кажется, позднѣйшая прибавка. Въ календарѣ, описанномъ г. Пекарскимъ, о нихъ не упоминается. Несомнѣнно, что все это дѣленіе дней на добрые и злые извѣстно было въ большей или меньшей степени нашимъ предкамъ задолго до календаря Брюсова. „Сьмотри", говоритъ древнее наставленіе, „съ испитаніемъ исьчитае и познавай повьсегда, въ коемъ зодіи есть луна, и смотріи, аще добро есть зодіи или зло, или посредне; да еще добро будетъ зодеи оно, въ еже сдѣваемо, въ таковій день есть добро. Аще ли зло будеть зодіе оно, въ той день ничтоже подобаетъ творити" и т. д. [2]). Общія замѣчанія древней письменности о добрыхъ и злыхъ дняхъ дробились часто на замѣчанія частныя. Въ одной рукописи, писанной полууставомъ XV вѣка, читаемъ наставленіе о днехъ, въ нихъ же достоитъ отъ всего хранитися: ни врачевать человѣкъ, ни скотъ, кровь пущать, ни браковъ творить, ни дѣтей учить и облюстися ихъ всегда — мѣсяца генварія 1 до 15, февраля 9 до 22 и

---

[1]) Тетрадь, подъ названіемъ Брюсова календаря, которою пользовались мы при составленіи этой статьи.

[2]) Пам. отреч. литературы, изд. *Тихонравова*, II, 386—387.

т. д. [1]). Больше всего предки наши обращали вниманіе на слѣдующіе вопросы, которые, впрочемъ, не вездѣ отвѣчали условіямъ ихъ жизни,—на вопросы о насажденіи винограда или масличника, или о древесехъ плодовитыхъ, отъ коегождо рода садещихъ и обрѣзывающихся, аще ли же и о купли и о путешествіи, или отъ недуга изцѣленіе или отъ кровопущеній, или о свершеніи брака и т. д. Дни, которые не благопріятствовали указанной дѣятельности, слѣдующіе: мѣсяца сентября—3, 8, 24, мѣсяца октября — 3, 8, 21, мѣсяца ноября—5, 8, 12 и др. [2]). Эти же дни указаны и въ календарѣ Брюса, только здѣсь они подведены подъ точныя разчисленія въ особой таблицѣ, съ указаніемъ правилъ, какъ каждыя потребы творити. Предъ таблицей сдѣлано замѣчаніе: понеже луна и намъ ближае есть, того ради натурою сильнѣйши суть; обаче Богъ идѣже хощетъ, побѣждается естества чинъ [3]). Сличая замѣчанія Брюсова календаря съ перечнемъ дней добрыхъ и злыхъ въ книгахъ древне-русской отреченной литературы, мы видимъ прежде всего, что календарная замѣтка короче замѣтокъ древнихъ книжниковъ; у послѣднихъ дѣленіе дней подробнѣе. Во всякомъ мѣсяцѣ, говоритъ древнее списаніе о мѣсяцахъ, есть по два дни злыхъ, — ни крови пущати, ни сѣяти, ни садити, ни портищъ кроити, ни свадьбы играти, ни купли дѣяти, ни дому строити, ни въ заимъ давати, ни иного чего дѣяти. Дни злые: мѣсяца генваря въ 8, 26, февраля въ 2, 24 и т. д. Аще въ тые дни, продолжаетъ авторъ списанія, начнетъ человѣкъ болѣти, не востать ему, аще и востанетъ—нездравіе творитъ; не обрадуется, иже родится, не живу ему быти; аще не умретъ, не избыти ему горькія части; аще ли домъ строишь, не будетъ добра; или портище кроишь, не сноситъ ему; купецъ въ ходъ пойдетъ, не прибудетъ ему, или смерть будетъ и т. д. [4]). Замѣтокъ о часѣхъ добрыхъ и злыхъ въ календарѣ совсѣмъ нѣтъ; въ древней же отреченной письменности говорится, яко во всякомъ мѣсяцѣ есть день добръ, а въ немъ часъ золъ. Дни добрые, часы злые: мѣсяца генваря въ 25—1, февраля въ 22—9 и т. д. [5]). Статья „О часахъ добрыхъ и злыхъ“, по списку, изданному г. Тихонравовымъ, указываетъ даже на каждый часъ сутокъ — добръ ли

---

[1]) *Пекарскій,* Наука и литература при Петрѣ I, стр. 278.
[2]) Пам. отреч. лит., II, 386.
[3]) Кал. Брюса, листъ 25.
[4]) *Пыпинъ,* Для исторіи ложныхъ книгъ. Дни добрые и злые, стр. 7.
[5]) Тамъ же, стр. 8.

онъ, или золъ, или средній: въ недѣлю часъ 1-й добръ, часъ 3-й золъ, часъ 4-й средній и т. д. [1]). Замѣтное сближеніе календаря Брюса съ древнею русскою отреченною письменностью вызываетъ вопросъ: заимствовали ли составители календаря свои указанія изъ древне-русскихъ тетрадей, или брали ихъ изъ календарей чужеземныхъ. Календари эти, безъ сомнѣнія, были въ рукахъ лицъ, участвовавшихъ въ составленіи календаря русскаго. По крайней мѣрѣ, въ библіотекѣ самого Брюса было много книгъ астрологическихъ и астрономейныхъ, на языкахъ латинскомъ, нѣмецкомъ и аглицкомъ; былъ даже у него календаріумъ перпетуумъ универсале чрезъ Станислава Аксталмеэръ на нѣмецкомъ языкѣ, былъ Маринерсъ календарь на аглицкомъ языкѣ и др. [2]). Трудно предположить, чтобы составителямъ календаря, особенно Кипріанову, были не извѣстны указанныя книги нѣмецкаго ученаго, „подъ надзрѣніемъ“ котораго былъ составленъ календарь. На это заимствованіе изъ нѣмецкихъ календарей въ календарь Брюса ясно указываетъ замѣтка подъ статьею календаря: „предзнаменованіе дѣйствъ на каждый день по теченію луны въ зодіи“. Въ замѣткѣ этой говорится: таблица или правило сіе изыскано чрезъ Мартина Альберта Ѳеофратическаго, медика и рудоискателя отъ Хемницъ, яже преведеная съ цесарскаго діалекта изъ книгъ астрологіи или планетныя Вольфганга Гильдебранда... [3]). О другой статьѣ сказано, что она переведена съ латинскаго діалекта изъ книги Іоанна Заганъ [4]). Календарь Брюса подвелъ краткій итогъ всѣмъ народнымъ и книжнымъ вѣрованіямъ касательно времени. Въ итогъ этотъ вошли и вѣрованія русской старины, вполнѣ народныя, и вѣрованія, сдѣлавшіяся достояніемъ книги, русской и чужеземной; въ него, стало быть, вошла часть ученій, извѣстныхъ въ области астрологіи. Календарь объединилъ и примирилъ то и другое.

Входя въ область календарныхъ астрологическихъ вѣрованій, мы видимъ, что предки наши, подобно другимъ народамъ, пытливо смотрѣли на внѣшній міръ, на его небесныя и земныя явленія, стараясь опредѣлить ими степень и качество своей дѣятельности. Они издавна наблюдали по-своему за небесными свѣтилами, угадывая въ нихъ завѣтную тайну, которая всѣми мутно сознавалась, но никѣмъ не разъ-

---

[1]) Памятн. отр. лит., II, 383.
[2]) *Лѣтописи Русск. Лит.* т. I. Библіотека и кабинетъ Брюса.
[3]) Календарь, листъ 22.
[4]) Тамъ же.

яснялась. Разгадкѣ этой тайны послужила потомъ, какъ могла, вся неугомонная дѣятельность астрологовъ. Начинатели ихъ дѣла уходятъ въ самую отдаленную пору исторіи востока. Наши предки долго не знали астрологіи, и между тѣмъ, издавна вѣрили въ различіе между днями и часами. На эти вѣрованія наводила ихъ сначала миѳологія, потомъ обыденная практика жизни, всѣ удачи и неудачи, причину которыхъ они часто видѣли въ природѣ, во вліяніи небесныхъ планетъ, особенно солнца и луны. Этимъ же путемъ слагались вѣрованія другихъ народовъ древняго и новаго міра, и сказать, что̀ именно одинъ народъ заимствовалъ у другаго — дѣло невозможное. Не возможно поэтому и въ русской письменности отдѣлить вѣрованія чисто-русскія отъ занесенныхъ изчужа. Невозможность эта во всей силѣ простирается и на Брюсовъ календарь. Все это говоритъ лишь о томъ, что въ духовной жизни народа Русскаго и другихъ народовъ одного съ нимъ племени была полная солидарность, а существовавшая между ними рознь была дѣломъ различныхъ историческихъ условій.

Вѣрованія во вліяніе небесныхъ тѣлъ на судьбу человѣка у всѣхъ народовъ обставлены легендарными сказаніями. Сказанія эти манятъ къ себѣ тою глубокою таинственностію, которая окружаетъ самыя силы природы, невѣдомыя первобытному человѣку. Изъ сказаній объ астрологіи видно, какъ слагались потомъ тѣ народныя замѣтки, изъ которыхъ образовался календарь. Укажемъ на одно изъ такихъ сказаній. Несомнѣнно, говоритъ легенда, что нашъ праотецъ Адамъ отлично зналъ весь распорядокъ (disciplinam) небесныхъ тѣлъ. Чтобы не изгладилось изъ памяти его то, что̀ узналъ онъ черезъ долгое наблюденіе и стараніе, праотецъ позаботился изобразить это на двухъ столбахъ. Потомки Сифа (Seth) нашли потомъ дорогое ученіе о движеніи неба, и такъ какъ они слышали отъ дѣдушки Адама, что міръ погибнетъ сперва отъ воды, потомъ отъ огня, то изготовили (fabricasse) двѣ каменныя дощечки—одну изъ живаго камня, другую—изъ обожженнаго. На этихъ дощечкахъ постарались начертать астрологическія наблюденія, чтобы такимъ образомъ это превосходнѣйше искусство (астрологія) спасено было отъ силы огня и отъ воды, и чтобы передано было потомству [1]). Кромѣ этой легенды, освѣщающей авторитетъ календарныхъ вѣрованій, вся древность указывала на свидѣ

[1]) Легенда эта записана Іосифомъ въ 4-й главѣ 1-й книги Іудейскихъ Древностей (Majoli, p. 675).

ельство Берова. Онъ говоритъ, что въ первобытное время всѣ свя- ые мужи соблюдали и любили звѣздную премудрость, получивъ ее отъ Бога. Даже послѣ потопа Ной, Авраамъ, Іаковъ, Іосифъ, пророки и патріархи точно слѣдили за теченіемъ звѣздъ. Этому Берозу Аѳин- кіе граждане оказали величайшую честь за знаніе астрологіи: по- ставили ему въ гимназіи статую съ золотою надписью; ибо все, что онъ предсказывалъ, съ точностію сбывалось [1]). Библійскіе писатели, какъ, напримѣръ, пророкъ Давидъ, въ поэтическихъ образахъ опи- сываютъ звѣздное небо, какъ выраженіе величія и премудрости Творца. Человѣку оставалось всматриваться и понимать эту премудрость и извлекать изъ нея уроки для своей дѣятельности. И поэты-классики часто упоминаютъ объ извѣстныхъ звѣздахъ, какъ и когда онѣ должны быть наблюдаемы земледѣльцами или мореплавателями. Извѣстны стихи Гомера, Гезіода, Вергилія, Овидія и др. о Плейядахъ, Оріонѣ, Арктурѣ. Они говорятъ, что еслибы звѣзды эти не были наблюдаемы, то никогда нельзя было бы установить ни счастливой жатвы, ни благополучнаго мореплаванія. Мнѣнія поэтовъ не были, разумѣется, плодомъ астрологическихъ ученій; они выражали наблюденія всего народа; наблюденія эти укрѣплялись потомъ практикой. Въ отдален- ную эпоху народныхъ и поэтическихъ воззрѣній на звѣздное небо еще не было календаря, какъ искусственно составленнаго указателя атмосферныхъ явленій. Но еще въ ту отдаленную пору различаемы были дни, въ которые слѣдовало или не слѣдовало предпринимать то или другое хозяйственное дѣло. „Осьмой и девятый дни", гово- ритъ Гезіодъ, „въ которые луна замѣтно возрастаетъ, благопріятны для человѣческихъ дѣлъ. Въ одиннадцатый день полезно стричь овецъ, въ двѣнадцатый—жать на поляхъ спѣлые колосья. Но двѣнадцатый день благопріятнѣе одиннадцатаго. Въ тринадцатый день наставшаго мѣсяца не бросай въ землю хлѣбныхъ сѣмянъ [2]). Между другими во- просами жизни всегда и вездѣ былъ важенъ вопросъ о женитьбѣ. Для нея назначались только нѣкоторые дни, какъ наиболѣе счастли- вые. Въ четвертый день мѣсяца, говоритъ поэтъ, вводи супругу въ домъ твой... Избѣгай дней пятыхъ—они трудны и тяжелы. Въ седь- мой день средней трети мѣсяца слѣдуетъ старательно очищать на гумнѣ священные дары Цереры. Дровосѣкъ долженъ тогда рубить деревья, годныя для постройки домовъ и кораблей. Девятый день

---

[1]) Ibid.

[2]) Ἔργα καὶ ἡμέρα, v. 770 и слѣд.

первой третя мѣсяца... благопріятствуетъ садкѣ деревъ и рожденію дѣтей обоего пола" [1]). Весь трактатъ свой о дняхъ добрыхъ и злыхъ, въ связи ихъ съ человѣческими трудами, Гезіодъ заключаетъ слѣдующими замѣчательными словами: „Указанные дни приносятъ жителямъ земнаго шара великую пользу. Другіе, напротивъ, несчастливы... Немногимъ сіе извѣстно: одинъ день бываетъ мачихой, другой — родною матерью" [2]). Произведенія римскихъ поэтовъ богаты указаніями на то, какъ глубоко проникли въ духъ Римскаго народа вѣрованія въ зависимость человѣческой дѣятельности отъ времени счастливаго или несчастливаго. По неопредѣленному состоянію неба, говоритъ Вергилій, слѣдуетъ предузнавать бури и то, когда нужно пускаться въ бѣлѣющееся море и когда спускать въ него вооруженные корабли [3]). Что касается до тѣхъ вещей, которыя сѣются, садятся, прививаются, то-есть, когда садовники стараются врѣзать или прирастить сѣмя другаго дерева къ влажной корѣ, то все это дѣлается благовременно при возрастаніи луны [4]). Стало быть, благопріятными днями для разсадки и прививки деревъ считались дни молодаго мѣсяца. Свою жизнь человѣкъ также связывалъ съ небесными свѣтилами съ тѣхъ поръ, какъ ослабѣла въ немъ вѣра во вліяніе боговъ на эту жизнь. По различію звѣздъ различались дни и часы, которые каждый долженъ былъ замѣчать въ жизни своей. Сатирикъ римскій Персій былъ связанъ неразрывною дружбою съ философомъ Корнутомъ; между ними было большое сочувствіе. Это обстоятельство поэтъ объясняетъ вліяніемъ звѣздъ. „Не сомнѣвайся", говоритъ онъ другу „въ томъ, что день рожденія насъ обоихъ совпалъ какъ-бы по предварительному точному договору и ведетъ начало отъ одной звѣзды Одно изъ двухъ: или Парка, неизмѣнная въ истинѣ, взвѣсила нашу жизнь на равныхъ вѣсахъ, или же одинаковые жеребьи, брошенные судьбою въ счастливые дни, она раздѣлила на насъ двоихъ. И тяжелую звѣзду Сатурна мы переносимъ вмѣстѣ, благодаря покровительствующему намъ Юпитеру (звѣздѣ). Не знаю навѣрно, какая звѣзда соединяетъ меня съ тобою"... [5]). Всѣ подобныя вѣрованія были сильны въ практической жизни народовъ Европы; ихъ держались

[1]) Тамъ же, 800 и слѣд.
[2]) Тамъ же, 820 и слѣд.
[3]) Vergil. Georgic., I.
[4]) Тамъ же, II.
[5]) Pers. Satira V.

задолго до той поры, когда сформировалось ученіе астрологовъ. Эти послѣднія были доступны грамотному меньшинству; большинство же жило тѣми вѣрованіями, которыя переходили изъ рода въ родъ по преданію и этимъ путемъ дошли до новѣйшихъ временъ. Извѣстно, какъ сильно обличали эти вѣрованія многіе изъ учителей христіанской церкви, видѣвшіе повсемѣстное распространеніе ихъ. „Соблюдають дни“, говоритъ св. Амвросій Медіоланскій, „которые говорятъ: завтра не слѣдуетъ никуда отправляться, послѣ завтра не нужно ничего начинать, и т. д. Наблюдаютъ и мѣсяцы тѣ изъ васъ, которые говорятъ: не уѣзжай, потому что день теперь счастливый, ибо луна течетъ такъ..., или уѣзжай, потому что проходитъ счастливый день, потому что такое и такое положеніе звѣздъ... Не буду въ этомъ мѣсяцѣ торговать, потому что такая-то звѣзда указываетъ для меня мѣсяцъ, не буду садить виноградника потому-то...“ Въ другомъ мѣстѣ этотъ учитель говоритъ: „Также поступаютъ тѣ, которые въ извѣстные дни или мѣсяцы желаютъ или не желаютъ что-либо дѣлать; по такимъ фальшивымъ людскимъ толкамъ признается многими время счастливое или несчастливое“. Изъ повѣрій новаго времени епископъ Маіола указываетъ на слѣдующія: Въ извѣстные дни многіе касаются огородныхъ растеній голикомъ, чтобы не вредили этимъ растеніямъ различныя насѣкомыя. Одни не хотятъ обрѣзывать ногтей въ день Венеры (die Veneris) или мыться въ банѣ въ субботу; другіе цѣлый годъ берегутъ яйца, которыя снесутъ куры въ день Параскевы (die Parascevis), ибо вѣрятъ, что яйца тѣ обладаютъ силою тушить пожары, если будутъ брошены въ огонь [1]).

Слѣдя за вѣрованіями русскими, нельзя не замѣтить въ нихъ стремленія нашихъ предковъ подвести извѣстные дни, часы и мѣсяцы подъ теченіе небесныхъ планетъ, особенно подъ разные фазы луны, имѣвшей, по общему мнѣнію, вліяніе не только на жизнь и здоровье человѣка, но и на всѣ занятія его. Всѣ эти вѣрованія темны, глухи, неопредѣленны; и новые календари, особенно Брюсовъ, дали имъ болѣе ясную и точную форму. Исторія этихъ народныхъ русскихъ вѣрованій длинна; невозможно указать начала ея. Русскій проповѣдникъ XIII вѣка говоритъ о народныхъ календарныхъ примѣтахъ, какъ о дѣлѣ общераспространенномъ и обыкновенномъ. „Егда кая на насъ казнь отъ Бога пріидетъ, то болѣ прогнѣваемъ, извѣты кладуче, того ради ведро, сего дѣля дождь, того дѣля жито

[1]) Dies Caniculares, стр. 572—573.

не роднтъ, и бываете строители небесней твари, а о безумьи своемъ почто не скорбите" [1]). Кромѣ наблюденій, близкихъ къ земледѣльческому хозяйству, издавна слагались у нашихъ предковъ наблюденія за временемъ для лѣченія болѣзней. Многія зелья могли цѣлить человѣческіе недуги лишь тогда, когда въ извѣстный день были собираемы, приготовляемы и въ извѣстный день принимаемы больнымъ. Въ одномъ древнемъ сборникѣ говорится: „Прахъ отъ раковъ спаленыхъ, когда солнце есть въ знаменіи льва и луна ветхая въ день осьминадцатый, угрызеніе отъ пса бѣшенаго врачуетъ". Въ одномъ зелейникѣ Соловецкой библіотеки имѣется слѣдующая замѣтка: „Аще который человѣкъ чахнетъ ходя, ни оживетъ, ни умретъ, — мая мѣсяца въ 5-й день зарѣзати корову въ брюхо—минетъ его" [2])....

Дѣленіе дней на счастливые и несчастливые у народовъ Славянскихъ и въ частности у Русскихъ основывалось сначала на простыхъ, случайныхъ замѣткахъ. Во многихъ изъ подобныхъ замѣтокъ едва-ли можно видѣть какія-либо разумныя основанія; они возникали какъ-бы на-угадъ, безъ всякихъ соображеній, какими руководились книжники-звѣздознатцы. Таковы, напримѣръ, замѣтки о дняхъ въ Святославовомъ сборникѣ: Марта 31: сладко яждь и пій; апрѣля 30: рѣпы не ѣжъ; мая 31: поросяте не яждь; іюня 30: въ часъ вторый пій воды мало; октября 30: не мыйся часто, и т. д. [3]). Такого же характера сказаніе о днехъ, въ нихъ же достоитъ отъ всего хранитися: не врачевати человѣкъ, ни скотъ, ни кровь пущати, ни браковъ творити, ни дѣтей учити, — но блюстися ихъ всегда. Слѣдуетъ перечень самыхъ дней [4]). Но есть въ древне-русской письменности и такія замѣтки о дняхъ, изъ которыхъ ясно видна зависимость дней отъ свѣтилъ небесныхъ. Степенью вліянія этихъ свѣтилъ опредѣляется степень успѣшности или пригодности хозяйственныхъ предпріятій и лѣкарственныхъ операцій: Наставшаго мѣсяца небеснаго—въ 1-й день до 9-го часа сѣяти и садить добро, и волосы урѣзати, тонцы и гладци бываютъ. А 2-й день сухъ, а не червенъ; лѣсъ сѣчи и отрасли урѣзати.... Или 13, 14 и 15-й день не червенъ; лѣсъ сѣчи добро, донелѣ аще солнце застанетъ, луну не зашедшу.... добро тогды скотъ теребить, тученъ бываетъ, кони лѣниви.... Въ пя-

---

[1]) Слово препод. Серапіона, еп. Владимірскаго.

[2]) Сборникъ Солов. библ. № 889, стр. 152.

[3]) Ложныя и отреч. книги, собр. *Пыпинымъ*, стр. 159.

[4]) Тамъ же.

тый же день мѣсяца пиво варить [1]). Древніе грамотники писали „о еже кровь пущати, когда подобаетъ, и когда не пущати. Въ 1-й день мѣсяца, когда звѣзда полезна будетъ и день — утрѣ пущай, 2-й полудни—пущай" [2]). Дни для кровопусканія были важными днями въ жизни древняго человѣка. Не слѣдовало поэтому ошибаться во дняхъ, которые благопріятствовали этой важной операціи нашихъ древнихъ хирурговъ, иначе цѣль кровопусканія не будетъ достигнута. Съ точностію велся счетъ этимъ счастливымъ для кровопусканія днямъ, и ради важности самого дѣла давалась иногда важная обстановка ему. „Іюля въ 10-й день 1664 года великій государь Алексѣй Михайловичъ легчился въ комнатѣ: билъ жилу Соколъ, и на государѣ была алая ферязь, атласъ бѣлъ, исподъ пупки собольи. Рука была совязана тафтою бѣлою".... Далѣе подробно описанъ весь ходъ дѣла [3]). Указывая дни злые, древніе грамотники пророчили о неудачахъ и бѣдахъ, которыя сбывались въ тѣ злополучные дни: въ мѣсяцехъ по два дни злыхъ, въ тыя дни никакого дѣла не зачинай: сентября 27, октября 28 и проч. [4]). Не увѣренные сначала во вліяніи небесныхъ тѣлъ на ходъ самаго времени, на различіе добрыхъ и злыхъ дней, грамотники дѣлали оговорку, при своихъ толкахъ о злыхъ дняхъ: понеже дніе сіи отъ Бога учинени суть [5]). Когда же сильнѣе овладѣла грамотниками мысль о вліяніи звѣздъ на человѣческую жизнь, они начали заговаривать о той великой премудрости, благодаря которой человѣкъ можетъ наблюдать за звѣздами: „Сіе есть великая премудрость, аще кто добре гораздъ и разумѣетъ мѣсячному нарожденію той, и кій кругъ водитъ сія звѣзда чигирь" [6]). По положенію этой звѣзды совѣтуется каждому рѣшаться на ту или другую дѣятельность: Аще кому ѣхати или ити куда или селитися, смотри, на которую страну та звѣзда стоитъ; аще она станетъ противу, и ты противу ея не ѣзди никуда и проч. Подробнѣе о родѣ занятій, какимъ не благопріятствуетъ та звѣзда въ извѣстные дни, говорится: 1-й, 11-й и 21-й — въ тѣ дни стоитъ на востоцѣ, храмины не ставь, главы не голи; 2-й, 12-й, 22-й — въ тѣ дни стоитъ межъ востокомъ и

---

[1]) Тамъ же, 160.
[2]) Тамъ же 160.
[3]) *Москвитянинъ* 1844, № 1, стр. 265.
[4]) Замѣтки *Пыпина*: «Дни добрые и злые».
[5]) *Тихонравовъ*, Памятники, II, 386.
[6]) *Востоковъ*, Опис. Рум. муз., стр. 15.

полудни. Съ женами не спи: аще родится сынъ, ино будетъ курча и безплодны; 3-й, 13-й, 23-й—въ тѣ дни стоитъ на полднѣ: не купаться, не въ лазню не ходи, лихо не добро некода переполохъ будетъ [1])...

Ученіе о связи дней добрыхъ и злыхъ съ хожденіемъ и стояніемъ звѣзды чигиря не было достояніемъ массы. Только записные грамотники могли понимать это ученіе. Тѣмъ не менѣе, оно нравилось всѣмъ, близко подходя подъ складъ народныхъ воззрѣній, выработанныхъ путемъ вѣковыхъ практическихъ наблюденій. Наблюденія эти имѣли самую тѣсную связь съ хозяйственнымъ бытомъ человѣка. И зори смотрятъ—небо дряхлуетъ, ведро будетъ, замѣчаетъ индексъ народныхъ вѣрованій [2]). При сильномъ желаніи проникнуть въ тайны міра, сильно было у предковъ нашихъ увлеченіе запретными тетрадями, въ коихъ трактовалось о вліяніи небесныхъ свѣтилъ на судьбу человѣка и на всю его дѣятельность. Составители и знатоки этихъ тетрадей обращали на себя вниманіе простой, безграмотной среды, какъ на вѣщихъ прорицателей, недалекихъ, пожалуй, и отъ силы нечистаго. Брюсовъ календарь тѣмъ и привлекъ къ себѣ общее вниманіе, что въ немъ на ряду съ ученіемъ астрологовъ указаны были вѣрованія стародавнія, которыя проникали въ практическую жизнь каждаго. Календарь искусно формулировалъ то, что не представляло цѣльности и ясности, а понималось каждымъ по-своему. Астрологическое ученіе вошло въ календарь Брюса изъ источниковъ письменныхъ, но у послѣднихъ было много общаго съ вѣрованіями Русскаго народа. Календарь объединилъ и то, и другое и прикрылъ все однимъ именемъ лица, относительно котораго были также въ ходу чудесныя сказанія. Съ этой стороны календарь Брюса представляется любопытнѣйшимъ памятникомъ нашей письменности, въ которомъ указаны русскому обществу, въ возможной полнотѣ и ясности, астрологическіе толки, извѣстные другимъ народамъ древняго и новаго міра. Въ эпоху реформы, сближавшей Русь съ Западомъ, когда реформаторъ хотѣлъ ознакомить своихъ подданныхъ съ міросозерцаніемъ западныхъ сосѣдей, когда онъ настойчиво и торопливо передавалъ имъ произведенія западной науки, Брюсовъ календарь представляется одною изъ тѣхъ нитей, какими связывались самобытно-русскія вѣрованія съ ученіями Запада. Оказалось, что и въ этой области было много общаго и родственнаго у нашихъ предковъ съ

[1]) *Востоковъ,* Опис. Рум. муз. 15.
[2]) Опис. Рум. муз., 551.

народами западной Европы. Календарныя положенія не были неслыханною новостію для Русскихъ; напротивъ, они потому и обратили на себя общее вниманіе и возбудили удивленіе, что слишкомъ близко подошли къ заманчивымъ, да къ тому же и запретнымъ, вѣрованіямъ русской старины. Какъ ни строго осуждалась эта старина христіанскимъ ученіемъ, какъ ни грѣховна была она предъ судомъ христіанскаго благонравія, она все-таки крѣпко держалась въ русской жизни, и книжныя произведенія отреченнаго характера, преслѣдуемыя властями духовными и мірскими, еще сильнѣе поддерживали ее съ своей стороны. Отреченныя астрологическія тетради были любимымъ чтеніемъ большинства нашихъ грамотниковъ. Брюсовъ календарь далъ этимъ тетрадямъ право безопаснаго существованія въ преобразованной Россіи. Русскій ученый, составлявшій его, и хитрый Нѣмецъ, надзиравшій за составленіемъ, закрѣпили за русскими понятіями то, что̀ издавна входило въ кругъ ихъ и что̀, съ другой стороны, тѣсно связано съ жизнію образованнаго Запада. Съ этой стороны книга Брюса заслуживаетъ подробнаго разсмотрѣнія. Мы не будемъ подробно излагать астрологическихъ и календарныхъ ученій, а укажемъ только на тѣ изъ нихъ, которыя вошли въ календарь.

Записывать и сохранять всѣ явленія, которыя составляютъ содержаніе календарей, было общею потребностію каждаго народа, съ самой ранней поры его жизни. Къ этому побуждала каждаго человѣка самая внѣшняя природа. „Великолѣпное зрѣлище неба“, говоритъ ученый естествоиспытатель, не можетъ не привлекать къ себѣ вниманія даже дикаря, который, какъ человѣкъ, не лишенъ способности чувствовать красоты природы; смотря на небо, нельзя не замѣтить явленій, происходящихъ въ опредѣленномъ порядкѣ и заключенныхъ въ опредѣленныхъ періодахъ. Съ распространеніемъ образованности, началось почти общее желаніе имѣть предварительныя свѣдѣнія о всѣхъ годичныхъ небесныхъ явленіяхъ“ [1]). Плодомъ такого желанія были всѣ календарныя замѣтки. Но этого мало. „Состояніе нашего тѣла, его здоровье и болѣзни много зависятъ отъ перемѣнъ атмосферныхъ, особенно отъ перемѣнъ крутыхъ, неожиданныхъ возмущающихъ астрономическій порядокъ временъ года, эти перемѣны дѣйствуютъ на животныхъ и растенія. Итакъ, онѣ прямо и косвенно или возвышаютъ, или уменьшаютъ наше благосостояніе матеріальное.

[1]) См. статью *Перевощикова* въ *Магазинѣ Землевѣд. и путеш.*, изд. *Фролова*, т. III. стр. 510.

Систематическое обозрѣніе метеорологическихъ явленій каждаго прошедшаго года съ точными указаніями состоянія здоровья, урожаевъ хлѣба, травъ и плодовъ, не можетъ не принести пользы и городскимъ и сельскимъ жителямъ" [1]). Это новое содержаніе календаря и новое доказательство его полезности, даже необходимости для народа. Съ развитіемъ политической жизни народа, интересуютъ его и долго помнятся тѣ событія, которыя послужили и впредь могутъ служить къ славѣ или безславію, силѣ или ослабленію народа. Эти событія записывались и пріурочивались къ извѣстному опредѣленному времени или къ героямъ, которые ознаменовали себя знаменитыми подвигами въ то, а не въ другое время. Самымъ высшимъ почетомъ для этихъ героевъ у Римлянъ было обыкновеніе давать имена ихъ извѣстнымъ мѣсяцамъ. Такъ, для увѣковѣченія памяти Цезаря нашли необходимымъ назвать его именемъ пятый мѣсяцъ римскаго календаря. Въ память многочисленныхъ услугъ имперіи, оказанныхъ Августомъ въ теченіе шестого мѣсяца, этотъ мѣсяцъ былъ названъ его именемъ. Такая честь была рѣдкою. Отсюда тѣ попытки, которыя дѣлали Тиберій, Клавдій, Неронъ, Домиціанъ, чтобы вписать свои имена въ календарь. Такимъ образомъ, въ римскій календарь внесенъ былъ личный интересъ сильныхъ людей, желавшихъ увѣковѣчить память о себѣ въ лѣтосчисленіи. Это лѣтосчисленіе, отъ котораго ждалъ Римлянинъ себѣ счастія или несчастія, сдѣлалось потомъ орудіемъ нравственной порчи и обмана По свидѣтельству Цицерона, жрецы употребляли во зло данное имъ полновластіе и произвольно сокращали продолжительность магистратуры своихъ враговъ и продолжали ее для друзей; ускоряли и продолжали срокъ уплаты долговъ; помогали откупщикамъ дѣлать барыши, или усугубляли ихъ убытки.

Календарь христіанскихъ народовъ не игралъ такой роли, какъ римскій. Главный интересъ его держался на церковномъ времясчисленіи; впрочемъ, издавна рядомъ съ пасхальными таблицами шли замѣтки чисто мірского характера. Долго такимъ образомъ держалось двоевѣріе и въ календарѣ. Оно вошло и въ календарь Брюса. Въ немъ вмѣстѣ съ пасхальными выкладками для распредѣленія христіанскихъ праздниковъ, вмѣстѣ съ молитвами къ дивному Богу, во святыхъ своихъ, Богу Израилеву и Господу Іисусу, идутъ главы, содержаніе которыхъ взято изъ ученій еллинскихъ и еретическихъ. Еще раньше проповѣдникъ жаловался, что неистовыя человѣцы за-

[1]) Тамъ же.

бываютъ Бога, спасающаго насъ, и оставляютъ Творца своего помощь и послѣдуютъ прежнему еллинскому и еретическому злоправному обычаю, понеже нынѣ, въ настоящемъ времени, мнози неразумніи человѣцы оплазивымъ своимъ разумомъ вѣруютъ въ небесное двизаніе, рекше во звѣзды и мѣсяцъ, и расчитываютъ гаданіемъ, потребныхъ ради и миролюбивыхъ дѣлъ, роженіе мѣсяцу, рекше, молоду; иніи жъ усмотряютъ полнаго мѣсяца и въ то время потребная своя сотворяютъ; иніи жъ изжидаютъ ветхаго мѣсяца, иніи жъ ущерба, сирѣчь перекроя... Ови дворы строятъ въ нароженіе мѣсяца иніи жъ въ ти времена женитвы и посяганія учрежаютъ... Итакъ неразумніи человѣцы несвершеннымъ своимъ разумомъ увѣряютъ себе въ преходныя звѣзды, рекше въ водейныя... и семь звѣздъ большихъ планидъ, понеже ищутъ дней роженій своихъ и сановъ полученіе, въ нихъ же ищутъ рока житію и бѣдныхъ напастей и различныхъ смертей и возней въ службахъ и куплехъ, и въ ремеслехъ и въ иныхъ строеніихъ... еретицы отъ бѣсовъ такій плевель всѣяща невѣгласомъ и неразумнымъ и буимъ душамъ на пагубу [1]). Такія улики и жалобы слышались въ ту пору, когда проповѣдники и учителя считали календарныя изчисленія дѣломъ окаяннымъ и богомерзкимъ, возможнымъ для невѣгласовъ и неразумнихъ буихъ душъ. Между ними и ученіемъ отъ божественнаго не было и не могло быть ничего общаго. Календарь Брюса ставитъ всѣ запретныя вѣрованія рядомъ съ ученіемъ христіанскимъ. Въ этомъ сказалось новое время, новые взгляды людей реформы на ученіе человѣческой мудрости, прежде гонимой и осуждаемой. Чрезъ календарь Брюса ученіе астрологовъ нашло себѣ безбоязненный кредитъ въ русскихъ людяхъ, по крайней мѣрѣ, въ передовыхъ дѣятеляхъ того времени. Самъ императоръ стоялъ во главѣ ихъ. Извѣстна его любовь къ астрономіи, его личныя наблюденія надъ звѣзднымъ небомъ, его заботливость о распространеніи въ Россіи книгъ астрологическаго содержанія. Такимъ стремленіямъ государя больше другихъ содѣйствовалъ Брюсъ, мужъ, по выраженію Татищева, высокаго ума, остраго разсужденія и острой памяти [2]). Брюсъ снабжалъ Петра астрологическими сочиненіями; изъ нихъ многое вошло въ календарь.

Календарныя ученія основывались на толкахъ древнихъ и новыхъ

---

[1]) *Лѣтописи*, изд. *Тихонравова*, т. V, стр. 99.

[2]) *Пекарскаго* Наука и лит. при Петрѣ, стр. 303.

астрологовъ о вліяніи планетъ небесныхъ на атмосферу, на многія явленія природы и на самого человѣка:

Седмь бо планетъ дѣйство намъ показують,
Всякаго лѣта качество сказують,
Разныхъ убо вещей измѣненія,
Въ четырехъ временахъ премѣненія:
Яко же бо въ веснѣ, тако и въ лѣтѣ,
Еще же въ осени и въ самой зимѣ
Напослѣдъ убо скорби объявляють,
Еже бо человѣкомъ ся случають [1]).

На основаніи такихъ взглядовъ вся древность вѣрила, что и въ рожденіи человѣка самую важную роль играють солнце и луна. Нужно было поэтому изчислить часы и дни, опредѣлить степень вліянія на рожденіе или зачатіе человѣка небесныхъ тѣлъ, и послѣ того, выводить смѣлое заключеніе о природныхъ свойствахъ человѣка, объ его счастіи или несчастіи, удачахъ въ однихъ дѣлахъ и неудачахъ въ другихъ. Основаніемъ такого ученія служило мнѣніе, приписанное Аристотелю. Человѣка рождаетъ человѣкъ и солнце. Ибо все, какъ поясняетъ эту мысль астрологъ Левинъ, что̀ только существуетъ, благодаря влагѣ и теплотѣ, и что̀ отъ нихъ должно получать свою законченность, все находится въ зависимости отъ движеній солнца и луны. Земледѣльцы, наблюдая это, рубятъ дрова въ то время, когда луна скрылась; это для того, чтобъ они менѣе подвергались порчѣ отъ гнилости и червей, такъ какъ въ это время въ деревѣ бываетъ менѣе влаги [2]). Степенью вліянія на рожденіе человѣка свѣтилъ и влаги опредѣлялось значеніе того фатальнаго часа (hora fatalis), который въ свою очередь обусловливалъ весь ходъ человѣческой жизни.

Несостоятельность этого ученія доказывали очень немногіе скептики XV вѣка; но и эти немногіе не вполнѣ отрѣшились отъ вѣковыхъ убѣжденій. Астрологъ, говоритъ знаменитый Пика Мирандола, невсегда можетъ знать опредѣленный часъ рожденія, не можетъ выяснить его чрезъ вѣрное средство, не въ состояніи узнать того момента, въ который кто-либо рождается. Развѣ не можетъ онъ, вооружившись (accinctus) астролябіей, измѣрить небесныя свѣтила въ ту пору, когда младенецъ появляется на свѣтъ? Но и это можно сдѣлать

[1]) Тамъ-же, 306.
[2]) Levini Lemnii de Astrologia, lib. (p) 12. Сборникъ XVI вѣка латинскихъ и нѣмецкихъ статей.

весьма рѣдко. Ибо невсегда рожденіе бываетъ по волѣ нашей, какъ напримѣръ, бываетъ оно ночью, при облачномъ небѣ... Самъ Мирандола приводитъ въ подкрѣпленіе своихъ соображеній слѣдующія слова Авенродана: „Нѣтъ, и можетъ быть, никогда не было вѣрнаго инструмента, который своимъ наблюденіемъ надъ моментомъ рожденія могъ бы показать что-нибудь ясное. Значеніе гороскопа было всегда шатко“ [1]). Не смотря на это, древніе астрологи, слѣдили за фазами луны, чтобы видѣть отношеніе этого свѣтила къ явленіямъ природы. Особенно важно было для нихъ рожденіе человѣка. Прежде всего вліяніемъ свѣтилъ объясняли зачатіе младенца въ мужескомъ или женскомъ полѣ. Полнолуніе, напримѣръ, считали временемъ, которое благопріятствовало больше рожденію самцовъ или дѣтей мужескаго пола, чѣмъ самокъ и дѣвочекъ. Въ полнолуніе, говоритъ Пика Мирандола, истекаютъ болѣе влажные соки, отъ чего и родится больше мужскихъ плодовъ, чѣмъ женскихъ, больше мальчиковъ, чѣмъ дѣвочекъ [2]). Изслѣдуя вопросъ о вліяніи на рождающагося человѣка небесныхъ свѣтилъ, астрологи находили, что люди, рождающіеся въ разное время года, подъ разными планетами, бываютъ разныхъ темпераментовъ. Вотъ какъ толковали объ этомъ средневѣковые ученые: По времени рожденія дитяти заключай, отъ чего происходитъ то, что нѣкоторыя изъ дѣтей бываютъ живы, добры, стройны, способны къ жестикуляціямъ и съ характеромъ совершенно комическимъ; а по внѣшнимъ примѣтамъ эти дѣти сочны, имѣютъ яркій цвѣтъ лица, выраженіе глазъ ласковое, лицо благообразное и миловидное,—далѣе: отверстіе рта у нихъ имѣетъ красивое устройство, лицо не искривленное, лобъ не суровъ и не нахмуренъ, губы не выдаются безобразно впередъ и не вздуты, зубы не высунулись. А что касается до глазъ, чертъ лица и до вида всего тѣла,—они вполнѣ любезны и граціозны [4]). Галенъ людямъ этого сложенія приписываетъ ровный и соразмѣрный темпераментъ, потому что, благодаря этому темпераменту, сохраняются цѣлыми и неповрежденными всѣ способности какъ тѣлесныя, такъ и душевныя. Другія же дѣти совсѣмъ непохожи на первыхъ: они молчаливы, задумчивы, унылы и смирны не по лѣтамъ. Наконецъ, цвѣтъ лица у нихъ блѣдный и хуже блѣдно-желтаго, взглядъ суровый, лобъ

---

[1]) Pici Mirandulae Opera. Edit. 1504 г. Liber IX, cap. II.
[2]) Ibid.
[3]) Liber III, fol. CXXXVIII, cap. XIV.
[4]) De Astrologia Levin. Lemnii, lib. 10.

сморщенъ [1]). Они, по выраженію Персія, наклоня голову внизъ и потупивъ глаза въ землю, ворчатъ про себя и остаются въ неистовомъ молчаніи и вѣшаютъ свои слова на отвислой губѣ [2]). Всю эту разницу въ свойствахъ человѣка ученые объясняли различнымъ состояніемъ планетъ, имѣвшихъ вліяніе на зачатіе и рожденіе человѣка. Отсюда, по словамъ астрологовъ, многіе родители поставили себѣ за правило избѣгать другъ друга въ нѣкоторые несчастные дни и въ знаменія [3]). Вредными считались въ дѣлѣ рожденія и личныя неблаговидныя состоянія родителей, когда умъ ихъ помрачался гнѣвомъ, печалью или другою какою-либо страстію. Этимъ объясняли наслѣдственность характеровъ. Въ доказательство истинности такого объясненія ученый Левинъ Лемній приводитъ мнѣніе, между прочимъ, Діогена. Онъ, увидѣвъ однажды развратнаго юношу, будто бы сказалъ: тебя отецъ зачалъ въ пьяномъ видѣ (ebrius) [4]). Изъ небесныхъ созвѣздій каждому приписывалась особая сила, которою созвѣздіе это вліяло на человѣка благопріятно или неблагопріятно. Такъ, Марсъ дѣлаетъ людей желчными, раздражительными, вспыльчивыми и производитъ своего рода болѣзни... Сатурнъ будто бы производитъ людей меланхолическаго темперамента, угрюмыхъ, тяжелаго характера, любящихъ язвить другихъ словами и склонныхъ къ лихорадкѣ, возобновляющейся въ четвертый день [5]). Различное вліяніе небесныхъ знаковъ перенесли потомъ на времена года и находили въ каждомъ изъ нихъ свои особыя черты, отражавшіяся и на человѣкѣ. Черты эти обязывали каждаго располагать жизнь свою сообразно съ характеромъ времени. Въ одномъ нѣмецкомъ сборникѣ XV вѣка читаемъ характеристическія черты каждаго времени года примѣнительно къ человѣческой жизни. Лѣто, говорится тамъ, есть второе время года, ясное и жаркое; во время его развивается холерика. Холерики должны беречься мыться, пускать кровь и принимать всякія лѣкарства, должны лучше ѣсть и пить. Или: Осень, третья часть года, холодна и суха. Въ это время усиливается меланхолія; слѣдуетъ употреблять хорошее вино, горячую пищу, принимать лѣкарства и пускать кровь, хорошо употреблять кислое, если кто желаетъ быть здоровымъ [6]). Въ силу этихъ взглядовъ вѣрившіе

---

[1]) Ibid.

[2]) Persii Satir. III.

[3]) Levin. Lemn., lib. II.

[4]) Ibid.

[5]) Ibid.

[6]) Gemeine Practica der veisen von jar zu jar... MDXXX. (Сборникъ XVI вѣка).

въ астрологію обращали вниманіе на то, въ какую часть года родился человѣкъ: по характеру времени объясняли характеръ физическихъ и моральныхъ свойствъ человѣка и образъ его жизни, какъ въ здоровомъ, такъ и въ больномъ состояніи. Такія же наблюденія дѣлались потомъ относительно мѣсяцевъ. Всякій изъ нихъ отмѣченъ былъ своими особыми чертами, опредѣлявшими образъ человѣческой жизни. Въ мѣсяцъ январь, учили книжки, хорошо выпивать вина натощакъ, нужно употреблять на-тощакъ теплые плоды или коренья... кровь пускать изъ лѣвой руки не хорошо... Или: въ мартѣ каждый долженъ часто мыться и купаться, употреблять сладкую пищу и сладко пить, напримѣръ медъ... хорошо кровь пускать изъ большого пальца [1]). Далѣе, западные книжники ставили подъ вліяніе планетъ каждый день недѣли и даже каждый часъ дня, подводя подъ нихъ извѣстные роды человѣческой дѣятельности. Замѣть, учитъ Альбертъ Великій, что каждое дѣйствіе твое должно быть подъ своею планетой. Гораздо лучше, если оно будетъ выполнено въ извѣстный день или часъ, во время извѣстной планеты. При знакѣ Сатурна—дорога, стройка, ученье и пр.; при Юпитерѣ—почесть, богатства, одежда и пр.; при Марсѣ—война, тюрьма (carcer), супружество, врагъ; при Меркуріи—болѣзнь, потеря, долгъ, страхъ, и т. д. [2]).

Подобные взгляды на различіе времени и человѣческой дѣятельности по различію планетъ извѣстны были и нашимъ предкамъ задолго до Брюсова календаря. Только свѣдѣнія эти были мало распространены по малочисленности грамотниковъ и потому, что письменность этого рода была преслѣдуема. Но не смотря на запрещеніе такихъ книгъ, онѣ сильно интересовали вкусившихъ книжной сладости. Въ Луцидаріусѣ довольно вопросовъ касательно разсматриваемаго нами предмета. „Ученикъ рече: коего естества суть звѣзды? Учитель рече: сіе вѣдомо отъ писанія, еже душа приходитъ отъ Бога преже человѣка вольяна бываетъ, сице есть Богъ надъ всѣми звѣздами, и яко убо душу блюдетъ подъ твердію, и кая убо планита ближайши есть ей, отъ тое убо пріемлетъ человѣкъ свое роженіе. Ученикъ: откуду тако сіе? Учитель рече: нѣкія планиты и звѣзды суть студены естествомъ, нѣкія волглы, нѣкія сухи; тѣ самыя естества пріемлетъ человѣкъ отъ звѣздъ. Который человѣкъ студенаго

[1]) Gemeine Practica (страницы не указываются, потому что онѣ не указаны въ книгѣ).

[2]) Liber III Alberti Magni (страницы не указаны въ Сборникѣ).

естества и сухаго, той молчаливъ и невѣренъ, а который студенаго и волглаго естества, той глаголивъ и вся борзо выскажетъ, а который сухаго и горячаго естества, той есть дерзъ и храбръ и имать любовь на всякія жены и непостояненъ въ любви. И того ради пишетъ, яко планита Марса горячаго и сухаго естества, та дѣйствуетъ брани и нестроенія и истязуетъ паче всѣхъ нечистоту" [1]). Авторъ Луцидаріуса захватываетъ вопросъ глубже обыкновенныхъ взглядовъ астрологовъ. Онъ объясняетъ будущую міровую катастрофу связью міра съ планетами. Небесное естество, говоритъ онъ, толь крѣпко, еже земляному одолѣваетъ и луна пріемлетъ мощь отъ солнца, и не дивися еже міръ судится по лунѣ, отъ четырехъ бо составъ сотворена.... Луна есть меньшая планета и течетъ всѣхъ нижайши къ земли. Того ради судится весь міръ по ней. Подробности о планетахъ и перемѣнахъ времени сообразно съ ними разсыпаны по отреченнымъ тетрадямъ нашихъ древнихъ сборниковъ. Такъ, въ статьѣ „О лѣтномъ обхожденіи и воздушныхъ премѣненіихъ" подробно указаны теченія планетъ и особенно луны, при чемъ человѣку указанъ извѣстный образъ дѣятельности. Укажемъ на два мѣсяца: май: 13-го мая всходитъ луна на столпъ Близнецу, еже есть животно третіе, 12 тихъ планитъ, есть же тепло и студено, посреди воздухъ и вара растительно крови и черныя желчи; должны есми ясти млеко прѣсно и масло скотіе и ясти былія очистительная, и студены воды пити и врачеватися.... Іюня: отъ 22-го іюнія всходитъ на столпѣ Раку и вѣждь—се понеже луна возносится выше и бываетъ лѣтно знаменіе, занеже снити на Раку еже есть вѣрно животно и сухо; должны убо есми удалятися мокротныхъ снѣдей, ясти елика оцта кисла и не коснѣти въ бани; умывати же и нозѣ студеною водою... [2]). Въ другой статьѣ „Стихія дванадесятомъ мѣсяцомъ" каждый мѣсяцъ отъ своего лица заявляетъ о той дѣятельности, которая прилична ему. Іюнь: Азъ траву серпомъ пожинаю и земледѣлателей предуготоваю на жатву и повелѣваю человѣкомъ вкушати воду на всяко утро, за еже тогда умножается черная желчь, и пользуетъ зѣло пити воду на гладно сердце. Августъ: Азъ повелѣваю ясти овощіе, и вси страждущеи отъ трясавица насыщайтеся пищи; удалѣти же подобаетъ всякому отъ лежанія и покоя" [3]). Въ старинныхъ рукописяхъ указана была вся

[1]) *Лѣтописи Русск. Литерат.* т. I. Луцидаріусъ, стр. 56.
[2]) Памятники Отреч. Русск. Лит. II, 399.
[3]) Пам. Отреч. Лит. II, 403.

„Мудрость знаменію небесному, почему разсудити планеты небесныя, что на кой годъ будетъ; избрана многими сія премудрость". „Лѣто 6-е", напримѣръ, „дѣва, августъ. Благо и дешево будутъ всякіе товары, а будетъ зима тепла, а лѣто дождливо. Аще увидиши 3 звѣзды быстры и красны, полнымъ свѣтомъ, будетъ людемъ добро: аще не полнымъ свѣтомъ, то людемъ всякимъ зло и тяжело будетъ отъ востока, а овоща и меду много будетъ. А кто родится въ ту звѣзду, будетъ силенъ, и лживъ, и развратенъ" [1]). Подъ каждымъ лѣтомъ и зодіемъ указаны здѣсь черты характера человѣка, родившагося въ ту пору, и пророческія указанія на его жизнь и смерть, въ родѣ слѣдующаго: аще кто родится въ ту звѣзду (Стрѣлецъ), будетъ младенецъ немощенъ, а выростетъ, будетъ предъ царемъ въ чести великой, а кровопроливецъ людемъ; или: аще кто родится тоя звѣзды (Рыбы), будетъ хитръ на всякое дѣло, смерть ему отъ чрева. Родившемуся въ январѣ (Водолей) обѣщается, что будетъ богомолецъ и милостивъ, а смерть ему будетъ отъ желѣза напрасная, и т. д. Въ статьѣ о дняхъ лунныхъ, по изданію г. Тихонравова, прежде всего всякому дню предпосылается какой-нибудь фактъ изъ библейской исторіи Ветхаго Завѣта, и потомъ опредѣляется значеніе того дня относительно рожденія человѣка и житейскихъ его занятій. „Въ первый день луны Адамъ сотворенъ бысть. Той день на все строенъ, купити и продати, и по водѣ плавати, сѣяти и садити и власы урѣзати, тонци и гладци бываютъ.... свадьбы творити, порты кроити.... Аще родится мужескъ полъ, веселъ будетъ и разуменъ во всемъ, мудръ книжникъ будетъ, а долго жити... Тако и женски полъ родится честна и вѣрна своему мужу, а злы невѣстенъ сонъ сбудется. Больному страхъ смерти до трехъ дній, аще минетъ й изцѣляетъ". Или: „Въ 3-й день Каинъ родися. Той день золъ и лютъ вельми; осуженнаго ради Каина всего блюстися: ни купити, ни продати, ни сѣяти, ни садити; аще свадьба сотворитъ, скоро разлучится.... Аще родится, образно будетъ, тяжебникъ и ротникъ, и клятвенникъ, и гнѣвливъ, мудръ и хитръ всѣмъ злымъ дѣломъ, и скупъ будетъ, и аще старости дойдетъ—добрѣ умретъ. Тако женски полъ родится—дерзска многимъ мужемъ будетъ, не будетъ измѣняющеся ей...." [2]).

Сближеніе дней съ историческими событіями извѣстно было древнимъ Египтянамъ, Грекамъ и Римлянамъ, а также и новымъ христіан-

---

[1]) Пам. Отреч. Лит. II, 423.

[2]) Пам. Отреч. Лит. II, 388.

скимъ народамъ западной Европы. Думаютъ, что у Египтянъ и нѣкоторыхъ народовъ христіанскихъ злополучными днями считались тѣ, въ которые Египтяне были поражаемы Моисеевыми казнями, особенно же тотъ день, въ который Фараонъ погибъ въ морѣ со всѣмъ воинствомъ своимъ [1]). У Грековъ и Римлянъ черными днями считались дни неудачныхъ битвъ. Они помнились и хранились и въ эпоху христіанскую. Какъ бы то ни было, въ древнѣйшихъ христіанскихъ календаряхъ указывались дни, неблагополучные для жизни человѣка, особенно если въ тѣ дни онъ родился. По списку Петра Бреславскаго (Petrus Breslayus) указаны слѣдующіе дни: мѣсяца января 1 и 25, февраля 4 и 26, марта 1 и 28, апрѣля 10 и 20, мая 3 и послѣдній (ultimus), іюня 10 и 17, іюля 13 и 27, августа 1 и 24, сентября 3 и 21, октября 3 и 22, ноября 5 и 28, декабря 7 и 22 [2]). Числа нашихъ индексовъ съ указанными въ приведенныхъ цифрахъ не сходятся.

Всѣ указанныя нами розысканія ученыхъ астрологовъ и догадки нашихъ грамотниковъ нашли мѣсто въ календарѣ Брюса. Между прочимъ, въ немъ подробно изложено „Предзнаменованіе времени на всякій годъ по планетамъ". Составители календаря прикрылись въ этомъ случаѣ книгой астролога Іоганна Загана. По планетамъ можно было узнать „не точію знаменованіе времени, но и многихъ расположенныхъ избранныхъ вещей, которыя дѣются отъ каждой сильнѣйшія и господствующія планеты, чрезъ каждый годъ во вся четыре времени всего лѣта". Въ тетради нашего календаря каждая планета изображена въ человѣческомъ образѣ. Подъ рисункомъ — имя планеты и всѣ примѣты относительно состоянія атмосферы во всѣ четыре времени года, изобилія или скудости хлѣбовъ, скотовъ, птицъ и гадовъ, и наконецъ, относительно здоровья человѣка. Укажемъ на примѣты подъ планетою „Луна", какъ приведены онѣ въ календарѣ. О погодѣ говорится: „Рѣдкія непогоды, ниже вредныя, обаче необыкновенныя; изліяніе водъ, вѣтры хищающіе и зѣло великіе а особливо зимою". О хлѣбородіи говорится: „Сѣяніе дабы было не поспѣшное— овесъ, горохъ, больше сочевица, пшено сорочинское помѣрно; гусеницы вредятъ всѣмъ и всякія огородныя овощи, ленъ и конопли не самоуродятся, сѣна обиліе, обаче не въ горахъ; въ лѣто теплѣйшее ячменя множество. Соломы множество, но яроваго и пшеницы не

[1]) Majoli—Dies caniculares, p. 573.
[2]) Dies canicul., p. 573.

столь много; сѣяніе раннее имать быти..." Относительно того, какой вредъ можетъ быть хлѣбамъ, сказано: „Всякихъ гадовъ множество многое—гусеницы, мышей лѣтомъ множество, черви изъядаютъ посѣянный хлѣбъ" [1]). Нельзя не видѣть, что вся разбираемая статья календаря составлена въ интересахъ земледѣльческаго класса. О болѣзняхъ въ ней замѣчено: скорби жестокія, палящія, а особливо во осени — паралишъ, пухлина на селезенкѣ, болѣзни рожи, недугъ бокоболіе. Овцы и пчелы зимою скоро помираютъ.

Что касается до участія небесныхъ знаковъ въ рожденіи человѣка и вліянія ихъ на всю его жизнь — то объ этомъ предметѣ въ календарѣ Брюса сообщены довольно обстоятельныя подробности. Календарь въ этомъ отношеніи подвелъ итогъ всему, что было выработано досужими астрологами, о чемъ трактовали наши отреченныя тетради, и что, кромѣ того, издавна держалось въ практической жизни народа. Въ календарѣ имѣется особая статья „Описаніе двоюнадесяти небесныхъ знаковъ дѣйствъ въ рожденіи человѣческомъ". Проводимъ описаніе дѣйствъ подъ знакомъ Овна: „Отроча рождшееся между 12 днемъ Марта и 12 днемъ Априлія есть наклоненія знакъ Овна, отъ естества Марса... мужескаго изряднаго тѣла долговатаго лица и шеи, мало крови имѣетъ—круглый образъ, великія очи, жилы на лбу, кудрявъ и многоволосенъ и любезно глаголив... скораго ума и смысла, скоро гнѣвливъ, нечистъ, не цѣломудренъ, скоролюбивъ къ женамъ и скоро покидаетъ; естество его требуетъ трехъ честныхъ женъ: первую младую дѣвицу, вторую вдову или инако не дѣву... чести любитель, славы ищетъ.. Болѣзнь или недугъ тѣла бываетъ часто въ ногахъ, въ главѣ или слухъ въ лѣвой сторонѣ.. смерть случится за мужество... Когда солнце въ „Дѣвахъ", да бережется злыхъ напитковъ и пищъ и да не начинаетъ много,— въ „Вѣсахъ" имѣетъ счастіе, женится въ „Скорпіи" и проч. Дѣва рождшаяся въ указанное время... пригожа взоромъ... смѣющаяся является устами, веселыя очи, пригожія власы на главѣ... болѣзни ея суть болѣзни матернія чрева и внутренняго... несчастіе ея въ рожденіи дѣтей, крѣпко любитъ мужа своего... случаи болѣзней и смерти содержатся въ земляхъ..." и пр. [2]). Такія подробности не могли не интересовать читателей Брюсова календаря. Своимъ многостороннимъ содержаніемъ онъ обнималъ всѣ стороны человѣческой жизни; онъ

[1]) Календарь, листъ 26.

[2]) Календарь, листъ 3-й.

сводилъ въ одно цѣлое всѣ разрозненныя и смутныя гаданія отдаленной старины. Эти гаданія, осуждаемыя прежде, какъ ересь и чернокнижіе, въ календарѣ высказаны безбоязно и приписаны одному лицу, какъ величайшему знахарю и чудодѣю. Книга этого знахаря манила къ себѣ любопытныхъ, они беззапретно читали ее, въ сытость удовлетворяя своему любопытству. Безвозвратно прошло то время, когда такое любопытство называли безуміемъ: „Безумніи людіе вѣрующе въ 12 звѣздъ волхвуютъ, ищуще дней роженій своихъ, сановъ полученія" и т. д. Брюсовъ календарь, такимъ образомъ, представляетъ одно изъ тѣхъ многихъ явленій реформаціонной Петровской эпохи, когда многое, непонятное и отвергнутое прежде, усвоялось русскимъ человѣкомъ охотно и небезуспѣшно, когда новая жизнь больше и больше осиливала несостоятельную старину.

Присматриваясь къ содержанію Брюсова календаря, нельзя не замѣтить въ немъ одной важной особенности. Съ одной стороны, замѣчанія его отличаются подробностями и уходятъ въ глубину древне-русскихъ отреченныхъ вѣрованій, обобщая ихъ съ вѣрованіями другихъ народовъ, а съ другой — календарь мало касается нѣкоторыхъ изъ древне-народныхъ вѣрованій. Къ числу послѣднихъ относятся вѣрованія народа во вліяніе планетъ на политическія событія. На этомъ пунктѣ календарь Брюса разошелся съ прежними календарями, завезенными къ намъ съ Запада. Русскій народъ въ XVIII вѣкѣ такъ же вѣрилъ въ вѣщее значеніе небесныхъ явленій кометъ, разныхъ сіяній, огненныхъ столбовъ, какъ вѣрилъ имъ въ предшествовавшую пору. Составители Брюсова календаря не привели гаданій народныхъ о политическихъ изворотахъ, считая эти гаданія не своевременными для той поры, когда лучшіе люди Русской земли начинали знакомиться съ новыми, трезвыми взглядами на политическія событія, когда самъ императоръ, вѣровавшій въ гороскопъ, мало вѣрилъ въ политическія указанія Фохтова календаря. Онъ, знакомый съ европейскою политикой на дѣлѣ, не могъ интересоваться астрологическими и суевѣрно-народными бреднями о ней. Онъ не стѣснялся пополнять и толковать въ календарѣ Фохта намеки на политику европейскихъ народовъ, поправляя темныя и невѣрныя указанія своими замѣтками. На нѣкоторыя изъ календарныхъ предсказаній царь смотритъ съ ироніей, какъ на свободную игру фантазіи. Такимъ образомъ, календарь Брюса, стоя на грани между реформой и стариной, не отрѣшаясь во многомъ отъ этой старины, дѣлаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ шагъ впередъ, не останавливаясь много на суевѣрныхъ

толкахъ о политическихъ событіяхъ. Но чтобы видѣть, какъ много было общаго между вѣрованіями Русскаго народа и западными толками о политическихъ комбинаціяхъ, по вліянію планетъ,—укажемъ на нѣсколько западно-календарныхъ ученій объ этомъ предметѣ. Вѣрованія нашихъ предковъ хорошо извѣстны по многочисленнымъ замѣткамъ лѣтописцевъ, по народнымъ разказамъ, по многимъ отреченнымъ тетрадямъ и по обличительнымъ статьямъ этихъ вѣрованій Максима Грека и другихъ древне-русскихъ писателей.

Во всѣхъ иностранныхъ календаряхъ политическія соображенія занимали самое видное мѣсто. Имъ вѣрила масса, отъ нихъ не могли отрѣшиться и знаменитые ученые Запада. На теченіе звѣздъ они смотрѣли, какъ на причину, правившую всею вселенною и судьбою народовъ. Необыкновенныя явленія на небѣ, особенно явленія длинохвостыхъ кометъ, считали они знаками грядущихъ несчастій и гнѣва Божія на всю страну. Такія даже личности, какъ Кеплеръ, не отрицали зависимости политическихъ явленій отъ вліянія кометъ. Кеплеръ хотя говоритъ, что астрологія habet multum vanitatis et majore ex parte indigna est, однако, самъ въ четвертой книгѣ своей „Гармоніи міра" указываетъ на связь общественно-политическихъ событій съ теченіемъ созвѣздій [1]). Укажемъ только на тѣ изъ подобныхъ ученій, которыя вошли въ западные календари и близки къ вѣрованіямъ древне-русскимъ. Пользуемся предсказаніями па 1587—1589 годы, по статьѣ латинскаго сборника XVI вѣка. По поводу затмѣнія въ 1387 году авторъ прогностика говоритъ слѣдующее: „Дѣйствія этого затмѣнія будутъ велики и ужасны, начнутся въ 1587 году, въ 15-й день мая, и продолжатся чрезъ весь 1588 годъ до апрѣля 1589 года; этимъ затмѣніемъ знаменуется смерть какого-нибудь могущественнѣйшаго царя или правителя и многія несчастія сильныхъ владѣтелей,—знаменуются преслѣдованія въ церкви, возмущенія и ужасы войны.... погибель ученыхъ мужей, развратъ дѣвицъ.... Всѣ эти бѣдствія окажутся въ слѣдующіе три года и какъ бы роемъ устремятся всюду на друзей и на враговъ. Это затмѣніе предвѣщаетъ также многія кораблекрушенія" [2]). Авторъ грозной іереміады такъ искренно и глубоко пораженъ близкими несчастіями, что по поводу ихъ высказываетъ слѣдующія жалобы: „Я удивляюсь и опять удивляюсь, что затмѣніе

[1]) Astrologie (*Johann Lanuel Traugott Lehler's* Phisikalischer Wörterbuch).

[2]) Judicium astrologicum de futuris eventibus anni 1587, 1588 и 1589. David Herlitz, MDLXXXVI (1586) (страницы не указаны).

это не было замѣчено въ дневникахъ... Мы спимъ среди бѣдствій и безпечно покоимся на оба уха.... О Боже, избави насъ отъ лукаваго! О Германія, Германія! Сколь много ты увидишь чудеснаго. Хотя я не желалъ бы долѣе жить въ этомъ развращеннѣйшемъ мірѣ и въ эти бурныя времена, однако, сильно желалъ бы знать исходъ событій 1587—1589 годовъ, Впрочемъ, да будетъ воля Божія, и да погибнетъ міръ со всѣми діаволами. Возстаньте же вы, дѣти земли, не спите болѣе такъ безпечно!..." [1]). Авторъ прогностика прямѣе потомъ указываетъ на политическія явленія и династическія перемѣны, какъ предвѣщали ихъ затмѣніе и извѣстный ходъ планетъ. Онъ говоритъ: „Соединеніе Сатурна и солнца 17-го апрѣля 1587 года и прямой Марсъ 18-го апрѣля принесутъ смертнымъ страшныя извѣстія, и едва ли къ тому времени не предпримутъ что-нибудь относительно Польши, или Турокъ, или Московитъ.... Тогда же великіе цари подвергнутся тяжкимъ болѣзнямъ и будутъ бороться съ ними съ большою для себя опасностію". По поводу другихъ сочетаній между планетами, календарь говоритъ о бѣдствіяхъ нѣсколькихъ странъ; „Марсъ возвышается надъ Сатурномъ близъ сѣверной чашечки (prope lancem borealem); это сочетаніе грозитъ Даніи, Швеціи и Польшѣ погибелью великихъ мужей отъ войны и язвы. Особенно же большая печаль будетъ въ Саксоніи.... Соединеніе Венеры и Меркурія въ Скорпіонѣ возвѣститъ не доброе благовѣстіе, но многія бѣдствія, особенно изъ странъ восточныхъ и южныхъ, гдѣ будетъ большой плачъ; печаль распространится въ Саксоніи, которая лежитъ гораздо выше..." [2]). Видно, что грозныя вѣсти прогностика наводили страхъ на довѣрчивыхъ читателей, и авторъ счелъ нужнымъ успокоить робкихъ и отчаянныхъ. Онъ замѣчаетъ слѣдующее: „Я говорилъ такъ, совсѣмъ не желая приводить тебя, читатель, въ отчаяніе. Ибо я не такой, чтобы желалъ изъ души твоей исторгнуть всякую надежду на лучшее, и чтобы казаться, что предписываю Богу то, что̀ Онъ будетъ дѣлать. Это написано для мудрыхъ, то-есть, для тѣхъ, которые хорошо разсуждаютъ. Сужденія прочихъ мы считаемъ за ничто..." [3]). Но всѣ общественныя и политическія волненія и потрясенія не такъ казались страшны, какъ перемѣны въ церкви, о которыхъ вѣщали небесныя явленія. Съ этой стороны западные календари представляютъ

---

[1]) Ibid.
[2]) De futuris eventibus 1588 an.
[3]) Ibid.

не бѣдный матеріалъ для историка церкви. Въ нихъ онъ услѣдитъ черты церковныхъ раздоровъ, которые возникли вмѣстѣ съ протестантскою реформой. Календари наши, начиная съ Брюсова, не имѣли ничего подобнаго. Особенно не могли они заносить на страницы свои рѣзкихъ выходокъ противъ церковныхъ новизнъ, какъ дѣлали это календари на Западѣ. Сказавъ о различныхъ настроеніяхъ въ церковно-религіозной жизни, авторъ указаннаго календаря восклицаетъ: „И ты думаешь, что Христосъ нашелъ бы какую вѣру, еслибы поспѣшилъ прійдти? Ахъ! прійди, благій Христосъ! Ибо пришелъ вечеръ міра, пришелъ уже вечеръ. Ахъ, прійди благій Христосъ!" Этотъ вечеръ означалъ скорую кончину міра, которую пророчили календари. Однимъ изъ сильнѣйшихъ признаковъ ея считались безпорядки въ церкви. Церковь сравнивается съ богатою матроной, а нечестивый міръ—съ богатымъ и безчестнымъ купцомъ. Обращая вниманіе читателей на необыкновенное сочетаніе планетъ въ 1585 году, авторъ календаря говоритъ: „Если бы мы не были безчувственны, какъ камни и деревья, то все это должно было бы по истинѣ воспламенить насъ и подвинуть къ исправленію жизни и произнесенію горячихъ обѣтовъ Богу, которому мы вскорѣ отдадимъ отчетъ въ прошедшей жизни. Еслибъ учитель (Doctor Papa) внимательнѣе взглянулъ на это, то онъ сталъ бы думать не объ измѣненіи календаря, а объ исправленіи своихъ смердящихъ монаховъ, также объ измѣненіи канововъ и исправленіи нечестій, въ которыхъ подвизается этотъ вѣроломный врагъ Бога и сынъ діавола...." [1]). Указанныя особенности западныхъ календарей характеризуютъ то взволнованное настроеніе умовъ, какимъ отличался реформаціонный XVI вѣкъ, когда и астрологія обратила свое вниманіе на религіозные вопросы жизни. Здѣсь, въ церкви и въ народной нравственности, она находила обильную пищу для своихъ предсказаній. Ничего подобнаго, ни со стороны политической, ни со стороны церковной, не было въ календарѣ Брюса. Въ понятіяхъ составителей его политика и особенно церковь стояли слишкомъ высоко надъ уровнемъ общественной жизни, и не было въ этой области мѣста никакимъ догадкамъ астрологовъ, не шли туда и древне-народныя воззрѣнія. Настала, стало быть, другая пора жизни: ни царь, ни лучшіе изъ его дѣятелей, люди книжные не па старый ладъ, не боятся явившейся звѣзды, какъ было прежде, не видятъ въ ней кары Божіей или вѣстника страшныхъ переворотовъ въ цар-

[1]) De futuris eventibus 1589 an.

ствахъ земныхъ, не запрашиваютъ заѣзжихъ знахарей о томъ, не предвѣщаетъ ли комета опаснаго мороваго повѣтрія или другой бѣды [1]).

Что касается до вопросовъ изъ частной жизни человѣка, то здѣсь календарь Брюса ничѣмъ не разнится отъ вѣрованій нашей старины и отъ ученія западныхъ астрологовъ. Укажемъ для примѣра на вопросъ о лѣченіяхъ разныхъ недуговъ и особенно о кровопусканіи. Желая проникнуть въ состояніе организма человѣческаго—здороваго и больнаго, въ причины болѣзней и въ средства излѣчивать ихъ, астрологи слѣдили за фазами луны. Они говорили, что въ первую четверть молодого мѣсяца, при возрастаніи луны, въ тѣлахъ увеличивается влажность, и наоборотъ, при уменьшеніи луннаго диска слѣдуетъ уменьшеніе животной влаги. Эти перемѣны были наблюдаемы медиками. Такъ говоритъ Пика Мирандола [2]). Медики совѣтовали больнымъ, прибавляетъ онъ въ другомъ мѣстѣ, остерегаться нѣкоторыхъ дней. Сами они молодую луну считали временемъ благопріятнымъ для пусканія крови (venam incidere). Астрологъ и медикъ Левинъ говоритъ, что многія болѣзни возвращаются въ извѣстныя и опредѣленныя времена и снова усиливаются вслѣдствіе влаги, движимой (въ организмѣ) вліяніемъ звѣздъ; такъ, подверженные ударамъ и эпилепсіи большею частію страдаютъ этими недугами тогда, когда луна или начинается, или является полною, когда при этомъ небо бываетъ облачно, и дуютъ южные вѣтры, и самое свѣтило бываетъ обращено на тѣ части тѣла, въ которой скрывается влага, составляющая причину и источникъ этихъ страданій [3]). Относительно кровопусканія астрологъ говоритъ: врачъ долженъ внимательно наблюдать состояніе звѣздъ при изслѣдованіи и лѣченіи болѣзней, при даваніи пилюль, вскрытіи жилъ, возбужденіи мѣсячныхъ, остановившихся вслѣдствіе болѣзни. Такъ, для того, чтобы помогало знаніе природы, я, говоритъ Левинъ, предписываю, чтобъ у юношей и дѣвицъ, которые имѣютъ нужду въ этомъ средствѣ для предотвращенія болѣзней, вена была вскрываема около молоточковъ (malleolos) во время новолунія или полнолунія, или же у нихъ должно производить разрѣзъ въ бедрахъ посредствомъ наложенія банокъ [4]).

---

[1]) *Рихтеръ*, Исторія медицины въ Россіи, т. II, 217—218.
[2]) Pici Mir., liber, III, fol. CXXXVIII, cap. XIV.
[3]) Levini Lemni de Astrologia.
[4]) Ibid.

Въ нѣмецкихъ народныхъ календаряхъ помѣщались отдѣльныя статьи о кровопусканіи, при чемъ обращалось вниманіе и на состояніе луны. Такъ указывалось, какъ и изъ какихъ членовъ тѣла пускать кровь въ новую луну или въ полнолуніе: можно было пускать тогда кровь изъ головы и другихъ частей; замѣчалось, что на шеѣ, или подбородкѣ, обѣихъ рукахъ, колѣняхъ и ногахъ должно пускать кровь предъ обѣдомъ, а на рукахъ—послѣ обѣда или ѣды; не слѣдовало пускать кровь изъ члена, на который простиралась луна [1]). Наша древняя письменность не бѣдна также указаніями на то, какъ, судя по времени, слѣдуетъ относиться къ больному и къ болѣзни его. „О разболѣвшемся человѣкѣ зри внимательнѣ", учитъ древній грамотникъ; „смотри болящаго и сочти въ который день—назнаменай его недугъ, и обрящеши день паденія его; тогда разсмотри, въ коемъ зодіи есть бяше луна, егда падеся въ недугъ, и аще обрящеши—блюди и разсмотри, добро ли есть зодіе оно или зло, или посреднее"... Изъ этого выводили, много ли больной поболитъ, умретъ или изцѣлится [2]). Считая метаніе крови-руды наилучшимъ лѣкарственнымъ средствомъ, книжники записывали относительно этой операціи всѣ подробности. Ими наполнялись потомъ древніе лѣчебники. Главное вниманіе они обращали на дни, въ которые пущать и не пущать руду. Въ Румянцевскомъ Музеѣ указано „списканіе искусныхъ врачевское время кровь пускати". Въ немъ указано: Мѣсяца марта отъ 25-го числа мая по 13-е число кровь пущать, а мая отъ 13-го числа сентября до 20-го числа не пущать и т. д. А въ тѣхъ указныхъ временахъ небеснаго мѣсяца, сирѣчь луны въ 1-й съ утра пущай, во 2-й день и въ 3-й день въ полудни пущай и т. д. [3]). Въ другихъ древнихъ памятникахъ статьи о кровопусканіи отличаются такою подробностію, что самые дни подраздѣляются на части, въ которыя можно было или нельзя пускать кровь. Такъ статья о кровопущеніи, изъ астрологіи нашей старины, говоритъ: наставша луна 1 день рано пущай, 2 день пополудни пущай, 3 день пополудни пущай, 6-й весь не пущай, 7-й весь пущай... 16-й утрѣ пущай... 25-й вечеръ пущай и т. д. [4]). Календарь Брюса не позабылъ разсматриваемаго вопроса о кровопусканіи. Въ немъ указано на время, въ какое „кровь пущать" или „кровь и жиль-

[1]) Gemeine Practica.
[2]) Пам. Отр. Литер., II, 414.
[3]) Описаніе Рум. Муз., стр. 365.
[4]) Пам. Отр. Литер., II, 410.

ную руду пущать" [1]). Календарь указываетъ также на другія діэтическія и гигіеническія правила, сообразно со временемъ дня и ночи. Эти указанія не отличаются подробностію, и древнія отреченныя тетради были въ этомъ отношеніи полнѣе. Въ статьѣ стариннаго лѣчебника „Моисеева заповѣданія естественная смотряема на кійждо мѣсяцъ" говорится: мѣсяца генваря на еще сердце три похищенія вина испивай, февраля свеклы не яждь, марта сладко яждь и пій, іюля съ женою не совокуплятися... ноября не мойся.. декабря капусты не яжъ..." Но все-таки нельзя не замѣтить, что календарь Брюса во многомъ отожествлялся съ вѣрованіями старины касательно образа жизни человѣка. Эта сторона его больше другихъ привлекала къ себѣ читателей. Они слышали о Брюсѣ, какъ о великомъ знахарѣ-чудодѣѣ и вѣрили, что знахарь этотъ не могъ дать плохихъ совѣтовъ относительно того, какъ лѣчить болѣзни, какъ бить жильную кровь и проч.

Громъ и молнія вездѣ и всегда сильно поражали человѣка, не понимавшаго естественныхъ причинъ этого явленія. У всѣхъ народовъ, въ раннюю пору жизни ихъ, громъ и молнія были принимаемы какъ чудесныя знаменія, вліявшія на политическій и общественно-экономическій строй жизни. Не говоря уже о народахъ классической древности, и народы западной Европы соединяли съ громомъ и молніей тѣ же самыя вѣрованія, которыя составляютъ содержаніе нашихъ молніянниковъ и громниковъ и указаны потомъ въ календарѣ Брюса. Рано въ нашей древней письменности появились разсужденія о громѣ, молніи и ихъ вѣщемъ значеніи; рано потомъ послышался и обличительный голосъ проповѣди противъ этого суевѣрія. Какъ видно, громомъ и молніей пользовались у насъ для излѣченія болѣзней: „Стрѣлки и топорки громныя нечестивая и богомерская вещь, аще недуги и подсыванія и огненныя болѣсти лѣчитъ" [2]). Индексъ суевѣрій XVII вѣка замѣчаетъ, что нѣкоторые громъ слыша валяются. Въ другомъ мѣстѣ того же индекса замѣчено, что громъ, въ ряду другихъ примѣтъ, предвѣщаетъ моръ и войну. „И громъ громитъ и буря вѣетъ.. моръ будетъ и война востанетъ".. [4]). Въ этихъ примѣтахъ видно стремленіе нашихъ предковъ объяснить громомъ и молніей явленія въ

---

[1]) *Пекарскаго*, Наука при Петрѣ I, стр. 307.

[2]) *Лѣтописи Русск. Литер.*, т. I, 150.

[3]) Опис. Рум. Музея, стр. 283.

[4]) Тамъ же, 551.

области общественно-политической и хозяйственной. У древнихъ Грековъ и Римлянъ, смотрѣли на громъ и молнію, именно какъ на предвѣстія перемѣнъ политическихъ. Апокрифическія сказанія народовъ христіанскихъ видѣли въ громѣ и молніи борьбу свѣтлыхъ силъ съ темными. Въ апокрифической бесѣдѣ Панагіота съ Фрязиномъ Азимитомъ о молніи говорится слѣдующее: девять ангеловъ собравшись на небеси, радуются о славѣ божественной и трепещутъ своими крыльями, и отъ ударенія облака идутъ по аеру, гремятъ и дождятъ, а отъ силы ангельской исходитъ огонь и молнія, съ великимъ громомъ на проклятаго змія [1]). Подобное объясненіе читаемъ въ Луцидаріусѣ: „Ученикъ рече: откуду бываетъ громъ и молнія? Учитель рече: сіе бываетъ отъ сраженія облаковъ: егда 4 вѣтры отъ моря придутъ и сразятся на аеръ, и смѣсится огонь вкупѣ, и бываетъ буря сильна, еже и воздухъ растерзати, и бываетъ стукъ великъ, его же мы слышимъ громъ,—бываетъ же въ то время молнія, и исходятъ на землю падающе стрѣлки громныя и топорки сероведны, и сіе бываетъ на устрашеніе демоновъ, зане бо демони наблюдаютъ тогда, на кую страну Богъ казнь напуститъ“ [2]). Съ теченіемъ времени, когда болѣе и болѣе осложнялись земледѣльческія отношенія человѣка къ природѣ, когда притомъ больше и больше сталъ онъ подмѣчать вліяній этой природы на свой организмъ, — расширялся и взглядъ на значеніе грома и молніи. Въ громники и молніяники входятъ подробности — какъ, въ какое время года, мѣсяца, дня и ночи громъ и молнія предвѣщаютъ извѣстныя перемѣны въ воздухѣ, на землѣ, въ здоровьи людей, и пр.

„Сказаніе о громѣ луннемъ“ говоритъ объ этомъ слѣдующее: „мѣсяца сентября—аще гремити растущей лунѣ, то всѣмъ обиліе и здравіе, а царю погибель и болѣзнь; пшеницы и сочива много, а соли оскудно; аще ли сходящей лунѣ гремитъ, то рань снѣгъ и зима“.... Или: „мѣсяца маія—аще гремитъ растущей лунѣ, то цареву двору радость велія, и мужемъ смерть и скотомъ. Аще ли сходящей лунѣ гремитъ, то ези будутъ“... [3]). Съ развитіемъ астрологіи, въ западные громники, а изъ нихъ и въ наши, вносились сказанія о громѣ и молніи, подъ какимъ зодіемъ былъ громъ [4]) Древніе молніяники давали мол-

---

[1]) Очерки *Буслаева*, II, 501.
[2]) *Лѣтопись рус. литер.* I, 57.
[3]) Памят. Отреч. Лѣт. II, 366.
[4]) См. Памятн. р. отр. лит., II, 360 и слѣд.

ніи различное значеніе по различію дней, въ которые бывала она: Мѣсяца маія—аще ударитъ молнія въ 10-й день, то гладъ приноситъ; мѣсяца іюнія въ 20-й день аще ударитъ молнія—мужемъ скора пагуба, мѣсяца іюлія день 15-й, 22-й, аще ударитъ молнія—царь измѣнится, и т. д. [1]). Почти всѣ древніе громовники и молніяники, извѣстные въ древнерусской письменности, переведены или переписаны съ рукописей южно-славянскихъ, безъ всякой перемѣны. Въ нихъ указаны подъ рядъ всѣ двѣнадцать мѣсяцевъ, въ которые прогремитъ громъ или ударитъ молнія, при чемъ не исключены и такіе, въ теченіе которыхъ въ Россіи не можетъ быть ни грома, ни молніи. Въ этомъ случаѣ наши грамотники предлагали любопытству читателей сказанія о громѣ и молніи безъ всякаго разбора и указанія особенностей климатическихъ. Но и безъ этого условія древніе громники и молніяники, касаясь интереснѣйшаго явленія природы, интересовали русскихъ читателей. Составители Брюсова календаря поступили въ этомъ случаѣ иначе. Они указали на громъ и молнію только въ лѣтніе мѣсяцы, связавъ эти явленія съ другими перемѣнами въ атмосферѣ. Подъ зодіями, при которыхъ бываетъ громъ и молнія, указаны примѣты, тѣсно связанныя съ этими явленіями. Въ тетради нашего календаря помѣщена особая статья „Предзнаменованіе времени". Въ ней указаны примѣты въ родѣ слѣдующихъ: громъ и молніи—грады, отпущеніе теплоты, сухи вѣтры, теплота преизлишняя; или: громы—дожди, вѣтры мокрые или дожди, перемѣненіе воздуха и пр. Изъ этого видно, что календарь Брюса и здѣсь не держался слѣпо книжныхъ ученій о громѣ и молніи, а указалъ на эти явленія въ связи съ тѣми перемѣнами и примѣтами, которыя держались въ жизни русскаго человѣка, или по крайней мѣрѣ, которыя были ближе къ климатическимъ условіямъ Русской земли.

Въ заключеніе сказаннаго остается прибавить, что хотя календарь Брюса, по содержанію своему, стоитъ ближе къ древне-русской письменности, чѣмъ къ практической жизни народа, тѣмъ не менѣе онъ не чуждъ и этой жизни на столько, на сколько сама она близка къ отреченной письменности. Вслѣдствіе сближенія или объединенія двухъ указанныхъ элементовъ, календарь долго не могъ утратить своего значенія въ большинствѣ Русскаго народа, хотя многіе изъ этого большинства знали о немъ по наслышкѣ. Календарь Брюса далъ по-

[1]) Пам. Отреч. Лѣт. II, 875.

томъ содержаніе послѣдующимъ русскимъ календарямъ, которые только измѣняли по-своему это содержаніе, сокращали или дополняли его.

Народныя вѣрованія, которыхъ касается Брюсовъ календарь, живучи въ извѣстной степени и до сихъ поръ. Раскрывая міровоззрѣніе древне-русскаго человѣка, календарь вмѣстѣ съ тѣмъ знакомитъ насъ и съ міровоззрѣніемъ другихъ народовъ, родственныхъ народу русскому.

Послѣ этого сама собою очевидна неосновательность мнѣнія, будто русскія отреченныя вѣрованія обязаны происхожденіемъ своимъ византійско-христіанской ложной письменности, будто вѣрованій этихъ было бы въ древней Руси меньше, еслибъ она стала подъ вліяніе христіанскаго запада, а не востока. Почти всѣ указанныя нами древне-русскія отреченныя вѣрованія извѣстны были не только средневѣковой Европѣ, но и классической древности. Вездѣ образованное и поучающее меньшинство осуждало эти вѣрованія, и вездѣ онѣ упорно держались въ народѣ. И наши древніе христолюбцы сильно вооружались противъ поганскихъ обычаевъ въ русской жизни; но жизнь крѣпко стояла за наслѣдіе старины. Отреченныя вѣрованія, окутавъ древне-русскаго человѣка со многихъ сторонъ, долго не выпускали его изъ своего чарующаго круга. Не у многихъ избранниковъ доставало силъ сбросить съ себя всѣ богомерзкія коби и начать жить по ученію новой религіи. „Мы же зли“, говоритъ Максимъ Грекъ, „и неблагодарни къ Тебѣ, человѣколюбивому Богу и Владыцѣ, и отъ безсовѣтія безчисленными злыми себе облагаемъ, яко же убо благому, тако и злому себѣ виновни бываеми.... Далече отъ насъ буди таковое безуміе“ [1]).

Ѳедоръ Керенскій.

---

[1]) *Православный Собесѣдникъ* 1860 г., февраль, стр. 374.